T38 —
291

Н. МАТОРИН

РЕЛИГИЯ У НАРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ

86478

Д. О-ВО "БЕЗБОЖНИК"

1-й экз. осн. фонда

Г 38/291
54533/17

СОЮЗ БЕЗБОЖНИКОВ СССР и ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

Х0/М34
2(47.8)

Н. МАТОРИН

РЕЛИГИЯ У НАРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 86478
80

ЯЗЫЧЕСТВО—ИСЛАМ—ПРАВОСЛАВИЕ—СЕКТАНТСТВО

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО „БЕЗБОЖНИК“
МОСКВА—1929

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
86478 | 80

Мосгублит № 28554 Заказ № 1932 Тираж 15.000 экз.

Книжная фабрика Центриздата Народов СССР, Москва, Шлюзовый пр., 6.

Рис. 1. Карта Волжско-Камского края.

ОТ АВТОРА.

В Приволжьи и Прикамьи мы встречаем крайне пестрый этнографический состав населения. Этим об'ясняется и весьма сложный религиозно-бытовой переплет. «Язычники» разных национальностей, «староверы» всевозможных толков, православные (тихоновцы, обновленцы, автокефалисты), сектанты старые и новые (от хлыстов до евангелистов), мусульмане — да где еще, кроме Кавказа и Сибири, найдем мы подобное «смешение языков»! Вот почему антирелигиозная и вообще культурная работа в условиях Волжско-Камского края представляет немало трудностей.

Чтобы правильно наметить вехи антирелигиозной пропаганды сообразно местным условиям, нужно проделать предварительно некоторую исследовательскую работу. Перед автором, который поставил своей задачей написать опыт антирелигиозной книги на краеведческой основе, возникает целый ряд вопросов. Нужно вскрыть корни религиозности различных национальных групп, об'яснить происхождение тех или иных религиозных верований в связи с экономикой края и классовым строем, показать одинаковую природу с «язычеством» и воинствующего православия, и мусульманства, принесенного на Волгу арабскими купцами. Нужно с одной стороны дать исторический марксистский очерк таких явлений, как православное миссионерство, с другой стороны — очертить современное состояние религиозных течений: и частичный рецидив язычества, и кризис православия, и мусульманский реформизм, и новейшие формы сектантской пропаганды. Данную книгу приходится рассматривать лишь как первую попытку работы под таким углом зрения. Более глубокое исследование

потребует усилий многих людей, пристального внимания и многолетних наблюдений. Если, тем не менее, при всех своих недочетах, эта книга по затронутым в ней вопросам будет иметь какой-либо общий интерес и, сверх того, принесет некоторую практическую пользу партийным и культурным работникам Татарии, Чувашской республики и областей Марийской и Вотской—это послужит для автора достаточным источником морального удовлетворения.

* * *

Книга эта писалась и проверялась в тесном общении с рядом товарищей, работающих в области этнографии, изучения местного края и антирелигиозной пропаганды. Все главы ее были читаны и обсуждены с людьми, хорошо знакомыми с условиями работы в Волжско-Камском крае. Считаю своим долгом принести здесь искреннюю благодарность М. Е. Евсевьеву, С. Кутяшеву, Ш. Хамиди, Г. М. Залкинду за их ценные советы, а также товарищам: Егорову, Валитпаеву, Зыкину, Андрееву, снабжавшим меня материалами из местных наблюдений. Клише для рисунков №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19 и 20 сделаны с известных фотографий Моск. Музея Народоведения. Особо должен я поблагодарить Д. Ф. Калинина, предоставившего в мое пользование книжные ресурсы Казанской городской библиотеки, директора центрального музея А.Т.ССР Н. И. Воробьева, П. М. Дульского и Н. Ф. Калинина, оказавших мне содействие в разыскании некоторых иллюстраций.

Просьба ко всем лицам, имеющим замечания и поправки к моей книге или желающим поделиться со мной своими наблюдениями, писать по адресу: Ленинград, ул. Герцена, д. № 6, кв. 3.

Май—август—1928 г.
Казань—Москва.

Николай Маторин.

Рис. 2. Вид Казанского кремля (с гравюры Турнерелли).

ВВЕДЕНИЕ.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ ВСЛЕДСТВИЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ.

В нашем Советском Союзе есть такие места, где особенно ярко проявилась его многоплеменность. Таков Кавказ, таков Волжско-Камский край. На берегах Волги и Камы мы находим, кроме русских — татар, чуваш, марийцев (черемисов), вотяков (удмуртов) [1], мордву [2].

[1] От слов «уд» + «мурт» (человек); удмурт — «человек из племени уд».

[2] См. сведения о численности всех этих народов в приложении.

Чуваши являются, как думают, потомками древнего народа волжских болгар, которые когда-то вели большую торговлю и с Востоком,—с арабскими купцами, и с Западом — славянами и скандинавами (варягами). Болгары издавна занимались хлебопашеством и в голодные годы их страна являлась житницей для соседей славян. Татары появились на Волге в XIII веке, когда они завоевали болгарское царство и покорили затем русские княжества. По языку чуваши и татары родственны между собой и относятся к так называемым турецким народностям. Академик Н. Я. Марр считает чуваш осколком древнего яфетического населения на Волге, родственного многим кавказским народам и баскам Пиринеев.

Вотяки, марийцы и мордва принадлежат к восточной ветви финского племени. В глубокую старину финские народы населяли всю северную и среднюю часть восточно-европейской равнины.

Славяне появились здесь много позднее. Благодаря многовековому соседству славяне и финны многое перенимали друг у друга, тем более, что жили в очень сходных условиях жизни, занимаясь земледелием, пчеловодством, рыбной ловлей и охотой. Продвигаясь с юго-запада на север и восток, от Карпат и нынешней Украины к озеру Ильменю, к реке Волхову, на Волгу и на Оку, славяне постепенно поглотили, а частью оттеснили жившие здесь прежде финские племена: мерю, мурому, емь, вотов и чудь. От смешения славян с финнами и произошли великоруссы, в языке, в обычаях и в так называемых «суевериях» которых очень много общего с финнами. Русские города, как Владимир, Ростов, Суздаль, Муром, Москва возникли на исконной финской земле.

Около тысячи лет назад, вотяки занимали вместе с зырянами, пермяками и остатками югры (тоже финские племена, родственные вотякам) западную часть Вятской губернии и смежные местности Вологодской и Костромской губерний. Марийцы (черемисы) жили на берегах Оки, рядом с мордвой, муромой и мещерой. Чуваши (древние болгары) издавна занимали места между реками Сурой и Волгой, в районе между теперешними городами — Казанью и Ульяновском. Чуваши и мордва раньше перешли к сельскому хозяйству; марийцы же и вотяки еще в XVI веке были по преимуществу охотниками, звероловами. Продвижение русских славян на северо-восток и восток, набеги русских князей на Болгарское царство, сильно вредили чувашам и восточно-финским народам. Уже Владимир «Красное Солнышко» идет походом на болгар. В течение нескольких столетий русские князья, в целях богатой наживы, нападают на волжско-камскую Болгарию. Особенно страдала при этом мордва как пограничная народность. Так, в 1173 году при князе Андрее Боголюбском русские «въехаша без вѣсти в поганыя и взяша

сел 6 и самое городъ мужѣ изъсѣкоша, а жены и дѣти поимаша». В 1221 году русские поставили при устье Оки сильную крепость — Нижний Новгород, откуда и продолжалось по-

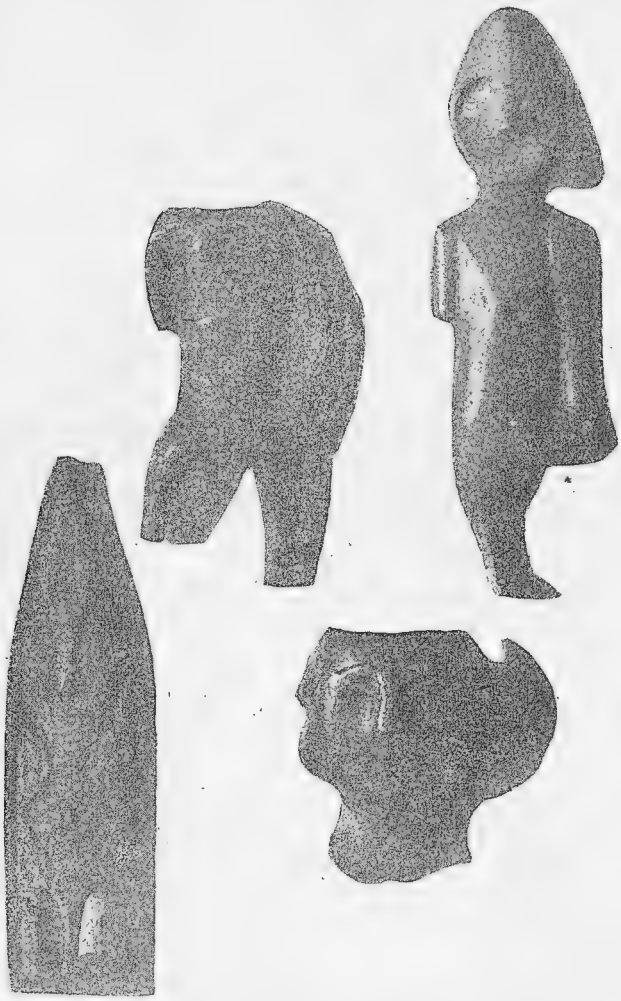

Рис. 3. Древние бронзовые идолы из раскопок в Билярске (с фотографии Центр. музея АТССР).

корение мордовской земли. «Почти каждый год ходили русские полки в мордву, опустошали их селения, сожигали и травили скотом засеянные мордовские поля», говорит П. И. Мельников в своих «Очерках мордвы» [1]. Татары поко-

[1] П. И. Мельников. Собрание сочинений. Изд. 2-ое. Т. VII. Стр. 417.

рили в XIII веке и болгарское царство с приволжскими финнами и русские княжества. Но это не задержало русской колонизации. «Суздальский великий князь Константин Васильевич перенес столицу свою в Нижний Новгород и оттеснил мордву от берегов Оки, Волги и Кудьмы в Терюшевские леса и далее, а на опустелые их селища поселил русских людей [1]. Мордва, под предводительством своих князьков, поднимала порою восстания и иногда действовала удачно против русских. Но те жестоко мстили за это. Так, в 1303 году нижегородская летопись повествует о полном разгроме мордвы. «Всю землю их пусту учиниша, и в город приведоша, и многих на льду волочили, и псами травили, и различно казнили» [2].

Город Арзамас до половины XVI столетия писался «мордовским Арзамасовым городищем», по имени мордовского племени «эрзя». Название «Арзамас» — равно как и названия многих сел и деревень Нижегородской, Пензенской, Тамбовской губерний—говорит о былом распространении мордвы.

Марийцы (черемисы) первоначально жили между Окой и Сурой, а возможно и еще западнее, так как название «меря» могло принадлежать одной из ветвей марийского народа. Славянские племена вятичей и северян теснили с юга мордву, которая, в свою очередь, нажимала на марийцев. Под давлением мордвы, марийцы уступили ей нынешнюю Нижегородскую губернию и, в свою очередь, двинулись дальше, на Восток, вытесняя вотяков. В марийских песнях и сказаниях говорится о борьбе марийских и вотяцких богатырей. Вотяки заселили нынешнюю Вятскую губернию, и в свою очередь, вытеснили и частью поглотили родственное им финское племя чудь.

Марийцы также издавна страдали от русских нападений. Так, в 1468 году русские подвергли черемисскую землю сильнейшему опустошению. «Много было перебито черемис, некоторые сгорели в запаленных русскими селениях. Немало черемисского народу было взято в плен. Не все можно было захватить с собой: то уничтожалось, скот убивался» [3].

Но передвижка племен на берегах Волги, Камы и Вятки не закончилась тем, что мы описали. Русская колонизация неуклонно продолжалась: в 1523 году основан город Васильсурск — при впадении в Волгу реки Суры. Русский торговый капитал крепнет и силится захватить в свои руки весь волжский путь, ведущий в богатые восточные страны.

[1] Мельников, стр. 418.

[2] Нижегор. летопись. Древне-русск. Вивлиофика. Н. И. Новиков. Ч. XVIII, стр. 73. Изд. 2-ое. М. 1791 г.

[3] Проф. Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1 и 2. Изд. 2-ое. Казань. 1921. Стр. 65.

Казанские ханы иногда превращаются в игрушку русского великого князя. Василий III запрещает русским купцам ездить в Казань, а велит вести торг в Васильсурске (в просторечии город «Василь»). Правда, из этого не получилось больших результатов, но вместо Васильсурска выдвинулся город Макарьев, со своим монастырем, привлекавшим многочисленных богомольцев. Иван IV предпринимает несколько походов на Казань, ставит в 1550 году Свияжскую крепость (Иван-город на Свияге) и, наконец, в 1552 году завоевывает все казанское царство. Падение Казани означало уничтожение московским торговым капиталом важнейшего препятствия на пути в Персию. Вместе с тем, московскому государству доставались хлебные поля исстари земледельческого Поволжья и богатые пушным зверьем леса. «Инородцы»-охотники были обложены «ясаком», т.-е. данью в виде звериных шкур. На хлебные же земли потянулся русский колонист, — монах, крестьянин, служилый человек.

Экономическая и политическая сущность покорения Казанского царства облекалась Иваном Грозным и его современниками в религиозную форму. Феодосий, архиепископ Новгородский, писал царю: «дастъ ти Господь Богъ в руцѣ твои царьство, идѣ же ныне темніи и бесерменстіи языци идоломъ покланяются, и твоимъ бы царскимъ подвигомъ и тщаніемъ тутъ Христосъ славился, и Пречистая Его Мати, и честный крестъ Христов... да и ангелъ бы хранитель твой и великій чудотворцы русскіе, и всѣ святіи тутъ жилище имѣли[1]. Русское духовенство возносило молитвы к богу о покорении «безбожных казанских татар» и освящало всю завоевательную политику Грозного. Завоевание сопровождалось истреблением мечетей и постройкой церквей и монастырей. Некрещеные народы подвергались всевозможным административным притеснениям. Крестившиеся же, как правило, переселялись на новые места в русское окружение. Так появились «старокрещенные» татары и чуваши. Нежелавшие окреститься и отдать свою землю русским восставали. В XVI веке отмечены так называемые «черемисские бунты». В «смутное время», т.-е. в годы первой крестьянской революции «инородцы» Поволжья также брались за оружие против русских помещиков и попов. Принимали они участие и в движениях Разина и Пугачева. Разбитые и разоренные русскими они уходили подальше в леса и степи, в верховья Камы, на Урал, в Башкирию или спускались ниже по Волге.

Вот почему, если мы взглянем на карту распределения народностей Волжско-Камского края, нас поразит ее не-

[1] Цит. у А. Можаровского. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г.г. М. 1880. Стр. 2.

обычайная пестрота. Марийцы, и вотяки и чуваши забились в леса — их наиболее густая масса сосредоточена в нынешних Чувреспублике, Маробласти и Вотобласти. Русские оттеснили татар и инородцев» от берегов Волги и Камы, заняв самые лучшие земли и поставив свои крепости — нынешние города Чебоксары, Цивильск, Царевококшайск, Тетюши, Лаишев и другие. Татары, теснимые русскими, в свою очередь, занимали земли вотяков или марийцев.

В Татреспублике встречаются отдельными пятнами чуваши, марийцы, вотяки-«язычники», т.-е. сохранившие свою старую веру. Проходили десятилетия, века, и русские снова догоняли выселенцев, снова окружали их сплошной массой. Оттого в Татреспублике много селений с одноименными названиями. Тут и Чувашская Киреметь, и Русская Киреметь, и Татарская Киреметь (Чистопольский кантон). Часты названия: Савруши, Сярмысь (чув.), Бима (мар.), Юмья (вот.). К одному месту стекались земледельцы разных национальностей. Местами чуваши, мари и вотяки обрусели, восприняли и веру и язык русских — сохранялось лишь старое название селения на их родном языке и пережитки некоторых древних обычаев. Иногда «инородцы» совершенно бросали свое старое пепелище и основывали новое селение где-нибудь в башкирской степи, на Урале, в Сибири, — сохраняя старое название.

Пестрота народонаселения Волжско-Камского края порождает и пестроту религиозных верований. К изучению их мы сейчас и обратимся. Мы разберем историю миссионерской деятельности русского духовенства, которое «верой и правдой» служило интересам помещика и купца.

Нам необходимо будет ознакомиться с древнейшими народными верованиями края, а затем сравнить их с проявлениями анимизма и магии (т.-е. того же «язычества») в исламе и православии. После этого мы займемся разбором современных форм религиозного движения и попытаемся наметить наиболее целесообразные пути борьбы как против вековых суеверий, так и против растущего в последние годы сектантства новой формации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ОРУДИЕ КОЛОНИЗАЦИИ И ОБРУСИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОЛГЕ И КАМЕ.

Монастырская колонизация.—Основание Казанской епархии и христианизация края в допетровский период.—Миссионерская деятельность в Казанской и Вятской епархии в XVIII веке. «Ново-крещенская контора».—Миссионерская деятельность в XIX веке.—Митрополит Филарет. «Братство св. Гурия». «Система» Н. И. Ильминского.

Монастырская колонизация.

Церковный историк А. Можаровский, собравший много ценного материала по вопросу о распространении христианства в Волжско-Камском крае, пишет, что «для одержания окончательной победы над Казанью надлежало русским победить иноверцев, инородцев Казанского края, еще нравственно — мечом духовным, иже есть глагол божий, победить верою, христианским православием; тогда только Казанские «бусурманы» могли быть истинно и по духу побежденными и сделаться верными поданными русского христианского государства» (стр. 2). Мы теперь можем быть только благодарны таким историкам, как Можаровский и ему подобные, писавшим по заданиям духовенства, потому что никто больше них не припас горячих углей на голову православной церкви.

Закончив кровавую резню последних защитников и населения Казани, русские немедленно стали служить торжественные молебны. Иван Грозный собственной рукой водрузил крест на месте первой церкви. В один день были построены и освящены две (разумеется, деревянных) церкви. 4-го октября «после молебна Иоанн со всем духовенством, синклитом и воинством обошел город с крестами и посвятил его Богу истинному. Иереи кропили улицы и стены св. водою, моля Вседержателя, да благословит сию новую

твердыню православия»[1]. 6-го октября была уже сложена и освящена в присутствии Ивана соборная церковь Благовещения; царь сам указал места, где должны были быть построены новые церкви. Тогда же было положено начало

Рис. 4. Угловая башня в Раифской пустыни.

Зилантову монастырю[2] близ Казани и выбрано место в Кремле для Спасо-Преображенского монастыря.

В Свияжске, по указанию царя, было поставлено 2 монастыря. В 1566 году возник Троицкий монастырь в Че-

[1] Карамзин. История Государства Российского. Т. VIII. Стр. 186.
[2] «Джилан-тау» — по татарски «Змеиная гора», отсюда название «Зилантов».

боксарах. В начале XVII века были основаны, столь знаменитые впоследствии, Седьмиозерная и Раифская пустыни вблизи Казани и Спасо-Юнгинский монастырь среди горных мари. В первой половине XVIII века в Казанской епархии числилось 44 монастыря [1].

Рис. 5. Вид Седьмиозерной пустыни.

Церковные историки слащаво расписывают, как святые отшельники приходили в дикие лесные дебри, населенные черемисами или чувашами, ставили кельи, а вскоре возникали на этих местах и обширные монастыри, укрепленные стенами и башнями. Но вместе с тем эти официальные историки вынуждены констатировать тот факт, что «русские цари со времени Грозного, раздавая новым монастырям свободные и несвободные земли в Казанском крае наравне с властями, служилыми людьми и помещиками, смотрели на монастыри, как на важнейших представителей русской колонизации... Монастыри, получая государево жалованье, чувствовали себя обязанными охранять государственные интересы и старались населять свои земли русскими людьми, пользуясь льготными владельческими правами... Пустыни возникли не

[1] И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX в.в. Т. I, Казань. 1897. Приложение II.

в главных городах и населенных пунктах, а в глуши лесов среди инородческих селений, главным образом, среди черемис. Эти места были мало доступны для русской колонизации и покрыты мраком язычества. Монастырские храмы сделались маяком в лесных дебрях».

«Дикие черемисы, не смирявшиеся перед силой русского оружия, смирялись перед силой христианского бога, проявляющейся в чудесах, и перед кроткими отшельниками, которым уступали свои земли»[1]. Как вели себя «кроткие» отшельники, видно, впрочем, из фактов. «28 августа 204 (1696 г.) бил челом великому государю ясачный новокрещен Зюрейской дороги деревни Толонгозиной, чувашин Гришка Григорьев с товарищами: в прошлом 133 (1625 г.) даны дедам и отцам нашим сенные покосы за Волошкой, на острове, на те покоса дана владенная выпись; ныне (насильно) начали косить Раифской пустыни игумен с братиею неведомо по каким крепостям»[2].

Благодаря богатым вкладам и царским пожалованиям землями, в том числе и «несвободными», т.-е. такими, с которых силою надо было сводить не считавшихся за людей «инородцев», монастыри быстро богатели. Иноки Седьмиозерной пустыни еще в 1646 году «кормились мотыками», т.-е. занимались огородничеством. А в 1678 году пустыни принадлежало 19 крестьянских дворов «и по даче имелось земли в 459 четвертей, 219 десятин, сенных покосов на 2100 копен, лесных угодий длиной на 18 верст, мельниц 4, рыбных ловель в одной реке и 3-х озерах, в Казани в рядах 13 лавок[3]. Другие монастыри были еще богаче, владея рядом сел, деревень, рыбных ловель и проч. Спасо-Преображенский монастырь имел в 1764 году 2.129 душ прикрепленных крестьян, а Свияжский монастырь даже 7.247 душ[4].

Церковный историк не может скрыть, что «будучи передовыми просветительными и колонизационными пунктами в инородческом крае, казанские монастыри вместе с тем, являлись опорными пунктами для русского политического могущества при столкновениях с «инородцами»[5]. «В 1574 году инородцы напали на Зилантов монастырь, разграбили его, сожгли церковь, а

[1] И. М. Покровский. «Из истории казанских монастырей до 1764 г.». Казань. 1902. Стр. 10. (Подчеркнуто мною. Н. М.).

[2] Н. Никольский. «Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI — XVIII веках». Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этн. при Казанском Университете. Т. XXVIII. Стр. 53.

[3] И. Покровский. «Из истории казанских монастырей до 1764 г.». Стр. 16.

[4] К. Луппов. Христианство у вотяков. Вятка. 1901. Стр. 97.

[5] И. Покровский. Там же.

крестьян увели в плен». Этот монастырь служил охранительным пунктом для самой Казани. В «сполошное время» туда, для береженья от изменников» посылались стрельцы и ратные люди. В таких случаях монастырь превращался в крепость. В «смутное время» монастыри играли контрреволюционную роль. Немудрено, что «игумена Чебоксарского Троицкого монастыря Геласия бродячие казаки сбросили с башни и убили (1610 г.). «В 1617 г. Казанский Спасо-Преображенский монастырь выпросил разрешение построить острожек в своей вотчине, селе Мамадыш, для защиты от ногайских людей. Случалось, — замечает И. Покровский, — что набеги инородцев ограничивались разграблением одних монастырей» [1].

Служа средоточием обрусительной политики, захватив насильно большие земли, скопив в своих руках значительные богатства и эксплоатируя без жалости труд крепостного земледельца, монастыри, естественно, должны были вызвать к себе ненависть коренного населения. Созданные впоследствии благочестивые легенды прикрасили неприглядную старину. Но мы теперь должны разоблачить эту историческую ложь перед трудящимися массами Волжско-Камского края, перед потомками некогда угнетенных царями, помещиками и попами народов бывшего Казанского царства. Каменные стены Раифской пустыни и ее старинные чугунные пушки до сих пор напоминают о «мирном подвиге» святых отцов.

Такую же руссификаторскую роль играли и вятские монастыри среди вотяков. С этой точки зрения следует рассматривать и деятельность Трифона вятского, неутомимого колонизатора в рясе. Как хорошо жилось крестьянам, попавшим в руки духовенства, можно судить по отношениям соборной вотчины к Вятскому архиерейскому дому в XVII веке. «Крестьяне... не хотели повиноваться и епископу и неоднократно посылали к царю ходоков с просьбою перечислить их в разряд черных тяглых людей, а то и просто бунтовались. Много времени и энергии нужно было употребить Вятским владыкам... чтобы смирить непокорных крестьян и заставить их отбывать повинности в пользу архиерейского дома [2].

С заселением казанской окраины, колонизаторская роль монастырей была сыграна. При Петре и Екатерине многие монастыри были закрыты, а имущество их перешло в казну, о чем церковники не переставали вздыхать еще и в XX веке. Рост населения принес, однако, оставшимся более мощным монастырям новые источники дохода, о чем будет речь в дальнейшем (см. главу: Православное «язычество»).

[1] И. Покровский. Стр. 11.
[2] П. Луппов. «Христианство у вотяков». Вятка. 1901. стр. 83.

В насильственной христианизации Волжско-Камского края монастыри играли тоже не последнюю роль. Так, например, в отношении чуваш историк миссионерства говорит: «Общение чуваш... с монастырями было двоякого рода: принудительное и добровольное. Подневольное общение имело место там, где чуваши были замечены духовенством в продолжительном уклонении от христианских обязанностей, как-то: исповеди и св. причастия, хождения в церковь и т. д. На монастырское послушание посылались одинаково как лица мужского пола, так и женского» для наставления и обучения христианскому долгу»[1]. Хорошо «общение» с монастырем — в каменном мешке и в цепях!

Основание Казанской епархии и христианизация края в допетровский период.

Вскоре после захвата Казани и усмирения первых восстаний коренных насельников края была создана Казанская епархия (в 1555 году). Первым архиепископом казанским был Гурий, имевший личный наказ от Ивана IV для управления своей епархией и обращения в христианство населявших ее народов. Главное внимание Москвы было вначале уделено татарам. Подбирались и соответствующие сотрудники для Гурия, например, архимандрит Варсонофий, бывший в юности в плену у крымцев и научившийся там татарскому языку[2]. Варсонофий был, кроме того, и лекарь. Он лечил татар и вел с ними диспуты о преимуществах православия перед исламом. Татарам было, безусловно, трудно спорить, когда на стороне православного духовенства была и вооруженная сила и весь административный аппарат.

В Свияжском Успенском монастыре действовал другой сотрудник Гурия, Герман, распространяя свою миссионерскую проповедь на правый берег Волги. Впоследствии Гурий, Герман и Варсонофий были «причислены к лику святых» как «просветители» Казанского царства. Подоплека этой миссионерской деятельности легко об'ясняется из ее последствий. «В усмирении Казанского бунта, поднятого мусульманами в 1556 году, принимали участие уже новокрещеные»[3].

Однако, обращение в христианство по большей части носило только внешний характер. Казанский митрополит

[1] Н. Никольский, «Христианство среди чуваш». Стр. 175-176.

[2] В житии его говорится: „и невѣрныя приводя въ Христову вѣру, бѣ бо навыкъ писанью Сарацынскому и Мухамедова скверная преданія Сарацыном добрѣ вѣдый, и языками многими вѣдяще глаголати, и стязаяся с невѣрными и укоряя ихъ и препирая, и ко крещенію приводя..." (Можаровский, стр. 21).

[3] Можаровский, стр. 23.

Ермоген в следующих чертах изображает свою «паству» в донесении царю Феодору Ивановичу: «Въ Казани, и въ Казанскомъ и въ Свіяжскомъ уѣздах, живут новокрещены съ татары и съ чувашею и с черемисою и с вотяки вместѣ, и ѣдятъ и пьютъ съ ними съ одного, и къ церквамъ Божіимъ не приходятъ и крестовъ на себѣ не носятъ и в домах своихъ Божіихъ образовъ и крестовъ не держатъ

Рис. 6. Патриарх Ермоген.

и поповъ в домы свои не призываютъ... да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно». [1] Так как увещания Ермогена на новокрещеных не действовали, было решено принять более крутые меры. Для новокрещеных отвели особую слободу „мѣжъ Русскихъ людей, гдѣ татаръ бы близко не было". „А которые новокрещены хрестьянскіе вѣры крѣпко держати и поученья митрополича и отцовъ духовныхъ слушати не учнутъ, тех смиряти, в тюрьму сажати, и бити, въ желѣза и въ чепи сажати, а на иныхъ и заповѣди имати, а иныхъ

[1] Можаровский, стр. 24—25.

отсылати к Ермогену митрополиту, а митрополит им опитемьи чинит по правилам св. Апостоловъ, чтобъ однолично новокрещенов всѣхъ во хрестьянскую вѣру привесть крѣпко и утвердить, и отъ татарскія бы вѣры отлучити и отстращати... Мечети же татарскіе всѣ посметати и впередъ татарамъ мечети однолично не ставити, и конечно бъ мечети татарскіе извести“ [1]. Вот какого свирепого указа добился „святитель“ Ермоген от „тишайшего“ и „блаженного“ Феодора Ивановича, любителя звонить на колокольне, юродивого на царском троне.

Преемник Ермогена, митрополит Ефрем, был достоин вполне своего предшественника. Он был одним из столпов помещичьей и купеческой контрреволюции в годы «смуты», удерживая «колеблющуюся Казань в верности отечеству». Он же «благоразумными мерами усмирил и восстание инородцев» [2], рассчитывавших снова отвоевать себе потерянную в предыдущем столетии независимость. Это Ефрем послал под Москву «чудотворную» икону Казанской божией матери, с которой занимали Москву войска князя Пожарского. Тот же Ефрем венчал на царство и первого Романова, Михаила.

В течение XVII века, как мы видели выше, в крае происходила усиленная колонизация, главным образом, при посредстве монастырей. Московское правительство, в целях утверждения православия, приняло целый ряд мер административного и экономического характера. Не православным помещикам было запрещено иметь у себя крещеных крепостных. „А будетъ которые Русскіе люди учнутъ у некрещеных иноземцевъ во дворѣхъ служити по крѣпостямъ или добровольно: и тѣхъ сыскивая, чинити имъ жестокое наказаніе, чтобы имъ и инымъ такимъ не повадно было такъ дѣлати“ [3]. Особенно сурово карал закон совращение в мусульманскую веру, а такие факты имели место не только у чуваш или вотяков, но и среди русских, особенно давно обжившихся среди татар. А будетъ кого бусурманъ—говорит Уложение—какими-нибудь мѣрами, насильствомъ, или обманомъ русского человѣка къ своей бусурманской вѣре принудитъ, и по своей бусурманской вѣре обрѣжетъ, а сыщется про то до пряма: и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнемъ безо всякого милосердія [4].“ В делах веры не могло быть места милосердию.

От некрещеных мурз и помещиков земли отбирались в казну или передавались крещеным их родственникам, да

[1] Можаровский, стр. 26—27.
[2] Можаровский, стр. 28—29.
[3] Уложение царя Алексея Михайловича, гл. XX, стр. 70. Цит. у Можаровского, стр. 32.
[4] Уложение, гл. XXII. Цит. у Можаровского, стр. 33.

кроме того, сулили крещеным и денежные награды «мурзам по десяти рублев, женам их по пяти рублев и т. д.». Простые татары получали за крещение по пяти рублей. Таким образом, Московское правительство добивалось своих целей не только путем угроз и насилий, но и путем подкупов, путем воздействия на шкурнические инстинкты. Возмущенные притеснениями Московского правительства татары решили снарядить в 1682 г. послов к турецкому султану, „чтобъ имъ изъ подъ державы царского величества свободнымъ быть".

В конце XVII века принуждено было креститься и много мордвы, марийцев, вотяков. Указом 1682 г. мордве предлагалось, чтобы они, поискавъ „благочестивыя христіанскія вѣры греческого закона, крестились всѣ, а какъ они креститься не похотятъ и имъ сказати, что они отданы будутъ в помѣстья и въ вотчины некрещенымъ мурзамъ и татарамъ"... Свободная мордва принуждалась к крещению под угрозой насильственного обращения в крепостное состояние. Вот какими мерами насаждалась в крае вера православная.

Миссионерская деятельность в Казанской и Вятской епархиях в XVIII веке. «Новокрещенская контора».

Русский торговый капитал и помещики-колонизаторы в эпоху преобразований почувствовали еще большую необходимость закрепления волжского пути в своих руках, препятствием к чему служили казацкие «бунты» — вроде разинского или булавинского. К этим «бунтам» приставали обычно как некрещеные, так и крещеные «инородцы». Но в отношении последних все же было больше гарантий, что они останутся верными «белому царю». Поэтому, наряду с мерами чисто военного порядка (например, возобновление укреплений Свияжска по распоряжению Петра I), предпринимаются меры и по линии духовного ведомства.

Марийцы, принимавшие участие в восстании Разина, были опасны для русского правительства, оставаясь язычниками. Поэтому, отправляя в Казань митрополита Тихона, Петр дал ему задание приступить к массовому крещению мари, «обнадеживая его великого государя милостию и льготными годы». Привлекаемые 3-хлетней льготой от податей, в 1701—1705 годах крестилось 3.683 мари. За счет казны было построено 7 церквей, а в Казани была основана школа для черемисских детей, в целях подготовки будущих священников. В этой школе детей ожидала зубрежка, гнет наставников, побои, к тому же надо прибавить, что школа была в крайне антисанитарном состоянии. Деятельным сотрудником Тихона в деле «обращения неверных на путь истины» был иеромонах Алексей Раифский.

К концу первой четверти XVIII века было уже до 40.000 новообращенных «инородцев»; некоторые ухитрялись креститься по два и даже по три раза, чтобы получить материальную выгоду. Наряду с этим наблюдалось очень сильное отпадение в «махометанское злочестие», т.-е. в ислам. В целях борьбы с этим явлением Тихон приказал сравнять с землей кладбища, где крещеные татары совершали погребения без священников, и предписал им в обязательном порядке посещать церковь. А в целях контроля митрополит предлагал: «должно над ними быть современным незапным приездом высшему надзирателю, ради обучения, дабы имели страх» [1]. Потомки татар, обращенных в православие при Иване IV, не умели еще в середине XVIII века совершать «крестное знамение» и это ужасало церковные власти, взывавшие к содействию властей гражданских.

С 1740 по 1763 г.г. в Свияжске действовала специальная «контора новокрещенских дел» для обслуживания Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерний. «Вдохновителем» всей миссионерской проповеди в этот период явился знаменитый архиерей Лука Конашевич, с «методами работы» которого мы познакомимся несколько ниже. Непосредственно же действовали в конторе архимандрит Дмитрий Сеченов, советник Ярцев и другие. Годовой бюджет конторы был определен в 10.000 рублей, кроме того, с «иноверцев» собиралась натурою крупа и хлеб. Средства шли на содержание проповедников, школ «для обучения инородческих детей», а главное — «на дачу иноверцам при крещении денег, платья и обуви». Полагалось давать каждому крестившемуся крест, рубашку, обувь, шапку, по 1½ рубля денег взрослому и по полтиннику — малолетнему [2].

Кроме того, были подтверждены и старые льготы об освобождении на 3 года новокрещенцев от податей и рекрутской повинности. Подати с крестившихся в продолжение льготных лет должны были раскладываться на оставшихся «иноверцами», что вело к большим раздорам. Сидевших в тюрьме за мелкие проступки было разрешено отпускать на волю, если они крестятся.

Как и следовало ожидать, количественные «успехи» новокрещенской конторы были довольно велики. За первые два года ее существования крестились 17.362 человека, да еще Ярцев обратил за 9 месяцев в 1742—1743 годах 10.000 человек. Успехи, достойные Владимира «святого»! Труднее всего давались татары, которых конторе удалось окрестить лишь 3.670 человек. Это было вполне понятно, если обра-

[1] Можаровский, стр. 47.

[2] Священник Богословский. Краткий исторический очерк Казанской епархии. Казань. 1893. Стр. 21.

титься к фактам «апостольской» деятельности преосвященного Луки. Из 536 мечетей в Казани и Казанском уезде в 1742 году было сломано 418. «Кроме того, у татар насильно брали детей и помещали их в новокрещенские школы, в средине селений их воздвигали церкви и часовни. Особенно подвергались притеснениям татары, жившие в Казани. Преосвященный Лука в досаждение им делал мимо домов их крестные торжественные ходы, поднимал из всех церквей иконы и хоругви и совершал процессии при звоне колоколов всех церквей» [1]. При Иване IV татары были выселены в особую слободу, но Конашевич и здесь построил две церкви, а так как по закону мечети не могли быть при церквах, а равно и мусульмане не имели права жить среди православных, то татары и были выселены вновь.

Немудрено, что в 1750 году некоторые новокрещеные татары подали в синод прошение, в котором об'ясняли, «что преосвященным Лукою они крещены в православную веру из-под неволи, будучи во время крещения в безумии [2]. В Казанском крае благодаря такой политике Конашевича едва не вспыхнуло восстание, и в 1755 году этого «ревнителя» православной веры должны были срочно убрать. «Каков поп, таков и приход». Духовенство [3] требовало «ругу» с новокрещеных прихожан и вымогало ее всякими способами. Священник села Хочашева, Ядринского уезда, Иван Алексеев «у Енгильды Терентьева в 1745 году 6 загонов под пар запахал, на 15 овинов яровым посеял; у Дмитрия Мимоткина насыпал хлеба, вошедши в клеть; Ензерова посадил на цепь и запер в хлев; у Алексеева взял топор, Микушина травил собаками и бил рычагом, у Петрякея сломал клеть, полосмину гороха взял да 4 алтына денег; церковному сторожу Булатову велел собирать по гривне со двора, что было выполнено» [4] и т. д.

Н. Никольский приводит, по архивным данным, и характеристику миссионерской «проповеди» в период деятельности новокрещенской конторы. Миссионер приезжает к Нижегородским чувашам. Происходит «беседа».

— Миссионер: «ты, Савка, молишься по прежнему своему обычаю иноверческому и за то буди анафема».

— Савка: «буди ты сам проклят».

Беседа озлобила новокрещеных. Многие из присутствующих подняли крик. «Подлые христиане»,—оканчивает миссионер свой рапорт епархиальному начальству—не приняли от меня поучения: обратно ушли в дома». «У некоторых проповедников миссионерские поездки служили средством

[1] Можаровский. Стр. 90.
[2] Можаровский. Стр. 91.
[3] С 1733 г. в Казани было положено начало духовной семинарии, рассаднику «пастырей» для епархии.
[4] Никольский. Христианство среди чуваш. Стр. 111.

для обеспечения. Проповедники, будучи в новокрещенских жительствах, выбирали «достаточных людей» и примечая у них хороших лошадей, скот и проч. «делали прицепку, грозили взятием в город для жесточайших расспросов». Если оные проповедники случались не из монахов, а из протопопов и священников, то, ездя по новокрещенским жительствам с женами и детьми, сами сбирали деньгами, скотом, овчинами, а жены их—холстами, пряжей, шерстью, льнами, а также всякою живностью» [1].

Такие же явления отмечены и в соседней Вятской епархии, где особой миссии не было, но зато отличалось приходское духовенство. «В 1753 г. вотяк деревни Дондинской, Адам Чупин жаловался, что поп села Покинского, Мина Фоминых, приехавши к нему, собирал на подаяние исповедных ведомостей деньгами—по 1 коп. с каждой муж и женска полу души; у меня денег не прилучилось и он меня бил и плетью стегал, да взял овчину неделанную за 2 коп., а стоила она по настоящей цене 8 коп.» [1]. Сын попа с дьячком в деревне Кузье бьют вотяка плетьми за употребление в пищу мяса в постный день, т.-е. в среду. Особенно же преследовалось выполнение новокрещеными языческих обрядов. В 1752 г. Вятская духовная консистория послала в качестве следователей по такому делу архимандрита Герасима и ключаря Хлыновского собора, попа Луку. Они вынесли такой приговор: «за совершение жертвоприношения при деревне Варыш—8 человек на страх другим, дабы впредь им чинить такого суеверия было неповадно, в новокрещенских жилищах наказать плетьми нещадно и для церковного покаяния на великий пост отослать в Слободской Богоявленский монастырь, 62 вотяков наказать плетьми слегка, а 120 отослать к приходским священникам для церковного покаяния... и за намерение учинить жертвенное мольбище при деревне Люк наказать плетьми 68 человек» [3]. Попы вымогали у новокрещеных взятки под угрозой донести в консисторию, клепали в колодки до уплаты денег, словом, измывались всячески.

Если прибавить к вышеописанному те притеснения и вымогательства, которые чинила новокрещеным (как и язычникам) светская власть, то картина жизни народов Среднего Поволжья и Прикамья в середине XVIII века получится безотрадная. Немудрено, что моментами чуваши, мари, вотяки и др. срывали свою злобу на ненавистных попах и миссионерах. Протопопа Георгия Давыдова в 1741 г. марийцы Царевококшайского уезда хотели сжечь в избе вместе с командою за то, что у него не хватило денег для раздачи

[1] Никольский. Стр. 112.
[2] Луппов. Стр. 242.
[3] Луппов. Стр. 243-244.

новокрещеным. В 1743 г. в Цивильском уезде чуваши деревни Кошек напали на того же Давыдова «и цепами били, и ограбили», и едва не уничтожили и солдат его команды. Такие же нападения бывали и на других проповедников и попов, особенно если они наталкивались на языческие жертвоприношения. Так, в 1752 г., в Балезинском и Глазовском приходах было избито несколько священников. Их «за волосы драли и говорили, ради чего приехали, разве смерти охота, и их, попов плутами называли» [1]. Сам Дмитрий Сеченов, будучи уже архиепископом Нижегородским, в 1743 г. разогнал мордовские поминки на кладбище, за что потерпел нападение от мордвы, и вынужден был спасаться от смерти в погребе у священника, накрывшись кадкой. «Мордва 8-ми деревень Терюшевской волости подавала в этом году прошение своему владельцу, грузинскому царевичу Баккару Вахтингеевичу: «А мы,.. сироты Ваши, христианской веры принять не можем и желаем быть в своей старой мордовской вере попрежнему, а мечетев у себя никаких не имеем, а молимся... в полях и лесах. А ежели, паче чаяния, нас, сирот Ваших, будут принуждать к крещению неволею, то мы... оставя домы свои, будем бегать и укрываться по лесам и по другим местам, как напредь дедов, и отцов, и сродников наших к крещению приводили, отчего они, домы свои оставя, разбежались... також и ныне, домы свои и пожитки зажигать будут и сами, собрався семьями, пожгутся или всякими виды себя к смерти приводить будут, которые образцы и являются и крестившиеся из-под неволи в Арзамасском уезде предали себя удавлению...» [2]. Мордва доказывала в своем прошении, что насильственные меры поведут к разорению крестьян, а значит, к ущербу для государства, и просила «к нам в Терюшевскую волость для крещения никого не впущать».

Встревоженное брожением среди населения Волжско-Камского края правительство в 1763 году упразднило новокрещенскую контору, но последствия ее «плодотворной» деятельности вскоре сказались. Недовольство выявлялось и в екатерининских комиссиях по составлению нового Уложения, где участвовали выборные от татар, чуваш и др. Когда же разразилось пугачевское восстание, новокрещеные массами к нему примкнули вместе с «язычниками» и татарами и выместили на духовенстве давнишние обиды. Предоставим слово церковному историку:

«Почти во всех инородческих селах духовенство было избито ими или перевешано. В Цивильске убиты 4 священника, дьячек и пономарь; в Чебоксарском уезде убито— 12 священников, 5 дьяконов, 2 дьячка; в Царевококшай-

[1] К. Луппов. Стр. 247.

[2] Опубликовано впервые М. Е. Евсевьевым. Мордва Татреспублики. Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань. 1925. Стр. 186-187.

ском—1 священник; в Козьмодемьянском—2 священника, 2 дьякона, 1 дьячек, всего 31 духовное лицо. В смежной с Казанскою Нижегородской губернии убито в уездах Алатырском, Курмышском и Ядринском духовных лиц 83 человека. В других местах района действий новокрещенской конторы убито духовных лиц 18. А всех—132 человека» [1]. Вешали попов пугачевцы и в соседней Вятской епархии.

Правительство подавило движение Пугачева. Но еще долго боялись, как светские так и духовные власти, посылать проповедников в чувашские или марийские села. На запрос синода в 1799 г. сенат ответил отрицательно, опасаясь возмущения «инородцев». Новый поворот в миссионерской деятельности наметился лишь в следующем столетии.

Миссионерская деятельность в XIX веке.

Религиозные увлечения и мистицизм Александра I, которые были выражением политической реакции после наполеоновских войн, отразились и в Казанской епархии, в виде открытия отделения российского библейского общества. Открылись также 15 «сотовариществ» общества, большею частью в уездных городах. Начались переводы нового завета на чувашский, вотяцкий и др. языки. Но вся эта работа проводилась в верхах церковного ведомства. Многоплеменная масса населения Волжско-Камского края, насильственно и искусственно христианизированная в предшествующие столетия, фактически продолжала оставаться при своих прежних верованиях. В 1827 г. несколько тысяч крещеных татар подали прошение Николаю I с просьбой оставить их в магометанской вере их дедов и прадедов, так как «ныне неизвестно по каким обстоятельствам переведены крещением в греческое вероисповедание» [2]. Заявители основываясь на екатерининском указе 1764 г., согласно которому крещение не должно носить принудительного характера. Духовные власти снарядили в командировку трех протоиереев для увещевания «отступников». Апостолы эти были снабжены каждый «одним экземпляром Нового завета на татарском языке». Но, не надеясь на меры духовные, предписано было «преосвященным Ионою» внушать уклоняющимся, что «просьбы их... самые нелепые и богопротивные и не только удовлетворены быть никогда не могут, а, напротив, преложа монаршее милосердие и снисхождение к их невежеству на гнев, могут их подвергнуть жестокому наказанию» [3]. Гражданские власти

[1] Можаровский. Стр. 98; цифры взяты из «Истории Пугачевского бунта» у А. С. Пушкина.
[2] Можаровский. Стр. 117.
[3] Можаровский. Стр. 121.

одновременно же начали следствие о заявителях. «Зачинщиков» судили, приговорили многих к наказанию плетьми, некоторых сослали в Сибирь (в том числе и чиновника, выдавшего копию с указа 1764 года). Многих выдерживали в монастырских тюрьмах (Раифа, Ивановский монастырь в Казани), где их «увещевали» миссионеры. Упорных наказывали плетьми и также ссылали в Сибирь. Суд предостерегал и на будущее крещеных татар, «чтобы они впредь подобных поступков не делали, потому что они влекут за собой гнев божий и гражданское наказание». На местах «орудовали» исправники. Николай Палкин был верен себе в церковной политике, хотя кое-кого резолюции царя на прошениях «инородцев» и могли обмануть показной «веротерпимостью». «По плодам их узнаете их», сказано в писании.

Массовое возобновление языческих жертвоприношений у вотяков и мари в 1827 же году [1] заставило духовное ведомство вновь учредить в Казани, так называемую, «миссию». По данным духовного ведомства, в 1829 году по Казанской епархии (включая губернии Казанскую и Симбирскую) числилось некрещеных 143.284, «придерживающихся заблуждений»—299.314, «оставивших свои заблуждения»—275.790 и, наконец, «крещеных душ» — 575.104. Числу «оставивших свои заблуждения» не вполне верил даже сам преосвященный Филарет, вновь назначенный по личному выбору самого Николая I глава епархии. Однако, проект организации в Казани миссионерского института в синоде провалился. В качестве миссионеров Филарету были даны в помощь три настоятеля монастырей: Чебоксарского, Кизического и Раифского. Решено было снова привлечь «черное» духовенство к «работе». Ведь оно уже оказало такие услуги царскому правительству в прошлые времена.

Отпадшие от церкви подвергались увещанию священника, в случае безуспешности этого увещания вызывался миссионер; за упорство отступник подлежал переселению в «старорусские» деревни. Если же и это не помогало, то сажали в монастырскую тюрьму, а затем ссылали в Сибирь. Такое соединение «миссии» с административными репрессиями—«помогало». Филарету удалось окрестить за годы своего пребывания в епархии около 5.000 человек, из них чувашей 86% [2]. Церемонию крещения он обставлял очень торжественно, но за крестом «кроткого архипастыря» скрывалась нагайка исправника.

Миссионеры, не владея местными языками, выполняли свои обязанности формально. Даже в тех случаях, когда мис-

[1] Например, при дер. Варангуше, Царевококшайского уезда в молении принимало участие 4.000 чел. (Можаровский. Стр. 117).

[2] Можаровский. Стр. 180.

сионерам приходилось «увещевать» отступников, не поддающихся «внушениям» приходского духовенства, они стремились только «как бы поскорее выполнить форму и скачать с рук долой увещеваемого суб'екта, а там, как хочет, ведайся с ним гражданское начальство (суд)» [1]. Да и по образовательному уровню миссионеры из монахов были весьма мало подготовленными людьми.

Священники, в свою очередь, нарочито скрывали истинное положение вещей в своих приходах, боясь потерять место и доходы. В статье Нурминского об инородческих приходах рассказывается, как часто бывало в те времена на практике с «миссией». «Едет, например, миссионер в село N, священник узнает об этом раньше и спешит в город, к исправнику. «Так и так, м. г., выручите, буду за вас бога молить...» При этом старается задобрить исправника посильным приношением... Исправник обещается помогать: обещание исправника свято и нерушимо. К приезду миссионера исправник спешит в приход и при собрании прихожан в церковь крепко-накрепко заказывает строгое молчание под опасением грозной расправы... При этом в село, на место собрания прихожан, он отправляет своих агентов. Прихожане не молчат и молятся в церкви усердно. Миссионер видит усердие прихожан и доносит о том, куда следует. Там рассматривают и определяют: наградить священника за полезное и усердное прохождение своей должности. Но подобные обстоятельства еще более отталкивали инородцев от церкви» [2].

Еще замечательнее были действия администрации в Вятской епархии. Там вотяков и марийцев «обращали» в православие... исправник, татарин-мусульманин князь Девлет Кильдеев вместе с протоиереем-миссионером Покровским. Исправник рапортовал о своих успехах губернатору. За «ревностное содействие в преобразовании черемис» князь-исправник был высочайше награжден в августе 1830 года бриллиантовым перстнем [3]. Секрет успеха исправника и его спутника в рясе было нетрудно раскрыть. Утвержденное Николаем I распоряжение гласило, что всякий исполнитель языческих обрядов, «кроме прочей ответственности по законам, немедленно будет выведен из селения, где живут черемисы-христиане» [4].

Действуя в эпоху Николая Палкина «по-военному», духовное ведомство пользовалось даже такими способами «пропаганды», как походная церковь, каковую для сей цели временно передал в пользование Казанской епархии атаман

[1] Можаровский. Стр. 201.
[2] Можаровский. Стр. 198.
[3] А. Андриевский. Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений. Столетие Вятской губернии. Т. II, стр. 549.
[4] Андриевский. Там же.

войска Донского. Но результаты миссионерской проповеди, как видно по цифрам, оказались все же незначительными. В 60-х годах обнаружилась новая волна «отступничества».

Либеральные веяния в начале царствования Александра II отразились и в изменении курса церковной политики. Профессор Казанской духовной академии Е. А. Малов писал в 1865 году: «Полицейское вмешательство только раздражало крещеных татар, уклонившихся в магометанство; различные меры (например, переселение) более разоряли татар и деморализировали их, чем укрепляли их в вере христовой и в правилах благочестия... Ужели не найдется других, более верных средств...» [1]. И Малов предлагал услуги студентов противомусульманского отделения академии [2] в качестве миссионеров.

Внутренней пружиной для такой перемены тактики были, конечно, многочисленные волнения среди крестьян. К земельным утеснениям в Казанской губернии прибавлялись религиозные. Так, в Мамадышском уезде едва не вспыхнуло восстание крещеных татар «по поводу приведения над ними в исполнение высочайшего повеления о расторжении их с некрещеными их сожительницами» [3]. Пришлось отменить «высочайшее повеление».

В 1867 году в Казани было открыто «братство св. Гурия», названное так по имени первого миссионера в Казанском крае и привлекшее в свой состав не только духовных лиц, но и купцов именитых и попечителя учебного округа и других «почетных лиц разных сословий». Открытие братства означало поворот в постановке православной пропаганды от грубых старинных способов к новым, более тонким и хитроумным. Братство поставило среди своих задач, наряду с обычной миссионерской проповедью—«заведение инородческих школ и распространение книг на их народных языках» и «устройство среди инородческого населения церквей». Богослужение и школа на родном языке—вот орудие, которым решила воспользоваться теперь православная церковь, приспособляясь к изменениям общественной обстановки [4].

Идейным вдохновителем и руководителем миссионерского дела в эту эпоху явился ученый ориенталист, знаток восточных языков Н. И. Ильминский. Крайний реакционер, друг Победоносцева, он был в то же время весьма дальновидным человеком и употребил свои знания для того, чтобы

[1] Цит. у Можаровского. Стр. 252-253.
[2] Духовная академия была основана в Казани в 1842 г.
[3] Можаровский. Стр. 251.
[4] «При помощи учебных руководств на инородческих языках, писанных русским шрифтом, не труден для инородцев переход и к русской грамоте и мало-по-малу, незаметно для самих себя, инородцы привлекаются к народу русскому и сродняются с ним», писал в 1868 году один из руководителей братства Н. И. Золотницкий. (Цит. у И. Н. Смирнова — Черемисы. Стр. 79).

Рис. 7. Н. И. Ильминский.

в массовых размерах организовать в Казани переводческую деятельность. Библия, молитвы переводились не только на языки народов Волжско-Камского края, но делались переводы для Сибири, Туркестана и Кавказа. Были основаны учительские «инородческие» семинарии и крещено-татарская

школа в Казани, а также чувашская учительская семинария в Симбирске, во главе с Яковлевым. Среди марийцев Козьмодемьянского уезда возникло два новых монастыря: Михаило-Архангельский мужской и Троицкий женский. На местах братство св. Гурия открывало свои школы по мере того, как делались выпуски учителей по системе Ильминского и по мере того, как накоплялись средства. Большие пожертвования для братства делал купец Щетинкин, владелец известной в Казани гостиницы. Из учителей «братских» школ многие переходили затем в священники. Расчет Ильминского был верен. С отменой крепостного права, с развитием на Волге и Каме промышленности, с ростом городского влияния на деревню, поднялась и культурная активность национальных меньшинств. В наиболее зажиточном слое чуваш, мари, вотяков стала складываться своя интеллигенция, которой и предоставила известное поприще в учительстве и священстве «система» Ильминского. Эта молодая интеллигенция была обречена на то, чтобы стать жертвой миссионеров, и молодые побеги культурного национального возрождения были сразу засушены в поповской атмосфере. Молодые силы чахли над переводами священных книг. Воспитывалась интеллигенция, которая за разговор с высокопоставленным лицом, за теплое местечко готова была проповедывать покорность и православному богу, и православному царю. На стремившихся к высшему светскому образованию Ильминский и его сотрудники смотрели очень неодобрительно. С. Чичерина (автор толстой книги «У приволжских инородцев», где на 600 с лишним страницах воспевается на все лады система Ильминского и где наряду со множеством благоглупостей мы найдем ряд интересных для нас фактов) пишет, что Н. А. Бобровников, сменивший Ильминского на посту директора инородческой учительской семинарии, «не сочувствует искусственному привитию высшего образования инородцам, т. к. стремление к нему обезлюживает деревню» (стр. 10). Ильминский не любил даже, чтобы ученики носили городскую одежду—они должны были продолжать ходить в лаптях, чтобы впоследствии убеждать и своих единомышленников с вековою покорностью ходить в тех же лаптях. Каковой же должна была быть по мысли Ильминского начальная школа «для крещеных инородцев Восточной России»? Обратимся к составленной им же программе (Казань, 1893 г.) и предоставим слово самому Ильминскому. «Закон божий составляет главнейший предмет начальной инородческой школы вообще». В младшем отделении «занятия всеми остальными предметами... служат к дополнению и усвоению назначенного программой по закону божию; особенно это нужно сказать об инородческом и славянском чтении». В старшем отделении закон божий велся уже на русском языке. Пение было опять-таки церковное. Для чтения на русском языке исполь-

зовались специальные книжки издания православного миссионерского общества «без всякой погони за обогащением учеников научными сведениями» [1].

Физиономия последнего «великого апостола православия в Казани» совершенно ясна. Священник из чуваш Василий Ефремов писал: «Ильминский не был формальным миссионером, а он на деле первейший миссионер. Дело не в названии, а в сущности» (приведено у Чичериной, приложение № 5, стр. 31). Нельзя не согласиться с этим заключением.

Ильминский замыкает ту цепь, у начального звена которой стоят фигуры Гурия и Ермогена. Но применение «системы» Ильминского привело на деле и ко многим другим последствиям. Выработка чувашского литературного языка, такой же процесс у вотяков и мари, проявление ими живого интереса к прошлому своего народа, к его быту и культуре — были побочным результатом преподавания на родном языке. Миссионерская курица высидела утят. Наряду с той «инородческой» интеллигенцией, которая ради рясы или учительской должности готова была лизать сапоги обрусителей и отказаться от своего прошлого, из чуваш, мари, вотяков выдвинулось более молодое поколение, которое образовало теперь кадры интеллигенции советски настроенной и активно принимающей участие в социалистическом строительстве. И не совсем неправы были тупые казанские администраторы и церковники, которые обрушили в начале 1900-х годов гонения на родной язык в школе. Они чутьем поняли, что отсюда грозит опасность и подняли вопль о «сепаратизме». Однако, задержать историческое развитие им было не дано и, прежде чем, миссия православной церкви, начатая ею в XVI столении, была доведена до «победоносного» конца, «просветителей» и обрусителей всех систем навсегда вымела или обезвредила метла Октябрьской революции.

---

[1] Чуваши-язычники, естественно, видели в поповской школе своего врага. Так, в отчете Казанской епархии за 1887-88 учебный год читаем, что жители той или иной деревни требуют, чтобы хозяин квартиры выкинул школьное имущество, или сход постановляет «разогнать учеников, а учителя поколотить». Священник Семенов, прихода с. Кошек, жалуется, что сельский староста (язычник) начал взыскивать недоимки прежде всего с тех крестьян, дети которых ходили в школу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАРОДНЫЕ РЕЛИГИИ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ.

Представления о душе. Почитание умерших. Духи, боги, керемети. — Священные роли. Праздники и запретные дни. Жертвоприношения.—Жрецы и знахари. Народная медицина. Классовая роль жречества. — Преследования язычников при царском режиме. Мултанское дело. — Внутреннее развитие язычества. „Кузька-бог" у мордвы. Вотяцкие секты. Марийская секта „кугу-сорта".

Представления о душе; почитание умерших; духи, боги, керемети.

Нам нет необходимости рассматривать порознь, отдельно, «языческие» религии приволжских народов. Вполне возможно выделить для изучения общие черты их религиозных верований. Общность многих верований об'ясняется не только вековым соседством и взаимными сношениями, но и сходством хозяйственно-бытового уклада. Примитивное земледелие, а у вотяков и мари еще в недавнее время — охота на пушного зверя, — было основным занятием волжско-камских народов. Русские исторические документы упоминают о князьках и мурзах, мордовских, черемисских и др., но это были, по всей вероятности, главы родовых союзов, а не князья или властители феодального типа, как, например, у русских в удельный период или у татар Золотой Орды. Верхи населения болгарского царства состояли из представителей торгового капитала, при чем они рано приняли ислам, а впоследствии отатарились. Массы же болгарского народа, потомками которых являются чуваши, жили, вероятно, родами, так же как и финны Поволжья. Неизменность способов обработки земли, застойность сельскохозяйственной техники обусловливали крепость старого быта и связанных с ним религиозных верований. Конечно, некоторые языческие представления потускнели, кое-где забылись — и в этом отношении нам очерк может дать лишь общую схему. Ислам и христианство в свою очередь оказали влияние на некоторые черты религий коренного населения Волги и Камы. Это сказалось в проникновении некоторых арабских предста-

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ №

влений к «язычникам» и в явлениях так называемого «двоеверия» и даже «троеверия», когда смешиваются элементы язычества, ислама и православия. Едва ли не наиболее пеструю картину дают те районы, где различные народности живут в тесном соседстве, взаимно влияя друг на друга. В этом отношении всего характернее «кряшены» (крещеные татары), в прошлом мусульмане, частью может быть отатаренные чуваши, теперь «православные» и в то же время сохранившие «керемети» и приносящие кровавые жертвы.

В основе религиозных верований как чуваш, так и восточных финнов, подобно всем другим народам земного шара, лежат вера в магию и почитание духов (анимизм).

Рис. 8. Сцена смерти. Душа улетает в виде птицы. (Со старинной серебряной вазы, принадлежащей Г. М. Залкинду).

Рис. 9. Знахарь у больного. Та же ваза с другой стороны.

Если русский крестьянин верит в лешего и домового, если он на троицын день идет всей семьей на кладбище для поминания умерших родных и вывешивает на углу своей избы полотенце, чтобы души, прилетев, могли умыться и утереться, то весьма сходные обычаи и поверья мы находим и у народов Волжско-Камского края. Душа может выходить из тела и обратно входить в него, в виде птицы, мыши, шмеля или еще как-нибудь. Поэтому у мари и чуваш запрещается закрывать ладонью рот спящего человека или неожиданно будить его громким возгласом. Душа может не успеть возвратиться в тело. Если обычные русские обороты речи: «он вышел из себя», «я был вне себя», давно стали простой словесной фигурой, то для массы деревенского населения Волги и Камы сходные представления остаются еще живыми и реальными.

Существует вотяцкая сказка о том, как двое товарищей пошли в лес драть лыко, а затем стали отдыхать. Пока один спал, другой курил и видел, как у спящего душа быстро вылетела изо рта и поднялась на сосну, где вошла в дупло.

Затем она вернулась назад, вошла в рот и разбудила спящего. Тот, проснувшись, сказал товарищу, что видел сон — в дупле сосны он нашел деньги. Тот, кто курил, пошел к сосне и, действительно, там были деньги. По этой сказке можно понять взгляд вотяков на сновидение и душу.

В коллекции Г. М. Залкинда в Казани имеется маленькая серебряная вазочка чеканной работы, возможно, памятник болгарской эпохи. Развернутые на поверхности ее фигуры образуют сцену, в центре которой находится умирающий старик. Изо рта его вылетает душа в виде цапли. Тут же родные и знахарь, растирающий в ступке какое-то снадобье. Подобная этой вазочка находится еще в Тифлисском музее. Нет ли здесь намека на древние, но во всяком случае исторические связи яфетидов Поволжья и Кавказа?

Священник В. Богданов передает, как ему пришлось быть в вотяцкой семье, где только что родила женщина. Ребенок долго не оживает, лежит как мертвый. Тогда начинается заклинание духов. Ударяют в железную заслонку, открывают трубу. Бабушка вотячка призывает: «старики, братья (умершие) — душу дайте!». Ребенок через некоторое время начинает плакать. «В голосе бабушки слышались страх, надежда и вместе сомнение» [1].

Обряд «впускания души» существует и у чуваш [2]. Среди уральских мари, как и среди некоторых австралийских племен есть поверье, что женщина может зачать ребенка, если в нее войдет «свободная» душа. Ребенок должен жить столько, сколько с этой душой жил когда-то предок. Качества этого предка перейдут и на ребенка.

«Любопытными подробностями отличались пасхальные поминки мордвы Симбирской губернии в XVIII в. Хозяин дома выходил на улицу с белым платком в руке и звал всех умерших родичей по именам, стараясь не пропустить ни одного. Постоявши некоторое время, он собирал концы платка в узел, нес собранные в него души в избу и выпускал на приготовленные постели» [3].

Первобытное представление о душе перемешивается подчас и с новейшими религиозными взглядами. Мне случилось разговаривать с крестьянином евангелистом « благовестником», т.-е. проповедником. По его мнению, душа может также выходить из тела и заниматься разными посторонними делами. Современные православные священники говорят, что Иисус имел после воскресения особое, «астральное» тело, которое могло принимать пищу, но в то же время свободно проникало через стены и другие предметы. Христианская ле-

[1] Г. Верещагин. Вотяки Сосновского края. СПБ. 1886. Стр. 86.
[2] Магницкий. Материалы к об'яснению старой чувашской веры. Стр. 145.
[3] И. Н. Смирнов. Мордва. Известия Общества А.И.Э. XI. 560.

генда гласит, что в доме Марии, матери Иоанна, приняли апостола Петра, вернувшегося из тюрьмы за его «ангела», то-есть «двойника» (Деяния XII, 15).

Рис. 10. Жертвенный хлеб у мари.

Примеры эти можно было бы бесконечно умножить. Из них очевидно, что в основе христианских представлений о душе лежит такое же воззрение, как и у презираемых миссионерами «малоумных язычников»[1].

С точки зрения чувашина, вотяка, марийца, душа умершего не прекращает своего существования после смерти человека. Она нуждается в пище и питье, в предметах домашнего обихода, в сельскохозяйственных орудиях, в кочедыке для плетения лаптей, в трубке для курения табаку. Если умер ребенок, ему нужны на том свете и игрушки, женщине — надо положить в гроб иголку, нитки, кусок холста и украшения. Могила превращается в избу. У русских гроб также называется «домовиной». Мир как бы удваивается: рядом с обыкновенным миром возникает другой, столь же реально существующий в глазах марийца или чувашина, — мир умерших, или мир душ, имеющий своих начальников и старших. На мордовских поминках в 40-й день

[1] В православном синодике начала XVIII века читаем стих:

Егда душа от тела разлучает
Яко птица от сети си возлетает.
(Собр. Г. М. Залкинда. № 3302.)

На рисунках, которым сопутствует этот текст, душа изображается, однако, в виде маленького человечка.

после смерти тот родственник, который изображает пришедшего на «побывку» с кладбища умершего (аналогичный обычай есть и у мари), рассказывает о жизни умерших. «Ваш и там держит хороших лошадей и ездит в лес и в извоз; ваш промотался; ваш разводит пчел; ваш пьянствует; ваш женился и взял красивую жену» [1]. Влияние ислама, а через него и древнего Востока на представления чуваш и восточных финнов о загробной жизни несомненно. Это прежде всего магическое значение чисел 3, 7 и 40 (в эти дни совершаются поминки), что восходит, вероятно, к вавилонской астрономии и системе счисления. Далее, как и татары, чуваши и марийцы верят, что смерть приносит Эсрель (Азраил), невидимо перерезающий человеку горло, так что при этом может брызнуть кровь на людей или окружающие предметы. Ад, по мнению чуваш, представляет огромную яму, где души умерших по распоряжению кладбищенских начальников 140 лет обжигаются, затем обмываются в молоке, после чего могут жениться, выходить замуж и т. д. Классовый строй болгарского, а затем казанского царства отразился здесь очень ярко: богатые должны вновь сделаться богатыми, торговцы — торговать, бедные должны оставаться бедняками, коштаны (кулаки)—коштанами, воры—ворами, иомысь (чувашские колдуны) — должны ворожить [2].

Вера в адского судью есть и у мари. Он выпускает умерших в гости к родным в поминальные дни и следит за тем, чтобы они зря не ходили и не тревожили живых. В такой упрощенной форме через ислам перенеслось на берега Волги и Камы древне-египетское представление о загробном суде. «Страна умерших находится на Западе. Провожая умершего с поминок, черемисы едут с поля на запад от деревни» [3]. У древних египтян Запад был также страной умерших, куда они плыли на ладье. От ислама перешло к чувашам и мари представление о переходе умерших по узкому мосту или тонкой жердочке через котел с кипящей серой. Кто не грешил, тот переходит легко через опасный котел; кто грешил, сваливается в него. Сходное поверье о мосте испытаний было, впрочем, и у германцев, индусов и персов [4]. Но чуваши и восточные финны, кажется, получили его уже в усложненном виде, через более позднее заимствование от тюрков-мусульман.

Если умерший нуждается в пище и питье, то забота о его пропитании должна ложиться на ближайших родственников.

[1] Нижегородские Губернские Ведомости. 1893. № 1; см. также: Смирнов. Стр. 546.
[2] Магницкий. Стр. 189.
[3] Смирнов. Стр. 159-160.
[4] Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. 1869. Т. III. Стр. 286.

В этом и состоит существенное содержание поминок, где мертвые разделяют трапезу живых.

Еще и у русских не только по деревням, но и в захолустных городишках на вторник фоминой недели пекут пироги, блины пшеничные, оладьи, жарят яичницу и приготовляют прочную снедь, с чем и отправляются на кладбище. После панихиды, где бабы плачут по покойникам, прине-

Рис. 11. Развешивание одежды покойника на марийских поминках.

сенными явствами оделяется духовенство, а затем начинается пир на могилах. Зарывают в могилы крашеные яйца, поливают брагой, угощают покойников водкой и пивом, окликая их по именам [1]. Подобные картины наблюдал я лично в 1926 г. в Псковской губернии [2]. У чуваш и восточных финнов кормление покойников носит более систематический характер — древний порядок сохранился лучше, чем у русских, сильнее подвергшихся влиянию христианства. Поминки разделяются на частные или семейные и всеобщие. Частные

[1] В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила. Стр. 425-426.

[2] А вот что читаем в корреспонденции из Ейска: «... каждый год пасхальной недели, в понедельник, к кладбищу движется много народа с узелками и свертками поминать покойничков (проводы). На могилах раскладывают куличи, пасхи, яйца, кутью и поджидают попов... Батюшки не зевают: бедные могилки проходят мимо, а стремятся туда, где побольше лежит» (Безбожник, № 21, 20 мая 1928 г.). В Казани на могилах до сего дня разбивают сырые яйца.

поминки справляются тотчас же после смерти родственника, затем на 3-й, 7 и 40-й день. Наконец, бывают годовые, иногда и трехгодовые поминки. Поминки сопровождаются в некоторых случаях принесением жертвы умершим, например, у вотяков приносится в жертву лошадь на поминках мужчины и корова — на поминках женщины. Сходным обычаем об'ясняется частое нахождение конских костей на марийских

Рис. 12. Жертва умершим на поминках (мари).

кладбищах. Изготовляется обильная трапеза и выпивка, при которой крошки, капельки, посвящаются умершим, так же как и все остатки, поедаемые после собаками, воронами и пр. Языческие поминки не похожи на христианский обычай поминовения умерших — не слышно раздирающих душу истерических рыданий — наоборот, звучат веселые песни, целую ночь родственники пляшут под музыку. Но, провожая покойника на кладбище и мари, и чуваши, и вотяки — все стараются воспрепятствовать возвращению его обратно. В некоторых местах у приволжских народов могилы даже огораживались особыми срубами[1]. Вотяк, совершая приношение умершему, говорит: «На этом свете жил хорошо, живи хорошо и на том. Нас не мучь, не тесни. Хорошую нашу скотину хорошо береги... Наших детей смотри

[1] Огораживание могил одним венцом бревен я наблюдал и в бывшей Витебской губернии (теперь Себежский район).

хорошо... На том свете живи хорошо, сзади и спереди не хватай, не гоняйся» [1]. Покойники могут взять с собой кого-нибудь из живых, — отсюда обычай у вотяков прятаться во время погребального шествия, отсюда и соответствующие молитвы. Глаза умершему закрывают для того, чтобы он не высмотрел себе товарища в загробное путешествие. В самую глубокую старину видимо существовал взгляд, что покойник забирает с собою весь дом, — т.-е. на деле семья должна была перейти в новое жилище, оставив умершему прежнее. С течением времени стали отделываться лишь необходимыми вещами, а затем перешли к символике. Если раньше покойнику нужно было много мяса, хлеба и пива, то впоследствии он должен был довольствоваться крошками и каплями. «Одна крошка да будет целым возом хлеба» — говорит чувашин, отламывая кусочки от яств. Древние египтяне, как известно, еще более остроумно выходили из затруднительного положения живых при питании умерших. Вместо настоящих мер ячменя и пива они «кормили» покойников, изображая ячмень и пиво на стенах гробниц. Китайцы сжигают на могиле умершего бумажные изображения принадлежавших ему вещей, вплоть до модели автомобиля. Это уже из области магии.

Общественные или родовые массовые поминки совершаются у чуваш, как и у мари, вотяков — три раза в год. Они падают на период православной страстной недели, затем на седьмую неделю после пасхи (семик) и, наконец, на осень, около 1-го ноября, после окончания полевых работ (у чуваш октябрь называется месяцем поминок). Это напоминает нам русскую «радоницу», а также «семик», название которого перешло к чувашам и мари, и «дмитровскую субботу» (26 октября), которая якобы установлена в память убиенных при Куликовской битве, но на самом деле представляет старые языческие славянские поминки «осенины». В Костромской губернии она так и называется «дедовой» [2]. Эти три момента выбраны, конечно, не случайно. Первые весенние поминки связаны с таянием снегов и оживлением всей природы, когда по русской поговорке «родители вздохнули». Семик — расцвет весны. Радуются живые, радуются и умершие. Они в это время выходят по водным источникам из земли и качаются на ветвях деревьев (русские «русалки»). Семицкая или троицына неделя у русских часто называется «зелеными святками». Осенью, когда собран урожай, умершие вместе с живыми своими потомками, разделяют радость изобильного пиршества. Во время весенних поминок чуваши кличут покойников: «Приходите, дедушки, бабушки, де-

[1] Смирнов. Стр. 181.
[2] И. Снегирев. Русские простонародные праздники. Т. IV. Стр. 114—117. № 1838.

тушки участвовать в великом дне. Для вас сварены яйца, испечены блины»[1]. Такие призывы мы находим и у вотяков и мари. Принято во время поминок мыться в бане — при этом якобы моются и покойники. Заранее изготовляется щелок для мытья, почему и самый день весенних поминок, приходящийся на среду страстной недели носит у мари название «кон-кэчэ» — день щелока. У Пензенской мордвы баня в страстную пятницу называется «атянь-баня» — баня предков[2].

Поминальные яства изготовляются, обычно, из сезонных продуктов, таковы — яйца, яичница во время весенних поминок. Такого же происхождения и «троицкий» поминальный пирог у русских, изготовляемый в старину из последней муки старого урожая, а потому столь лакомый. Что касается блинов, а у русских еще и кутьи, то это едва ли не древнейший вид хлебного кушанья, а предки любят есть то, что они при жизни едали.

Итак, у народов Поволжья и Прикамья мы встречаем остатки древнего почитания предков. Старики при жизни заботились о процветании хозяйства. После смерти они получили сверх'естественную силу, они могут влиять и на явления природы, могут насылать болезни. Особенно ярко почитание предков выражается у вотяков. В их «куалах», молитвенных шалашах, представляющих один из древнейших видов вотяцкого жилища, имеет местопребывание «воршуд», дух рода. Он живет целой семьей, есть воршуды старшие и младшие. В особых берестовых коробочках вотяки кладут приношения для воршуда. Коробочки поставлены на подстилке из ветвей, называемой «мудор». Каждый род имеет свое чтимое дерево. Слово «воршуд» означает также и «счастье»,—ведь счастье дают духи предков. В старину у вотяков возможно были даже изображения предков, воршудов. До настоящего времени сохранился обычай при отделении сына от хозяйства отца прежде всего строить новую куалу, куда молодой хозяин зовет младшего воршуда. Вместе с тем приносится кусочек дерева от старого крюка, на котором в кауле висит котел и щепотка золы из очага куалы[3].

Уфимские мари держат в переднем углу «куды» (соответствует вотяцкой куале — летнее жилище) пучок ветвей, являющийся обиталищем домового духа[4]. У чуваш домовые духи, «ирихи», обитают «в свинцовых кружках с продетой в середине шерстяной ниткою. К концу привязывается рябиновая кисточка с плодом: кисточка меняется до созревания новых плодов рябины». Все это чувашин обертывает

[1] Магницкий. Стр. 183.
[2] М. Е. Евсевьев. Братчины и др. религиозные обряды мордвы Пензенской губ. Птг. 1914.
[3] Смирнов. Вотяки. Стр. 215-216.
[4] Смирнов. Черемисы. Стр. 174.

в чистое полотно и бересту, подвешивает у стены и прикрепляет туда разные оловянные и свинцовые бляшки. Есть ирихи в виде изображения, подобного коровьей голове на небольших дощечках [1]. Кое где в чувашских деревнях и посейчас сохранились деревянные чурбанчики-идолы грубочеловеко-подобной формы.

Могущество умерших явно рисуется из марийских молитв, обращенных к ним в поминальные дни. «Дайте нам здоровье, мир, прибыль, богатство; расплодите число голов нашего скота: лошадей, коров, овец и пчел; скотине и прочим не вредите, а делайте здоровье, благополучие и мир; посеянный хлеб хорошо уродите, пригоните благотворный хороший ветер».. На общинных поминках умерших просят: «сохраняйте от воды и огня, сохраняйте от повреждающих злых духов... от ветров и градов избавляйте» [2]. Почти в таких же выражениях обращается мариец язычник и к своим богам. Этим раскрывается история происхождения самих богов. Боги — те же души предков, с течением времени обожествленные, поднявшиеся на недосягаемую высоту. Духи могут проникать в любой предмет, обращаться в животных, населить горы, утесы, леса, болота, воды; духи кроются и за всеми явлениями природы — громом, ветром, дождем, светом солнца. Анимизм — одушевление природы и фетишизм—признание известных предметов, деревьев, источников обиталищем духов свойственны, таким образом, народам Волжско-Камского края, наряду со многими другими народами.

Из почитания умерших предков вырастает почитание духов и богов. Перечислить здесь все виды и разряды духов и божеств, почитаемых у чуваш или восточных финнов было бы столь же бесполезной задачей, сколь и невыполнимой. Наша цель в данной книжке не описывать, а по возможности об'яснять религиозные верования, о которых исследователями собрано уже немало материала. Прежде всего, надо отметить человекоподобность как духов, так и божеств: они одеваются в обыкновенную крестьянскую одежду, а иногда, как щеголи. Вотяки называют духов лесных, водяных, домовых — «муртами». «Мурт» значит человек. Подобно людям, духи размножаются. Лешего можно застрелить, зарядив ружье липовой щепкой или солдатской пуговицей. В Сарапульском уезде население некоторых деревень произошло, по словам вотяков, от окрещенных домовых (корка-муртов). Подобные предания имеются и среди чуваш. Вожо, вотяцкие духи нежилых домов, могут иметь связи и с людьми. Всякий человек может обратиться в вожо, если они с него снимут крест. Водяные (ву-мурты вотяков)

[1] Никольский. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань. 1919. Стр. 23.
[2] Смирнов. Черемисы. Стр. 162-163.

иногда ходят по базару. Их можно узнать по мокрой поле кафтана. Из вотяцкой сказки узнаем, что один мужик выдал своих дочерей за Солнце и Луну. Солнце — плешивый старик на голом темени которого, как на сковороде, можно печь блины. Луна — мужик, у которого пальцы испускают свет. Оба живут в избах с разными хозяйственными пристройками, погребами и пр. Изба Солнца отличается от обыкновенной человеческой только тем, что в ней нет печи [1].

«Киртин-водыш» у мари ездит на тройке карих лошадей, одетый, как исправник [2].

По мнению вотяков, у солнца есть мать, также как и у земли, грома и других явлений природы.

У марийцев также находим целый ряд женских божеств-матерей: мать неба, мать солнца, мать облаков, мать звезд, мать ветров и т. д. [3].

У мордвы Паксява —богиня пашни, урожая, Варм-ава — богиня ветра, богиня рек. На развитии божеств отражалось развитие семьи восточно-финских народов. В эпоху первенствующего значения матери в семье (матриархат) и сами божества представлялись в образе властных матерей, хозяек. С выдвижением на первый план мужчины появляются мужские божества. Но по большей части духи или божества, связанные с каким-либо явлением природы, образуют целую семью. С развитием техники, с усложнением общественных отношений, под влиянием государственного устройства болгарского царства, а впоследствии и государственного устройства Золотой Орды, у чуваш и финнов Поволжья усложняется, увеличивается штат богов и духов. Так чувашский Сюлти Тора, творец, небесный бог, имеет не только отца, мать, жену, детей. При нем находятся еще следующие божества: 1) предстоящий, 2) предшествующий, 3) отворяющий двери, 4) затворяющий двери, 5) божие дуновение, 6) милость, 7) могущественный, 8) производящий силу, 9) посылающий силу, 10) гнев божий, 11) божие наказание [4].

От почитания умерших дедов и бабок сделан громадный шаг к почитанию богов, подобных татарским ханам с их пышным двором и множеством чиновников. Но до полной централизации, до иерархии богов дело еще не дошло. Да и сами эти божества очерчены очень неясно: образы их куда более туманны, чем образы каких-либо дедов и бабок, заправляющих зимними морозами или киреметей, всегда очень реально представляемых «язычниками».

У мари влияние Золотой Орды выразилось в появлении целой серии духов (воды, огня, земли и т. п.) с названием

[1] Смирнов. Вотяки. Стр. 203.
[2] Смирнов. Черемисы. Стр. 166.
[3] Смирнов. Черемисы. Стр. 178.
[4] Никольский. Конспект по этнографии чуваш. Стр. 88.

«он» — владыка, т.-е. хан. Те же явления — «силы природы» имеют своих «матерей» и «юмо».

Под влиянием ислама появился у чуваш, а через них и у мари «пиамбар» или «пихампар» — «пророк», являющийся с одной стороны вестником судьбы, с другой стороны защитником людей от волков и хищных зверей. Он же посылает огонь. Вероятно, новое имя было присвоено каким-либо более древним языческим божеством. Можно сопоставить с ним еще название «шайтан» для злых духов.

П. И. Мельников-Печерский в своих «Очерках Мордвы» сделал явно несостоятельную попытку сгруппировать мордовские божества в единый пантеон, по образцу греческого. Православные миссионеры в свою очередь пытались выделить некоторых чувашских, марийских, вотяцких богов, чтобы подвести их под три лица христианской «троицы». Особенно охотно сравнивали проповедники христианства вотяцкого Инмара или марийского Юмо — как божеств неба — с «отцом небесным». Но это не менее безнадежно, чем попытка Мельникова-Печерского. Ни единобожие, ни троичность не приложимы к поволжским религиям, где множество богов вовсе не образует единой семьи под управлением верховного бога. Напротив, как выше было сказано, вокруг каждого более или менее значительного явления природы возникают отдельные семьи божеств. У мари, чуваш очень часто бывало и так, что новое прозвище (эпитет) того или иного божества принималось за новое, самостоятельное божество. В сельскохозяйственном обиходе русских крестьян Николай чудотворец или «Флор и Лавр» играют гораздо большую роль, чем сам христос. Икон «спаса» много меньше, чем Николы. Так и у язычников Поволжья. Почитание кереметей или духов, непосредственно ведающих более реальными интересами земледельца и хозяина, куда ярче, чем почитание Инмара или Сюлкти Тора.

«Керемети» занимают совершенно особое место среди духов, почитаемых у чуваш, мари, вотяков, а также и среди крещеных татар (кряшен). Раньше думали, что слово «кереметь» арабского происхождения, в переводе на русский язык означающее «достойное уважения или почтения — предмет поклонения». Но подлинное значение этого термина вскрывается только в свете яфетической теории академика Н. Я. Марра, Kere-met у волжских народов означает «бог» и родственно грузинскому ker-p, арм. karapet и т. д. вплоть до греческого «Гермес» [1]. Керемети — древние родовые божества волжско-камских народов. О кормлении их нужно заботиться, нужно приносить им кровавые жертвы.

Сердитее других были души покойников из вымерших родов. Об этих покойниках некому было заботиться, поэтому

[1] См. Н. Я. Марр: «Яфетическая теория». Баку. 1928. Стр. 104.

они и старались всячески досаждать живым. Затем в число «кереметей» попали и «беглый барин», и случайно умершие прохожие, и духи некоторых богачей, князей, даже разбойников. По воззрению марийцев, число духов, производящих лихорадки, постоянно пополняется умершими старыми девками. «О Макар-керемете» рассказывают, что это был кулак. Однажды он задумал оттягать землю у соседей. Чтобы обеспечить себе успех, он предложил черемисам спросить насчет

Рис. 13. Священная роща у мари.

спорных прав мать-землю. Черемисы приняли этот совет и посаженные в ямах сыновья Макара ответили на вопрос, чья это земля — Макарова. Макар выиграл землю, но потерял сыновей, которые задохнулись в ямах. С горя он умер на месте, но его дух стал жить на отнятой земле и явилась Макарова Кереметь»[1].

Таков и грозный чувашский Чемен, который был когда-то йомысь в дер. Чеменовой Буинского уезда или богатый старый Пиккол в Чистопольском кантоне, и при жизни и после смерти ездивший на тройке. Весьма большим почитанием пользуется у чуваш Валим-Хузя — в Билярске, древней столице болгарского царства. На поклонение последнему во второй четверг после православной троицы собираются чуваши за сотни верст из Чистопольского, Бугульминского,

1 Смирнов. Черемисы. Стр. 165.

Спасского кантонов. В Чувреспублике Валим Хузя слывет под именем Выла. Можно думать, что это один из племенных чувашских богов, восходящий еще к болгарским временам. Чуваши говорят, что Валим Хузя был когда-то «князь» и собирал подати с целой округи.

Эти рассказы о происхождении кереметей наглядно подтверждают марксистское понимание религии, согласно которому классовое расслоение того или иного общества оказывает свое влияние и на религиозные представления. Кулаки, князья, богачи, притеснявшие народ при жизни своей, не успокаиваются и после смерти. Они переходят в разряд особо вредоносных, а страха ради — особо почитаемых духов.

С распространением в Волжско-Камском крае христианства миссионеры старались насадить взгляд о едином шайтане или кереметь, который и есть библейский сатана. Но можно смело сказать, что от этого раздробленность почитания кереметей не пострадала, что попрежнему чувашами, марийцами приносятся жертвы не одному, а множеству кереметей самого разнообразного происхождения, иногда и очень недавнего.

Священные рощи. Праздники и запретные дни. Жертвоприношения.

Среди русских, живущих в соседстве с язычниками, кереметью называется и сама роща, или вообще место, где обитает тот или иной дух. Строго говоря, выражаться так неправильно. Но культ «духов» у чуваш и восточных финнов, конечно, тесно связан с культом деревьев. Дух или божество могут обитать на дереве или в дереве, садиться на его ветви, проникать в его дупло. Ветви вотяцкого «мудора» — в родовой куале — ветви дерева, где обитает «дух покровитель». Оживление растительности весною ставилось в связь с пробуждением душ умерших. Ежегодная смена ветвей в углу куды у мари была по существу сменой не только обиталища духа покровителя, но и сменой самого духа. Праздник изгнания шайтана, который справляется у мари различных районов, под названием сюрэм (иногда весной, иногда летом, иногда осенью) в нынешнем своем виде чрезвычайно искажен. Теперь скачут по деревне, бьют палками и кнутами по стенам, стреляют из ружей, чтобы прогнать невидимых шайтанов. В старину суть праздника заключалась видимо не в том, а в смене духов-покровителей и в жертвоприношениях под деревьями.

В Уржумском уезде черемисы приносят жертвы еловым и березовым пням. Имеется кереметь елового пня (кож-тюнг-кереметь), березовый пень (куче-тюнг), нолинский пень (ноль-тюнг), старый еловый пень (тошто кож-тюнг), серди-

тый шамаев еловый пень (шамай-кож-тюн-ширт), дух сосновой рощи (яхтер-водыш), дух чурбана (чурпан-ширт [1]).

В одной мордовской песне, записанной М. Е. Евсевьевым, поется:

У дубка-то три сучка
На одном-то сучке Нишке-Паз,
На другом-то сучке Вере-Паз,
На третьем-то Никола.

Мордовские боги, и заодно с ними православный Никола возседают на священном дубе. У мордвы почитаются священные липы, березы. Даже в тех случаях, если моления происходят в безлесной местности, мордвин старается воткнуть в землю срубленные молодые березки. На чувашском дворе мы находим чюк-йывасе — жертвенное дерево. Как известно, у славян и германцев также были священные рощи и отдельные, особо чтимые деревья. В одной из следующих глав мы коснемся подробнее пережитков этого культа у «православного» русского народа. Для сравнения сейчас достаточно вспомнить «вербу белу» и «вербу красну», которой больно хлещут друг друга, затем березки и венки в троицын день.

Жертвы духам и божествам в старину приносились прямо в лесу, на определенных полянках под большими деревьями, обычно возле ручья. Когда леса были мало-по-малу повырублены, места жертвоприношений остались, как запретные островки среди распаханных полей. Так возникли священные рощи — «оты» марийцев, «луды» — вотяков, «киремети» — чуваш и кряшен, огороженные иногда деревянными пряслами. Зачаток храма мы имеем лишь в молитвенной куале вотяков. В рощах соблюдается величайшая чистота, за чем следят специально выделенные люди. Осквернение рощи или куалы, загрязнение священного источника, порубка священных деревьев караются гневом духов и богов, насылающих болезни или даже смерть на виновного. Существует много рассказов о тех карах, которым подверглись за неуважение к «языческой святыне» русские или татары, или перешедшие в другую веру сородичи. Так от вотяков из Мамадышского кантона я слышал рассказ о татарине, который имел дерзость помочиться в куале. За это дух покарал его — у татарина разболелся виновный орган. Выздоровел он лишь тогда, когда вместе с вотяцкими стариками принес жертву в куале оскорбленному духу.

Священные рощи бывают нескольких видов: частные, родовые и районные. Частные рощи обычно обслуживают одну деревню, там приносят жертву в случае болезни, семейного несчастья и т. п. В рощах родовых жертвоприношения при-

[1] Смирнов. Черемисы. Стр. 176.

носятся каким-либо одним родом. Районные жертвоприношения (обычно 12 деревень) приносятся в общественных рощах, раз в три года или по каким-либо особым случаям: при неурожае, засухе, падеже скота и т. п. Марийская деревня Бима в Исенбаевской волости Елабужского кантона Татреспублики имеет, например, 11 священных рощ при 152 дворах населения.

«Куалы» вотяков также бывают семейные, родовые и общественные — «быдзим куалы», т.-е. «большие» куалы. Но помимо них у вотяков имеются и молитвенные рощи.

Выше мы рассмотрели одну группу «праздников» у чуваш и финнов в виде общественных поминок — весной, в начале лета и осенью. Особую группу составляют праздники, связанные с годичным кругооборотом сельского хозяйства. Присматриваясь глубже, мы видим, что можно подразделить и эти праздники. Одни являются праздниками перемен в жизни природы, говорящих о наступлении весны и лета. Таковы русские святки, масленица, отчасти пасха и семик, последние сопровождаются, как мы знаем, поминками. Им соответствует целый ряд праздников языческих. Другие связаны с самим сельскохозяйственным производством непосредственно. Таков, прежде всего, праздник весенней пашни, «день плуга», «ага-дуй» — у чуваш; «сабан-туй» — у татар; «геры-поттон» или «акаяшка», «вывоз плуга» — у вотяков; ага-пайрэм» — у мари; «кереть-озкс», моление плуга — у мордвы, после которого мордва начинает посев яровых. Во время этих праздников видную роль играют яйца как символ плодородия. Выходя в поле для сева, кидают в борозды вместе с зернами и яйца — пусть бы и зерна уродились такими крупными и полновесными. На поле происходит и трапеза по семьям. Весенние праздники сева зачастую сопровождаются спортивными состязаниями молодежи, особенно у татар (скачки) и вотяков. Татарский сабан-туй уже давно утратил свой религиозный характер и превратился в день народных увеселений. До недавнего времени еще кое-где сохранялись кулачные бои во время сабан-туя между русскими и татарами — памятник старинной национальной вражды, изживаемой теперь благодаря политике советской власти.

Летние праздники, сопровождаемые массовыми молениями, посвящены заботе о тепле, дожде, об урожае вообще, о сохранении скота. Устраиваемые в разные моменты лета общественные моления приходятся чаще всего около петрова или ильина дня. В этом проявляется вновь родство славянского языческого культа с приволжскими. Кому бы ни приносились жертвы — богам, кереметям или святым, — речь идет о даровании урожая. Таков чувашский уй-чюк, полевое моление об урожае во второй половине июня по старому стилю, мордовский вель-озкс и т. д.

Третья полоса праздников приходится на осеннее время. Здесь следует опять таки различать моления по поводу озимого сева и об урожае озимых, и моления благодарственные по поводу уже собранного урожая. У мари праздник нового хлеба справлялся в старину в августе или сентябре. Лишь под влиянием христианства день этот заколебался и стал переноситься на разные сроки. У чуваш мы встречаем пивной праздник — сра-чюк или авдан-сыри — праздник «петуха и

Рис. 14. Испытание жертвенного животного водою.

хлеба». Он справляется уже близко к христианскому рождеству и у крещеных падает часто на престольный день. Такого же происхождения и русские осенне-зимние престольные праздники (покров, михайлов день, Микола зимний). Вероятно, еще древнее «шорек йол» (мар.) или «сурхури» (чув.) — праздник «овечьей ноги» — около православного рождества. Он восходит, видимо, еще к первобытному скотоводству. Кроме праздников, языческим религиям свойственны и своеобразные «посты» и дни различных запретов.

У мари во время первых весенних поминок, когда умершие и духи вообще свободно «ходят» среди живых, запрещается ряд домашних работ, чтобы не оскорбить гостей «с того света». В эти дни едят лишь заранее приготовленную пищу, по большей части, студень.

В «день щелока» (кон-кэчэ — приходится на среду страстной недели) нельзя готовить горячую пищу и выпускать дым, т.-е. топить печку. Нельзя курить табак. Нельзя причесываться гребнем, в противном случае куры будут разрывать гряды в огороде. Нельзя давать скоту корм вилами — скотина истощится и будет похожа на сухие вилы. Нельзя просеивать муку через сито — летом будут сильные вихри. Нельзя утром долго спать — покойники, беря золу для щелока, могут насыпать золы в глаза так, что они будут болеть целый год. Нельзя держать веретена — летом будут нападать змеи. Нельзя поднимать крышку сундука — летом снесет крышу надворных построек ветром. Нельзя тратить денег — целый год будешь нуждаться. В иных местах нельзя скоту давать корм утром — скот не будет наедаться [1].

Другой круг запрещений у народов Поволжья связан с тем периодом, в который, по старинному русскому выражению, «земля мати — именинница» — примерно после духова дня. У чуваш «синьзи» (беременность земли) или «уйав» (бодрствование) начинается со времени появления цвета на озимых и кончается перед паровой пашней, захватывая примерно 12 дней. У мари подобный же период называется «синкса».

«Чувашам не дозволяется в это время: 1) строить и перестраивать избы, 2) рыть погреба — вообще копать землю, 3) возить навоз (чем живущие отдельно от чуваш русские во время синьзы исключительно и занимаются), 4) косить траву, 5) красить нитки, 6) мыть белье, 7) по пятницам топить печку и варить яшку (самое обыкновенное горячее кушанье у чуваш), 8) днем петь песни и т. д. [1]. Нарушение этих запретов влечет за собой градобитие. Если оно случится — ищут виновных — в прежнее время бывали на этой почве избиения нарушителей запрета до полусмерти. В семидесятых годах в Помарской волости марийцы во время «синксы» опрокинули и произвели полный разгром в красильном заведении некоей солдатки Пелагеи Пономаревой. Дело это разбиралось в волостном суде и заседатели отказали солдатке в иске, так как сход уничтожил ее заведение «во избежание несчастного случая» [2]. Пономарева пробралась в другую деревню, но там после градобития, поразившего яровые, марийцы конфисковали ее имущество, требуя уплаты денег за то, что по вине ее хлеб у некоторых жителей побит градом.

Запреты, описанные выше, подобны «табу» у тихоокеанских племен. Воздерживаясь от пищи или от хозяйственной работы, верующий как бы делится с божеством частью своего дохода, откупается от возможных бедствий. В случае

[1] Сведения о запретах у мари Урала сообщены мне тов. Валитпаевым.
[2] Магницкий. Стр. 35.
[3] Магницкий. Стр. 37-38.

с солдаткой в Помарской волости особенно ярко проявляется материально-хозяйственная основа взаимоотношений человека и божества, управляющего градом.

И духам умерших, и кереметям, и богам приносятся, смотря по рангу, лошади, быки, коровы, овцы, утки, гуси, зайцы, а также хлебы, лепешки, мед, пиво, самогонка (у вотяков). Размеры жертв и признаки жертвенного скота указываются жрецами — они знают, кому какая нужна жертва. Скот покупается за любую цену — торговаться не принято. При общественных жертвоприношениях скот выкупается у владельцев за мирские деньги. Годится только та скотина, которая

Рис. 15. Марийцы отправляются на моление.

вздрогнет, когда ее погладит жрец. Новое испытание для жертвенного животного устраивается накануне самого моления — скотину обливают неожиданно водою. Если животное встрепенется, то жертва будет угодна божеству. Иногда эту операцию терпеливо проделывают несколько раз, пока не добьются своего.

Жертвоприношения бывают частные — например, в случае болезни, для поминания умерших, над новым хлебом, и общественные — перед яровой и озимой пашней, во время бездождия, падежа скота, эпидемических заболеваний. Записанная в 1848 г. нижегородская былина очень хорошо рисует, как происходило мордовское моление в старину:

СХЕМА МАРИЙСКОГО МОЛЕНИЯ (на Урале).

(По рассказу студента В. П. И. т. Валитпаева.)

Рис. 16. Схема марийского моления.

.... На горах на Дятловых
Мордва в белых балахонах стоит...
То не березник мотается,
Мотается, шатается,
К земле-матушке преклоняется...
То мордва своему богу молится...
... Стоят у них в кругу бадьи могучие,
С суслом сладким бадьи могучие,
В руках держат ковши заветные,
Заветные ковши, больши-набольшие,
Хлеб да соль на земле стоят,
Каша да яичница на рычагах висят,
Вода в чанах кипит,
В ней говядину янбед [1] варит [2].

[1] Янбед — помощник жреца.
[2] Приведено у Мельникова. Очерки мордвы. Собрание сочинений. Т. VII. Стр. 416-417.

(По рассказу т. Зыкина.)

Рис. 17. Схема вотяцкого моления.

Мордва, разбросанная на огромном пространстве, раньше обрусела и приняла христианство. Поэтому, для современного состояния язычества более характерны марийцы и вотяки, отчасти чуваши. Перейдем к вопросу о том, какие и по каким поводам устраиваются у этих народов моления с жертвоприношением.

Летом 1927 г. было совершено большое моление «Кугукюсю» близ деревни Бимы Елабужского кантона, где участвовало 12 марийских деревень [1]. Жертвы были принесены богам и духам по следующему списку:

1) Куго Юмо (великий бог) — стриган и гусь.
2) Пиамбар (страж двора) — бык и гусь.
3) Куды-рчо-Юмо (громовый бог) — стриган и гусь.
4) Вуд-он (владыка водяного вихря) — стриган и гусь.
5) Пиамбар (страж двора) — бык и гусь.
6) Тонгз-он (морской вихрь) — стриган и гусь.
7) Пиамбар (страж двора) — бык и гусь.
8) Юмон-ава (божья жена или мать) — бык и гусь.
9) Кэчэ-ава (солнечная мать) — подтелок и гусь.
10) Юмон-ава-пиамбар (вестник божьей матери) — бык и гусь.
11) Мардэж-ава (мать ветров) — подтелок.
12) Кэчэ-ава-пиамбар (вестница матери солнца) — бык.

[1] Сведения сообщены т. Зыкиным из Елабужского кантона.

Всего, следовательно, марийцы заклали 5 жеребят (стриганов), 5 быков, 2 подтелка, 1 корову и 12 гусей. В прошлом были известны и более грандиозные жертвоприношения. Так после марийского жертвоприношения в декабре 1828 г. в Сернурской волости, в березовой роще оказалось 134 огнища, участников же моления было до трех тысяч человек [1]. Жертвы приносятся богам и духам, каждому под особым деревом. Тут прилажены и котлы для варки мяса и каши и столы

Рис. 18. Марийцы на молении.

на козлах для раскладывания жертвенного мяса [2]. У мари деревья мажутся кровью жертвы. Богам, слетающим со своими семьями на ветви деревьев или на перекладины над кострами, достаются шкуры, кости, кусочки мяса, возлияния пивом, медовой сытой или «кумышкой», все об'едки также тщательно подгребаются и бросаются в огонь. Молитва читается жрецом обычно перед тем, как народ приступит к поеданию мяса и каши. Вот образцы чувашских молитв во время так называемого уй-чюк («полевое моление» об урожае перед паровой пашней).

[1] А. Андреевский. Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений. Столетие Вят. губ. 1881 г. Т. II. Стр. 5—37.

[2] Нечто подобное было в древности и у славян. Семицкая песнь «Под липою стол стоит» намекает на какой-то жертвенный обряд, вероятно, совершавшийся в этот праздник. И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. 1838. Вып. III. Стр. 112.

«О, господи! Ты по твоим великим щедротам, дай нам хлеба, для чего ниспосли нам дождь. Дай нам самим всякого благодеяния и здоровья. О, господи, помилуй, не оставь. Для этого мы тебе, всенародно поминая и почитая, приносим быка и овец»... В другой молитве чуваши просят: «По выезде в поле, дай прибыль в поле; по прибытии в деревню — дай прибыль в деревне; по в'езде на ток — на току дай прибыль; по входе в клеть — дай прибыль в клети» [1]. Сходны с этими

Рис. 19. Жертвоприношение перед священным деревом (мари).

и другие чувашские, марийские, вотяцкие молитвы — во всех их мы находим просьбы об изобилии в доме, о здоровье, о бережении от всяких опасностей от пожара, воровства и т. п. Содержание молитв, как видим, чисто материалистическое. Религия связывается крепко с сельскохозяйственными потребностями, с крестьянским домоводством. Культ носит производственный характер.

Старо-крещеные татары в Мамадышском кантоне одновременно с чувашским уй-чюк совершают сыйпыр-курманы (жертвоприношение коровы), сарык-курманы (жертвоприношение овцы) [2].

[1] Магницкий. Стр. 28 и 30.

[2] Магницкий. Стр. 32. См. подробнее: М. Машанов. Религиозно-нравственное состояние крещеных татар Казанск. губ., Мамадышск. у. Казань. 1857.

Пережитки старинных языческих жертвоприношений сохранились и у татар-мусульман: на праздник Курбан-Байрам массами режутся бараны. Для сравнения приведу два современных примера из быта русских крестьян. У русских рыбаков на побережьи Ладожского озера мне случилось описать обрядовую варку общественной каши в первое воскресенье после петрова дня. От отца к сыну при этом переходит обязанность варить кашу и читать молитву. Только вместо старинной языческой молитвы теперь читается «отче наш», при чем жрец так же поварачивается лицом на восток, как мы видим у чуваш или марийцев. Молитва «господня» выбрана, конечно, потому что ее содержание — «прошение о хлебе насущном», только потому она и могла проникнуть в старый, на три четверти разрушенный языческий обряд. В д. Будогощ б. Тихвинского у. на успеньев день после обедни крестьяне режут баранов и варят в 10-12 котлах. Затем происходит общая трапеза. Этот район, судя по названиям деревень, населен обруселыми финнами.

Принося кровавые жертвы богам и кереметям, чуваши кряшены, финны Поволжья обычно выпускают кровь в ямку в земле. Уральские мари, обвязав кровавым лыком священное дерево, говорят: «бог, не думай, что́ мы сели на сухое дерево».

В основе этих обрядов лежит общее многим народам воззрение, по поводу которого В. Вундт пишет следующее:

«Кровь выливают на жертвенном алтаре или обрызгивают ею жертвенный камень для того, чтобы божество вобрало в себя душу жертвы таким же точно образом, как это думают о себе люди, когда они пьют кровь» [1].

Жрецы и знахари. Народная медицина. Классовая роль жречества.

Хранителями языческих преданий и суеверий у чуваш, марийцев, вотяков и мордвы являются обычно, как и всюду, старики и старухи. Религии народов Волжско-Камского края, вероятно, никогда не достигали такой степени развития, при которой жречество обособилось бы в отдельную группу или касту, имевшую свою централизованную организацию. В глубокую старину марийские и вотяцкие «прозорливцы» исполняли обязанности сношения с духами подобно сибирским шаманам. Подобно им эти «прозорливцы» — большею частью истеричные суб'екты с вывихнутой психикой. Еще и сейчас мы находим у марийцев «онайэн», «картов» [2] (иногда носящих под влиянием мусульман название «мулл»), а у вотяков «туно», которые являются руководителями как частных, так

[1] В. Вундт. Миф и религия. Стр. 64.
[2] «Карт» — слово татарское и означает «старик».

и общественных жертвоприношений. У мордвы в таких случаях распоряжаются старухи (следы древнего матриархата), у чуваш—старики, также называемые во многих местах «картами». Чувашские «номысь» утратили свои древние жреческие обязанности при общественных молениях, но к их указаниям всегда прибегают, когда нужно принести жертву или поставить свечку перед иконой для избавления от болезни.

Рис. 20. Марийские «онайэн» или «карты» (жрецы).

Вот что говорит Г. Верещагин о вотяцких «туно» (ворожец-прорицатель). «Ворожцу дарят разные подарки и если что по слову его исполнится, он получает большую известность. Они обыкновенно уважаются народом,— пользуясь уважением, иные ведут себя гордо, вполне сознавая свои достоинства прорицателей» [1].

Далее Верещагин пишет, что по рассказам вотяков «...между ворожцами-прорицателями были прежде и заговаривающие от злых собак и вообще от всех хищных зверей и змей. Первые насколько были для прочих злы, настолько же кротки для знатоков, а ядовитые змеи, положенные за пазуху, не делали им никакого вреда. Знатоки, ради шутки, останавливали свадебный поезд, тушили пожары, заставляли воров украденное приносить обратно; застилали путь проезжих туманом и пр.»

[1] Гр. Верещагин. Вотяки Сосновского края. Стр. 37.

В 1925 г. в одну деревню Арского кантона забежала медведица с семьей. Медведей нашли на гумне и прогнали в лес. Среди народа пошел слух, что это не медведи, а люди, обращенные в медведей из злобы колдуном во время свадьбы в соседней Вотской области.

Кроме «туно» есть еще колдуны «пычкос» и «вегины», напускающие болезни по ветру; шептуны — «пельтысь», «пельяскысь» — соответствующие русским «знахарям». «Знахарей возят к больным, как священника с требой на своих лошадях, платят им, угощают их, как почетных гостей».[1]

Попутно следует сказать и о тех методах лечения, к которым прибегают знахари всех волжских народностей. Мы бы разделили на три группы применяемые народной медициной средства. В первую группу отнесем действительные способы лечения, об'ясняемые правильным подбором трав и лекарств вообще в силу векового опыта. Возможно, что в некоторых случаях несложных болезней народное лечение и достигает успешных результатов. Во вторую группу отходит лечение при помощи наговора в сопровождении всякого рода магических средств — здесь всего больше нелепостей, подчас диких и вредных для здоровья. Возьмем для примера хотя бы изготовление для больного питья из грязной воды, которой обмыты дверные ручки или обеденный стол. Этот способ лечения применяется у татар, чуваш и всех финских народностей края. У чуваш при лечении от оспы больных детей поят и умывают их соком жеребячьего кала. Шишку на голове лечат прикосновением собачьей кости, считая до девяти, до семи и т. д. Золотуху на шее лечат, держа в руках гнилую веревку, болезнь глаз — ячменным зерном. Худосочного ребенка кладут на лопату, покрытую тестом и закрывают его тестом и сверху, оставив лишь дыру для рта; затем йомысь три раза сует ребенка на лопате в печь поверх горящих на челе углей; в заключение скидывают ребенка сквозь хомут у порога и дают собаке с'есть покрывавшее ребенка тесто. Сотни таких приемов можно указать и у других народов края. Это самый вредный и опасный вид знахарства. Наконец, третья группа способов лечения — принесение в жертву животных, поездка по обету к священному источнику или «чудотворной» иконе, играющей роль доподлинного идола, фетиша. Жертвоприношение в целях избавления от болезни — чисто религиозный способ лечения, вытекающий из представления о духе, нагнавшем болезнь или вселившемся в больного самолично. Лихорадки, оспа, холера представляются в виде живых существ, духов, от которых можно откупиться принесением жертвы. Порою все виды знахарского лечения применяются комбинированным способом. Не

[1] Верещагин. Стр. 88.

нужно доказывать, насколько знахарство тормозит дело оздоровления народных масс Волжско-Камского края.

Общественными молениями марийцев обычно руководят «карты», при чем в их среде выделяются «сновидцы», «омыумшы», которым во сне, как и вотяцким «туно», бывает «откровение» какому богу и где и какую принести жертву. При следствии по известному уже нам делу о молении марийцев в Сернурской волости, 3 декабря 1828 года карт Иван Токметев (а по русски Федот Алексеев, из «новокрещен»), 60 лет, распоряжавшийся и наблюдавший за порядком жертвоприношения, показал: «В сентябре месяце, не знаю которого числа, ночью видел я во сне, что будто я, шедши со множеством черемисского народа по ровному месту, вдруг все мы обрушились в преужасную пропасть, и от того, напужавшись, обещались, по избавлении, принести богу моление; от каковой мысли вдруг стали подниматься на гору, где увидели необыкновенный свет, плодородие и в наилучшем виде разные деревья» [1]. После этого ряд деревень и сговорился об устройстве моления.

У горных мари в прежние времена карт при жертвоприношении облачался в длинный белый балахон без сборок с красной наставкой из кумача на груди и черной из сукна на спине. На голову жрец надевал высокую шапку из бересты [2]).

У марийцев есть также и «мужэдшэ» — гадатели, «шинчан-ужшо» — знахари, прозорливцы, «локтызо» — причиняющие порчу и др. [3]. «Гадателю предлагается обильное угощение, несколько копеек денег, а иногда какой-нибудь подарок»[4].

Классовое расслоение марийской деревни уже давно отражалось и на религиозной жизни. Священник Багин указывает случаи, когда на бедняка «напущена болезнь», но в силу бедности своей он не может принести указываемой «мужэдшэ» жертвы. Тогда он прибегает к помощи «локтызо» и тот путем наговора переводит болезнь на... более состоятельного человека, которому, по его материальному достатку, не представит особенного труда принести умилостивительную жертву за больного».

При общественных молениях собираются иногда значительные средства, от которых остаются излишки даже за вычетом оплаты жертвенного скота. От этих денежек картам, несомненно, кое-что прилипает к рукам, так что профессия сновидца небезвыгодна, а о даровом угощении уж и говорить нечего. В денежных делах марийские карты иногда друг другу не доверяют и ссорятся. Интересный факт отмечает

1 Андреевский. Стр. 537.

2 Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, стр. 165.

3 В. М. Васильев. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск. 1927. Стр. 4—16.

4 С. А. Багин. Гадатели и знахари у царевококшайских черемис. Казань 1910. Стр. 9—11.

И. А. Емельянов, наблюдавший в октябре 1919 г. марийское моление близ деревни Нурумбал Себе-Усадской волости Краснококшайского уезда. «Считаю долгом упомянуть о некотором лицеприятии Ефима Кугызи [1] в отношении его к хозяевам посещаемых им домов, проявлявшемся в том, что у одних черемис, как, например, у хозяина нашего дома, он с особенной отчетливостью и подробностью вычитывал положенные молитвы и проявлял видимую готовность подольше задержаться и пробыть среди предлагавших свое гостеприимство хозяев, у других, наоборот, священнодействовал довольно поспешно и даже совсем опускал некоторые моменты описываемой религиозной церемонии. В одном, например, доме, когда хозяйка его, солдатка, вышла на крыльцо, чтобы проводить уходящих, то оказалось, что провожать было уже некого: Ефим Кугызя, не дождавшись ее, вместе с лощадью [2] и всей свитой ушел уже в другой дом». Странно читать, что «нам не пришлось выяснить причин такого неравенства в отношениях карта к приглашавшим его черемисам, а потому остается только гадать (!), что, может быть, в данном случае имели значение зажиточность и влиятельное положение в деревне того или иного хозяина» [3]. Исследователь, только стиснув зубы, пытается дать об'яснение поведения карта на основе классового принципа. В этнографических работах, посвященных Волжско-Камскому краю, и не доводилось до сих пор встречать хотя бы ничтожной попытки об'яснить классовые корни языческого жречества [4]. В 1830 г. Казанский губернатор разослал всем уездным исправникам циркуляр с предложением выявлять спекулятивные сделки чувашских йомзей с продавцами жертвенного скота. Делаясь добычей поставщиков и покупая указанных йомысь животных не торгуясь, чуваши-жертвователи терпели большой материальный ущерб [5]. Выявить связь йомысь с кулачеством — задача молодого поколения этнографов-марксистов.

А вот характерная картина из религиозного быта мордвы. После обеда в петровске моление (петров озкс) в де-

[1] «Кугызя» — дед, старик.

[2] По деревне водили предназначенного в жертву коня.

[3] А. И. Емельянов. Языческое моление черемис. Известия Об-ва А.И.Э. XXI. в. 4. Стр. 14-15.

[4] Трудно ждать этого от людей, способных писать в 1919 г.: «С первого же взгляда Ефим Кугызя мне очень понравился, в самых манерах и приемах его чувствовалось мне что-то родное, как бы заимствованное от близкого моему сердцу нашего православного русского духовенства, особенно тех его представителей, которые известны благолепным умением держать себя, как подобает религиозно-настроенному пастырю церкви» (Емельянов, Стр. 7).

[5] Дело № 69/41 канцелярии Казанского губернатора «по предписанию министра внутренних дел о принятии мер к прекращению у чуваш обычаев в назначении тягостных для них цен для принесения жертвы».

ревне Верхний Мувал, Городищенского уезда, Пензенской губернии, «народ расходится по домам, а место их занимают пастухи, которые приходят, как говорят, «мослы глодать» [1]. Первый кус — богу, затем — жрецу, затем всякому полноправному хозяину, а на последнем месте — презираемый всеми батрак-пастух, которому от всего обильного пира достаются лишь «мослы». Наглядная иллюстрация того, как отражается классовое расслоение в религиозном культе.

К сожалению, кроме единичных наблюдений ничего в этой области пока не имеется.

Правда, по наблюдениям того же М. Е. Евсевьева богачи у мордвы последнее время мало принимали участия в молениях. Но это уже позднейшее явление, эпохи разложения язычества, когда богатый мордвин дружил с урядником и попом, считая более выгодным для себя быть православным, отказываться и от своей народности, и от своего языка. У чуваш, марийцев отыщем сходные явления. Но несоменно, что в пору своего расцвета язычество имело в первых рядах кулаков и богатеев. Бедняки же нередко тяготились тяжелыми для их хозяйства жертвами. Отсюда родилась мало-по-малу символика — замена животных приношениями богу купленных на базаре голов и ног, или даже пряников, выпеченных в форме лошади, барана, птицы.

Уральский мариец тов. Валитпаев сообщил мне сведения о картах деревни Большого Тавра. В деревне, насчитывающей 200 дворов — четыре карта. Деятельность их приносит им известный доход в виде излишков при общественных молениях (рублей до 30), в виде полотенец и прочих подарков при частных молениях, что дает каждый раз от 3 до 5 рублей. В зиму каждый карт обслужит 15—20 молений, что составит, примерно, от 45 до 100 рублей. Расчет, конечно, примерный. Но факт налицо, что среди картов бедняков нет, — это по большей части зажиточные или крепкие середняки. Карты пользуются общественной помощью по вывозу дров, снопов, перевозки построек. В селах Большие Карзи, Вторые Сарсы, Багышково, карты — крупные кулаки, имеют по 4—5 лошадей, столько же коров. До революции засевали по 60 и более десятин. Есть и сейчас имеющие до 50 дес. засева [2]. Среди населения карты «задаются» своим почетным положением.

Наблюдения местных работников Волжско-Камского края заставляют делать предположение, что знахари, врачующие болезни, в общем наживаются сильнее, чем исполняющие обязанности жрецов при общественных молениях. Мы совсем уже не говорим о технических помощниках жре-

[1] М. Евсевьев. Стр. 44.

[2] Это наблюдение подтверждается и заметкой «Среди марийцев» (Уральская область) в № 21 «Безбожника» за 1928 г. «Карты всегда вербуются из богатых семей».

цов, которые выделяются обычно в порядке очереди или религиозно-общественной повинности для заклания животного, наблюдения за огнем и пр. («учо-влак» у мари, «парчаси» у вотяков). У чуваш и мари «карты» сохранили целый ряд общественно-административных функций. Вывозка навоза, начало пашни и сева определяется по их указанию. Зимнюю грязь вычищают в деревне лишь тогда, когда сигнал подает карт, приступив к очистке священной рощи.

Преследования язычников при царском режиме. Мултанское дело.

Царское правительство и православное духовенство, в стремлении обрусить и колонизовать край, наталкивалось на старую языческую религию, как на сгусток древних народных обычаев, помогавших чувашам и финским племенам дольше сохранять свою национальную физиономию. Отсюда и жестокие подчас административные преследования, разгон молений, наказания плетьми, взятки с язычников в пользу священников и полиции за недонесение высшим властям, уничтожение священниками вотяцких воршудных коробов и родовых свеч — «штатолов» у мордвы. В 1830 году по распоряжению митрополита Филарета был взорван огромный камень Чембулат на берегу реки Немды, где совершались марийские жертвоприношения, дабы «вразумить их о ничтожности сего мнимого божества[1]. Однако, преследования не достигали цели. Язычество стало разлагаться прежде всего под влиянием экономических факторов — отхожих промыслов, знакомства с городом, дороговизны жертвоприношений. Вырубили многие рощи. Начал стираться ритуал молений. У мордвы этот процесс выразился всего сильнее. Жертвы жеребенком стали заменяться бычком. Во многих деревнях Волжско-Камского края православие внешним образом вытеснило старую народную веру, языческие боги заменялись святыми угодниками, но как мы увидим дальше из примеров, эта замена носила весьма поверхностный характер. В сердцевине своей культ остался языческим. А в ряде лесных деревень или среди «инородцев», удалившихся от «благ» цивилизации в уфимские степи и предгорья Урала, язычество сохранилось до самой революции.

В 1892 году всю Россию облетело известие о том, что в селе Старом Мултане, Малмыжского уезда, Вятской губернии, вотяки (православные) якобы принесли в жертву человека — нищего Матюнина. Труп его был найден без головы, со страшной раной в грудной полости, через которую были вынуты сердце и легкие. Больше четырех лет тянулось следствие. Арестованные вотяки подвергались в полиции пыткам (подвешивание, избиение); дело ходило по нескольким

[1] Андреевский. Стр. 549

судебным инстанциям. Царские власти упорно старались «засудить» вотяков. Были пущены в ход все подтасовки, все средства от гнусных и невежественных поповских книжек до «ученой» экспертизы, согласно которой у вотяков не только в древнейшие времена могли быть человеческие жертвоприношения, но дошли они и до наших дней. Таким позорным заключением запятнал себя казанский профессор И. Н. Смирнов, автор известных, полезных и доныне, трудов о восточных финнах. Другие видные исследователи-этнографы, как С. К. Кузнецов, П. Богаевский, категорически отрицали факт человеческих жертвоприношений у современных вотяков. Приват-доцент харьковского университета Беллин, специалист по вопросам судебной медицины показал в особой работе, что страшная операция над трупом Матюнина была произведена уже тогда, когда он разлагался и больше месяца ожидал вскрытия. С. Кузнецов указывал, что существенная часть жертвенного ритуала требует, чтобы кости жертвы не были повреждены, тогда как у Матюнина без видимой надобности перерублен позвонок и ребра отрублены у оснований. С. Кузнецов пришел к заключению, что в данном случае мы имеем дело с «грубой подделкой под вотское жертвоприношение».

Человеческие жертвоприношения в глубокой древности у вотяков, несомненно, были, как были они и у славян, скандинавов и у множества других народов. Об этом можно судить по сказкам о людоедах и по пережиткам некоторых обычаев. Но И. Н. Смирнов, между прочим, основывал свои выводы на следующем факте. На горе Шай-гурез (могильная гора) Б. Игринской волости, где еще в 70-х годах был густой еловый лес, на ветвях деревьев висели десятки человеческих кукол, сшитых из тряпок и одетых по-вотски [1]. Нам кажется, что обычай этот вовсе не говорит о человеческих жертвоприношениях, а связан скорее с поминальными обрядами. Ведь Шай-гурез в старину был, вероятно, кладбищем. Куклы означали всего скорее самих покойников. У чуваш-язычников деревни Средних Савруш, Чистопольского кантона, до сих пор на поминках делают человеческое чучело в натуральную величину, увозят его на могилу и там оставляют, быстро уезжая назад. Усмотреть именно здесь намек на «жертвоприношение» весьма трудно. Другие примеры Смирнова убедительнее, но все они вместе взятые являются гораздо менее ярким пережитком человеческих жертвоприношений, чем христианское «таинство» причащения. Под видом хлеба и вина верующие православные и католики до сих пор вкушают «плоть и кровь христову», да еще должны

[1] Н. Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка. 1888. Стр. 17.

заверять своего бога, что они ничуть не сомневаются, что «сие есть самое пречистое тело твое» и «сия есть самая пречестная кровь твоя».

Наиболее сильным доводом против клеветнического обвинения вотяков в человеческих жертвоприношениях является, сверх всяких этнографических исследований, тот факт, что в судебных органах ни бывшей Казанской, ни бывшей Вятской губернии за сотни лет нет никаких материалов по таким делам. Неужели российские колонизаторы упустили бы столь выгодный для них момент? Нет, конечно. Мултанское дело — единичный случай и возникло оно в эпоху общественной реакции, при Александре III, когда чующее гибель самодержавие старалось всеми мерами укрепить свои порядки и усиливало национальную травлю.

Мултанская история взволновала всю русскую общественность. Она разделила на два лагеря и интеллигенцию — одни присоединили свой голос к хору попов и полицейских держиморд, другие во главе с писателем В. Г. Короленко смело развернули знамя протеста против дикой травли, поднятой вокруг вотяцкого народа под предлогом мнимого «жертвоприношения».

Однако, в последней инстанции, в Мамадыше, 4 июня 1896 г. даже выездная сессия царского суда вынуждена была признать экспертизу Смирнова несостоятельной. Под давлением общественного мнения суд вынес оправдательный приговор безвинно томившимся столько лет вотякам.

Мы намеренно остановились на мултанском деле для того, чтобы молодое поколение знало о тех приемах, к которым прибегали царские власти для усиления национального гнета в Волжско-Камском крае. Вместе с тем еще кое-где следы «кровавого навета» сохранились и среди самих вотяков, не всегда уверенно разбирающихся в данном вопросе. Старая пословица гласит: «клевещи, клевещи, от клеветы всегда что-нибудь останется». Из уст некоторых представителей вотяцкой интеллигенции, в прошлом связаной с миссионерскими кругами, приходилось слышать даже на официальном собрании, что «мултанские вотяки не без греха». Раз навсегда нужно положить конец этим сплетням, идущим из весьма темного источника [1].

[1] По вопросу о Мултанском деле см. ряд статей В. Г. Короленко в полном собрании сочинений. Т. IV, СПБ, 1914 г. Стр. 361—464. Еще до Мултанского дела И. Н. Смирновым был читан в Казани доклад «Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов». Казань. 1889 г. В книжке сгруппированы материалы о пережитках человеческих жертв у вотяков, мари, мордвы. Но, конечно, для близкой к нам современности класть эти материалы в основу обвинения мултанских вотяков было бы столь же нелепо, как обвинять в каннибализме европейцев на основании христианской литургии. Однако, и в 1903 г. И. Н. Смирнов от своей точки зрения не отказался (см. его статью «Инородческая старина Поволжья») в сборнике «Поволжье». Нижний Новгород.

Внутреннее развитие язычества. «Кузька-бог» у мордвы. Вотяцкие секты. Марийская секта «кугу-сорта».

Внутреннее развитие языческих культов, связанных с примитивным, отсталым хозяйственным бытом совершается, конечно, гораздо медленнее, чем в религиях, подобных исламу или христианству, где возникали различные направления и секты под влиянием классовой борьбы и изменения общественной структуры. Однако, и у «язычников» Волжско-Камского края можно указать несколько примеров религиозного движения в результате давления русской колонизации, с одной стороны, под давлением христианства — с другой. Влияния ислама мы уже касались несколько раз.

В начале XIX века в той самой Терюшевской волости, Нижегородской губернии, где когда-то самоуправничал архиерей Димитрий Сеченов, об'явился «Кузька-бог». Попросту говоря, это был крестьянин мордвин, по имени Кузьма, который провозгласил, что христианской вере пришел конец. Но он черпал из того же источника, который проклинал. «Богами, которые должны сменить христа, он называет божию матерь, Николая Чудотворца и Михаила Архангела». Кроме того, упоминается «громов сын» и «царь Давид», который должен явиться в «огненном столпе», чтобы восстановить старую мордовскую веру «моление в священных рощах, сожигание на кострах частиц тех животных и птиц, которых поедали молящиеся» [1].

Кузьма был вождем мордовского национального движения, своеобразной формы протеста под религиозной оболочкой против угнетения и обрусительства. Идя же еще глубже, в область экономических корней этого движения, можно думать, что лозунг возврата к старой мордовской вере был выдвинут разрушающимся патриархально-земледельческим строем против русского помещика и купца. Если русский помещик прибегал к услугам попа и цитат из священного писания для оправдания закрепощения, то мордвин искал оправдания своей былой экономической самостоятельности в старом языческом культе, к которому он примешивал под влиянием той же церкви христианскую мифологию.

Среди вотяков реакция против русского колонизаторства и православия вылилась в форме секты в ы л е п ы р ы с е в (выле — вновь, пырысь — входящий, отсюда слово: вступающий в новую веру). Руководителями этой секты были старые вотяцкие жрецы и ворожцы. Отступникам от язычества они грозили жестокими наказаниями и бедствиями. «Земля их не будет производить удовлетворительных урожаев хлебов, люди будут умирать от различных болезней». Секта вылепырысев требовала: 1) не носить никаких пунцовых

[1] Смирнов. Мордва. Стр. 276-277.

ситцев, кумачу, пестряди синей, какую носят русские; 2) для обуви не употреблять ни сапог, ни башмаков, ни русских лаптей; 3) всякую одежду, какую воспрещает носить секта, если таковая у кого найдется, бросать в лес или сжигать на огне; 4) с русскими никаких сношений не иметь»[1]. Ворожцы ссылались на бывшие, якобы, им видения, говорили, что одежду вылепырысям заменит пух, что для пропитания достаточно будет около 30 ючисов (кольев, на которые вешают снопы) на человека в год. Как видим, ничего «нового» не было в этой секте.

Мы бы сравнили вылепырысев скорее с русскими «староверами», также представлявшими под религиозной оболочкой национальную реакцию против европейских новшеств. Вполне сектантами среди вотяков можно было бы назвать, так называемых, «липопоклонников», руководители которых действовали в 40-х годах. «Новая вера» была уже реакцией против старых форм языческого культа и отрицала кровавые жертвы. «Липопоклонники» совершали возлияния кумышкой и пивом перед священным деревом. Кто не кланялся, получал удар вицей. После молитвы женщины угощали участников кумышкой, пелись песни. «Принявшие такую веру, не должны были иметь никакого сообщения с прочими, чтобы «не осквернiться»[2]. После ухода «иноверца» в доме жгли вереск. Секта распалась, по мнению Верещагина, вследствие пьянства «липопоклонников» — частые моления с кумышкой вредно отзывались на экономическом благосостоянии сектантов. Проверить этот поверхностный вывод очень трудно за неимением пока материалов.

Последняя и самая интересная языческая секта, о которой необходимо сказать, возникла среди мари, видимо, еще в 70-х годах XVIII. Название этой секты — «кугу-сорта», что значит «большая свеча». Расцвет ее относится к концу XIX века, когда на сектантов посыпались полицейские и поповские преследования. Это было, примерно, тогда же, когда тянулось знаменитое Мултанское дело. Избивая марийских сектантов, ссылая их в Сибирь и разоряя их дома, духовные и светские власти царской России осуществляли свою систему национального зажима, как это мы видим и в отношении вотяков, как это было вообще в великой «тюрьме народов» — царской России.

Наиболее полное описание секты «кугу-сорта» сделано В. Васильевым[3]. Секта распадается на три толка. Первый толк заключает несколько десятков самых строгих ревнителей, которые ведут аскетический образ жизни, воздерживаются от чая, курения табаку, спиртных напитков, некоторых овощей и злаков. Второй толк, также немногочислен-

1 Верещагин. Стр. 203.
2 Верещагин. Стр. 205.
3 Васильев. «Марий Эл» (Марийский край) №№ 4—6 и 7—9.

ный, несколько смягчает требования сектантской обрядности, воздерживается от мяса свиней, коз и т. д. Оба первых толка отрицают совершенно кровавые жертвоприношения. Третий, наиболее многочисленный толк, насчитывает несколько тысяч последователей, отличается от других язычников-марийцев только тем, что не признает молений низшим духам, но считает возможным принесение кровавых жертв. Строгие требования воздержания и сектантской обрядности отпугивают массу марийцев от первого и второго толка. Замена крупных кровавых жертв гусями, утками, а у чистых сектантов обрядовым возжиганием восковых свеч (отсюда и название секты), принесением меду, блинов и хлебцев, экономически представляется выгодной — это сближает несколько кугусортинцев с вотяцкими «липопоклонниками». В. М. Васильев говорит, что третий толк, хотя и медленно, но растет. «Рост этого толка об'ясняется тем, что он представляет большое опрощение язычества, в смысле сокращения целого штата низших духов, с которыми марийцу вечно приходится считаться, как с насылателями несчастий, болезней» и т. д. Марийские языческие боги у кугусортинцев изменили свой облик под влиянием христианства. Появились «три великих белых создателя». Но сохранились «начала» или владыка грома, молнии, облаков, солнца, «пятницы», он же властитель семи дней недели. Отдельные властители имеются для человека, конопли, хлебных злаков, деревьев, пчел, животных, трав. Некоторые библейские сказания — о грехопадении, о потопе перешли к кугусортинцам. Признают они и пророков. Христа считают высочайшим пророком, святых — угодниками, но молиться им грех. Церквей и часовен не нужно, — лучше молиться среди самой природы. Деревья — «непорочные посредники» для молитвенного общения с богом. Моления справляются сектантами обычно по пятницам и связаны также с различными моментами сельскохозяйственного обихода. В 1888—89 годах, когда секта достаточно выявилась и окрепла, сектанты похоронили в земле в разных местах, главным образом, в болотах, все молитвенные принадлежности, как православного, так и языческого моления, т.-е. кресты, книги, молитвенные котлы, берестяные и лубяные коробки для молитвенных приношений духу шалаша. Это означало, что православие и язычество, как ложные религии, умерли, похоронены, а кугусортинская вера живет [1].

В 1907 г. кугусортинцы зарыли в Упшинской роще после специального моления модели всякого оружия, военного и охотничьего. «Пусть не будет войн, истребления скота и растительности. Пусть будет жизнь спокойнее» [2].

[1] В. М. Васильев. (М. Э. 7—9. Стр. 147).
[2] Васильев. Стр. 148.

Попробуем выяснить социально-экономическую природу секты кугусорта, насколько позволяют это материалы В. М. Васильева, который сам никаких выводов в этом направлении, к несчастью, не дает. Они чрезвычайно сильно «привязаны к земле и быту земледельческому и как к подспорью для последнего к разного вида ремеслам — столярному, токарскому, плотническому, гончарному и т. д. Можно положительно утверждать, что если возможно изготовить какие-либо вещи самостоятельно, не прибегая к машинам, сложной выработке, то сектанты непременно производят их сами»[1]. Сектанты не любят заниматься торговлей. «В отношении утвари у сектантов заметно во всем стремление к примитивности и нет ничего фабрично-заводского, за исключением, чугуна, некоторых железных изделий и стекол на окнах, которые допущены в обиход, в виду невозможности заменить их другим материалом, всякая краска также тщательно изгнана из употребления». Посуда — деревянная, собственного изготовления. Спичек, лампы и керосина сектанты не употребляют. Огонь как для молений, так и для хозяйственных целей добывается при помощи трения деревянного бруска о пест или другой кусок дерева (то и другое березовые)». Зимою жгут в избе лучину. Лен считают растением недозволенным... семена его тонут в воде и появился он позже». Не едят по той же причине картофеля, огурцов, луку, моркови, свеклы, редьки. Не употребляют яблок, так как они связаны с прародительским грехом.

К лекарствам кугусортинцы прибегают лишь в случае крайней нужды. «Оспопрививание не допускается как позднейшая выдумка человека»[2].

Этих выдержек вполне достаточно для того, чтобы характеризовать сектантов, как реакционнейшую секту, типичное воплощение той «крестьянской ограниченности», против которой предостерегал Ленин.

Советская власть указывает крестьянским массам всех национальностей путь к социализму через развитие промышленности, применение машин в сельском хозяйстве, через коллективизацию сельского хозяйства. С этим неразлучны всеобщая грамотность, отрицание старых суеверий, борьба с раз'едавшими нашу деревню вековыми болезнями. А кугусортинцы не только смычку с пролетариатом, не только оспопрививание, но даже лен и картошку отрицают. Секта эта при всей ее благовидности,

2 Васильев. Стр. 145. Подчеркнуто везде мною. Н. М.

3 Все вышеприведенные цитаты взяты из материалов Васильева, см. стр. 133, 134, 138 и 197.

смирении, трезвости и прочим добродетелям — вреднейшая секта. Путь от старого язычества, коренящегося в деревенской отсталости Волжско-Камского края лежит не обратно в царство лаптя и лучины, а к социализму через безбожие, через тесный союз крестьян бедняков и средняков с рабочим классом. И нет такой китайской стены, которая бы отделила марийскую или чувашскую деревню от остального советского мира. Не насилиями и преследованиями, как было в недоброе старое время, а упорной культурно-хозяйственной и политической работой советская власть добьется того, что будет уничтожен самый фундамент как старого язычества, так и уродливых сект, подобных секте «кугу-сорта».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МУСУЛЬМАНСКОЕ «ЯЗЫЧЕСТВО».

Классовая сущность ислама. — Представления о душе и загробной жизни.—Ангелы. Шайтаны. Джинны.—Фетишизм. Камень Каабы. Культ луны и светил. — Колдовство. Магомет и шаманы. — Кровавые жертвы. Чудеса Магомета. — Святые ислама. Ишанизм.

Классовая сущность ислама.

С самого начала своего зарождения в торговых городах Аравии (VII век христианского летосчисления) ислам был верным слугой купеческого капитала. К народам земледельческим ислам был принесен уже позднее, на острие сабли степных завоевателей или с товарами заезжего арабского купца. Недаром самое слово «ислам» означает «покорность». Как нельзя лучше классовая сущность ислама выражается в рассуждении идеолога современного мусульманского реформизма, муллы Зия Кемали по поводу запроса некоторых крестьян о «гушуре». «Гушур» представляет собою старинный налог в пользу мечети. Крестьянин должен платить $^1/_{10}$ своего ежегодного дохода, а купец $^1/_{40}$ чистой годовой прибыли. В ответ на сомнения крестьян мулла наставительно раз'ясняет: «Это справедливо. Ведь крестьянин только сеет, сам он не трудится над растением — за все отвечает, за всем следит сам аллах. А купец должен в поте лица своего зарабатывать каждую копейку».

Не случайно у мусульман считается, что купец, умерший по дороге на ярмарку, погибает с не меньшей честью, чем герой в священной войне.

Ислам, прежде всего,—религия торгового капитала, мировоззрение восточного купца. Как мы знаем, он уже в начале X века проник благодаря сношениям с Персией и Средней Азией в верхи болгарского общества. Новые завоеватели, татары, вскоре также перешли от язычества к мусульманству под влиянием той культурной обстановки, в которую

они попали на Волге. Торговля с Востоком по волжскому водному пути и при татарах служила стержнем экономической жизни края. Все это лишь содействовало укоренению ислама в Среднем Поволжьи.

Подобно христианству, ислам представляет в своем содержании достаточно пеструю смесь. Здесь и элементы древнего аравийского язычества, и заимствования из еврейской и христианской религии. У казанских же татар и у обращенных в мусульманство мещеряков, чуваш, вотяков, марийцев к чисто-мусульманским религиозным представлениям примешиваются остатки старой народной веры [1].

Нас интересует, главным образом, сравнение ислама с языческими религиями Волжско-Камского края и их взаимное влияние друг на друга, которое имело место в течение нескольких столетий близкого соседства и религиозного общения.

Как мы сейчас увидим, ислам принес народам Поволжья вместе с купеческой моралью и арабской грамотой те же суеверия под новой оболочкой. В основе религиозных представлений мусульман лежат анимизм и вера в колдовство, как это мы наблюдали и в приволжских «языческих» культах.

Представления о душе и загробной жизни.

Начнем с мусульманского представления о душе. Когда Азраил, ангел смерти, исполнил свою обязанность и тело опущено в могилу, являются два черных ангела и чинят умершему допрос, во время которого душа снова соединяется с телом. Поэтому для удобства покойников мусульмане завертывают их лишь в один покров, хоронят их без гробов. Если ответы покойника удовлетворительны, душа его тихо вылетает из уст, если нет—умершего бьют железными палками, а душу вытаскивают со страшным мучением.

Вот почему у татар при похоронах соблюдается один очень странный обряд. Когда тело умершего уже зарыто в землю, все присутствующие при погребении отходят в сторону на 40 шагов. Муэдзин или мулла начинает шептать над могилой, подсказывая слова для ответа умершему, который в это время подвергается первому загробному допросу.

До полного воскресения мертвых душа грезит, предвкушая свою будущую участь. Души пророков, впрочем, тотчас же попадают в рай. Души мучеников и убитых на войне вселяются в тела или зобы зеленых птиц, питающихся рай-

[1] Как и везде, конечно. Если углубиться в изучение ислама в Персии, Египте, Индии и т. д., то везде мы найдем своеобразные особенности, проявление религиозного синкретизма, отложения древних культов. В Турции когда то существовал декрет, запрещавший резать ягнят до дня христианского праздника св. Георгия. А культ Георгия прямо уводит в дебри старого малоазиатского язычества.

скими плодами и утоляющих жажду из райских источников. Души обыкновенных смертных чаще всего витают возле своих могил, почему им очень приятно посещение кладбища родственниками. Для сравнения с вышеразобранными представлениями язычников важно указать, что многие мусульмане представляют себе души правоверных в виде белоснежных птиц, находящих себе пристанище под престолом аллаха. Души неверных, отталкиваемые ангелами, ожидают судного дня в подземных пещерах.

Восходя на первое небо во время своего известного чудесного путешествия Магомет и его проводник—ангел, встречали часто человеческие души. От верующих душ исходил хороший запах, а от душ неверующих—гнусный. Души развратников и прелюбодеев с наслаждением нюхали гнилое мясо и брезговали мясом свежим и хорошим. (Интересно, кстати сказать, почему самому Магомету прощено было, что он отбил жену у своего приемного сына Зейда). Для нас интересно в данном случае, что душа впивает запах — ведь такое же представление мы встречали и у «язычников». Оказывается, что по первому пункту, в учении о душе, мусульманство стоит обеими ногами на той же почве, как и языческие анимистические культы.

Мусульмане заимствовали из еврейской и христианской религий учение о воскресении мертвых. После третьего трубного звука архангела Израфила, призывающего на суд, все пространство между небом и землей наполнится душами, летающими в поисках за своими телами. Сухие кости оденутся плотью. Неверные, воскреснув, будут ползать по земле, а правоверные избавлены и от этого труда — они будут летать на белоснежных, легкокрылых верблюдах, украшенных золотыми седлами.

На страшном суде все должны будут держать ответ о своей жизни. От древних египтян перешло в ислам представление о взвешивании на весах дурных и хороших поступков. Роль небесного весовщика по наследству от Акубиса достается архангелу Гавриилу, которому хлопотать по разным поручениям Аллаха приходится не меньше, чем Гермесу на побегушках у греческого Зевса.

Второе испытание заключается в переходе через адский мост Ал-Серат. Он протянут на три тысячи верст и узок, как острие сабли. Неверные должны будут переходить его ощупью, во мраке и неизбежно свалятся вниз в геенну, где их будут всячески терзать адские палачи. Правоверные же промчатся по мосту при ярком свете и с легкостью птиц. Райские блаженства ожидают тех, кто благополучно перешел Ал-Серат. В чудесном саду течет река Ал-Каутер и находится озеро пророка. Вода его сладка, как мед, холодна, как лед, и прозрачна, как хрусталь. Вкусив ее, не узнаешь больше жажды. Разве это не наивысшее блаженство для кочевника

или купца пустыни? «Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать во век...» (Евангелие от Иоанна, III, 14). Рай рисуется правоверному в необычайно ярких и чувственных материальных красках. Почва там из лучшей пшеничной муки, насыщенной благовониями. Вместо камней и песку она усеяна жемчугом и гиацинтами. Текут ручьи молока, вина и меда по мускусным руслам в камфарных берегах. Воздух освежается фонтанами. От чудесного дерева жизни, которое называется Тобо, простирается тень на сто лет пути для быстрой лошади. Ветви отягощенные чудесными плодами, сами склоняются в руки желающего сорвать плод. Одежды обитателей рая украшены драгоценностями Сотни слуг подают самые изысканные кушанья и напитки. Последний кусок так же сладок, как и первый. В листве деревьев звенят колокольчики. Раздается райское пение. Гурии, прелестнее которых ничего нельзя представить, услаждают праведников, вечно восстанавливая свое девство. На каждого праведника положен целый гарем от 72 до 12.500 гурий — число их увеличивается сообразно степени набожности и заслуг. Да, кроме того, к услугам блаженных и их земные жены, которые после воскресения должны выполнять свои супружеские обязанности в райской обстановке.

Загробная жизнь рисуется раем богачей, имеющих слуг и свои гаремы. Вспомним приволжского мордвина, по мнению которого на том свете ездят в извоз, занимаются продолжением сельских работ и т. д. У мусульман, как и у язычников, загробная жизнь рисуется по образцу земной и еще конкретнее: по образцу стадии определенного класса, в одном случае крестьянства, в другом — купечества.

Ангелы. Шайтаны. Джинны.

В мало-разработанных примитивных языческих культах духи не образуют стройной иерархии и, собственно, нет верховного бога, а каждый бог сам себе начальник, хотя одни боги и духи посильнее, другие послабее. В мировоззрении мусульманина языческим духам соответствуют ангелы-вестники и слуги божьи, джинны и низшие духи. Ангелы и шайтаны строго организованы в подобные воинским отряды. Во время Бедрской битвы, согласно корану, Аллах послал на помощь пророку три отряда конных ангелов, которые один за другим вступили в сражение. Во главе их на коне Гайзуме примчался сам Гавриил. Более всех выделяются в небесном воинстве четыре архангела: Гавриил—ангел откровений, записывающий судьбы божьи, Михаил—поборник, руководящий битвами за веру (он и по христианскому представлению — «архистратиг», т.-е. «главнокомандующий», Азраил — ангел смерти и Израфил, которому придется трубить в день воскресенья. Некогда был славен и пятый ан-

гел — Азазил (Люцифер, Денница в библии), но он был проклят Аллахом и изгнан из рая за отказ почтить Адама. Различие природы духа и человека, по воззрению мусульман, сквозит в словах Азазила... «Мне-ли, созданному из огня, преклоняться перед существом, слепленным из глины». Представление о природе человека согласуется со взглядами библии. Духи же — порождение огненной стихии. В легенде о восхождении Магомета на семь небес говорится об ангеле мести, который правит стихией огня. Он — самый безобразный и страшный из всех ангелов. Лицо его медного цвета, из глаз сверкает молния. Он сидит на престоле, окруженном пламенем и с огненным копьем в руках. У ног его — груда раскаленных цепей. Сойди он на землю и все было бы испеплено.

Не напоминает ли нам этот образ и христианские легенды об «огненных столпах», как символе божества? Возможно, что описанное представление арабов есть отражение страха, который они издревле питали к извергающим пламенную лаву вулканам (Синай).

Мусульманское воззрение идет, как видно, из того же источника, как и слова Давидова псалма «Ты творишь ангелами своими духов, служителями твоими огонь пылающий». (Псалом 103, 4).

Изгнанный Азазил—сатана получил новое имя «Иблис», что значит «отчаяние». У него под началом низшие духи, которые разделяются на дивов и пери. Дивы—громадного роста и очень жестоки. Пери—нежные и милые создания женского рода, питающиеся одним ароматом[1].

Кроме ангелов и духов, подчиненных сатане (шайтанов), есть еще «джинны», сотворенные из огня, но человекоподобные и свободные от смерти. Джинны живут в уединенных местах пустыни. Магомет уверял, что джинны посетили его однажды, после вечерней молитвы в долине Наклах.

Древние египтяне и вавилоняне, как известно, часто представляли себе богов в зверином или птичьем образе. В еврейство и христианство некоторые эти боги перекочевали. Вспомним золотого тельца евреев, подобного египетскому Апису, или чудесных животных у престола божия, возглашающих «свят, свят, свят». Святой Христофор, изображаемый на иконах с песьей головой, есть на самом деле старый египетский бог Анубис. Мусульманство также не чуждо животных образов божества, что, несомненно, восходит к седой языческой древности, когда животные считались тоте-

[1] Слово „пери“ для обозначения духов мы находим и у различных финских народов, например, в вотяцкой или карельской мифологии. Ву-пери у вотяков то же, что „ву-мурт“—водяной. Об'яснять это „заимствованием“ попросту наивно. Можно предполагать, как это и делает Н. Я. Марр, лишь какие-то глубокие доисторические связи, вскрываемые яфетической теорией путем языковедного анализа.

мами—родоначальниками и вместе с тем племенными божествами. На первом небе Магомет увидел множество ангелов в образе людей, зверей и птиц. Имеющие образ человеческий молятся за людей, остальные—за зверей и птиц. В числе этих ангелов есть белый, как снег, петух, гребень которого доходит до второго неба. Крылья его украшены карбункулами и жемчугом. Он воспевает каждое утро хвалу аллаху и от этого звучного пения просыпаются все твари земные. Это — ангелы всех земных петухов. Голосу небесного петуха благосклонно внимает бог. Чудесная птица сложит крылья и замолчит только накануне страшного суда. Тогда замолкнут и все петухи в мире. Вспомним, что и в евангельской истории «отречения Петра» немалую роль играет «петел», священная птица, возвещающая зарю.

Рис. 21. Магомет на чудесном коне Аль-бораке.

О конях ангелов мы уже знаем. Но особенно чудесным назвать белого коня Аль-борака (молнию), на котором Магомет совершил ночное путешествие из Мекки в Иерусалим. У него было лицо человеческое, а щеки лошадиные; глаза сияли, как звезды, хвост светился словно комета, по бокам развевались орлиные крылья. Аль-борак говорил вдобавок человеческим голосом, подобно ослице Валаамовой.

Фетишизм. Камень Каабы. Культ луны и светил.

Индийские мусульмане носят в священных процессиях и изображение чудесного коня Аль-борака. Здесь мы видим прямой пережиток фетишизма.

Как другой остаток фетишизма в виде поклонения священным деревьям, надо упомянуть «крайний лотос», дерево на правой стороне невидимого престола божия. Ангелы блаженствуют под его тенью. Плоды его нежнее молока и слаще меда. Каждый лист этого дерева может прикрыть собою весь народ, населяющий Аравию. Тысячи бессмертных птиц играют в его ветвях, ангелы же садятся на его листья.

Так и марийский или чувашский бог садится на посвященную ему липу или березу.

Всем хорошо известно, что праздничным днем мусульман считается пятница. У чуваш, марийцев пятница также почитается, и даже у крещеных многие придают ей больше зна-

чения, чем воскресению. Таково влияние ислама на религии Поволжья. Но следует вдуматься, откуда у самих мусульман почитание пятницы. Оно—наследие язычества. Арабские звездопоклонники сабеяне посвящали пятницу богине Астарте (соответствует римской Венере; у римлян пятница—Veneris dies, День Венеры, отсюда французское

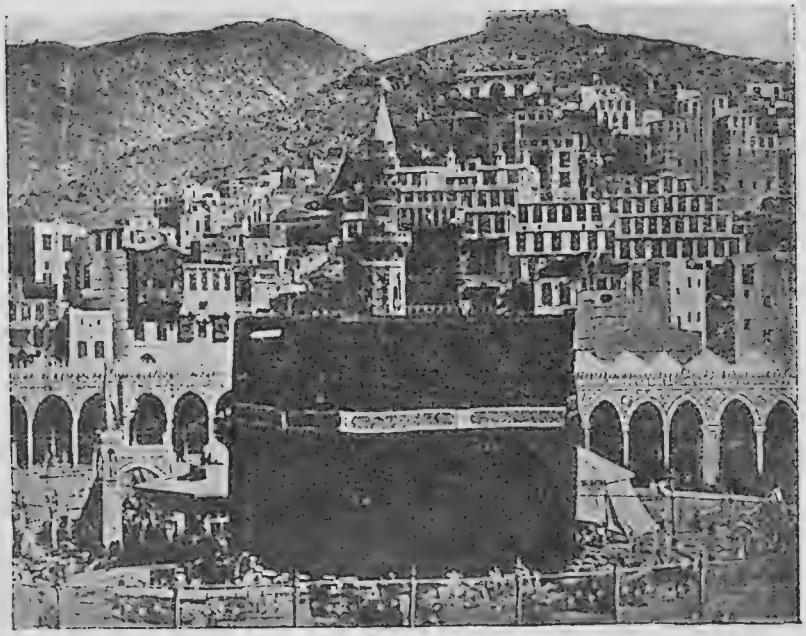

Рис. 22. Святилище Каабы в Мекке.

Vendredi). Магомет сделал уступку язычникам и провозгласил пятницу днем отдохновения мусульман. Звезда Венера, светило Астарты, вместе с полумесяцем сделались священным символом последователей пророка.

Типичным образчиком чисто-языческого фетишизма является и почитание мусульманами знаменитого камня, вделанного в угол внешней стены святилища Каабы. Он был раньше, якобы, бел и блестящ, но почернел от грешных человеческих поцелуев. Возле камня находится и священный источник Зям-Зям, который выручил однажды Авраама и Измаила во время скитаний в пустыне. Легенда гласит, что на этом месте раньше находился алтарь самого Адама. Когда сюда впоследствии попали Авраам и Измаил, то им был принесен архангелом Гавриилом священный камень.

Можно думать, что в основе этого предания лежит факт падения метеорита, обожествленного окрестными арабскими племенами. Источник же послужил средством для

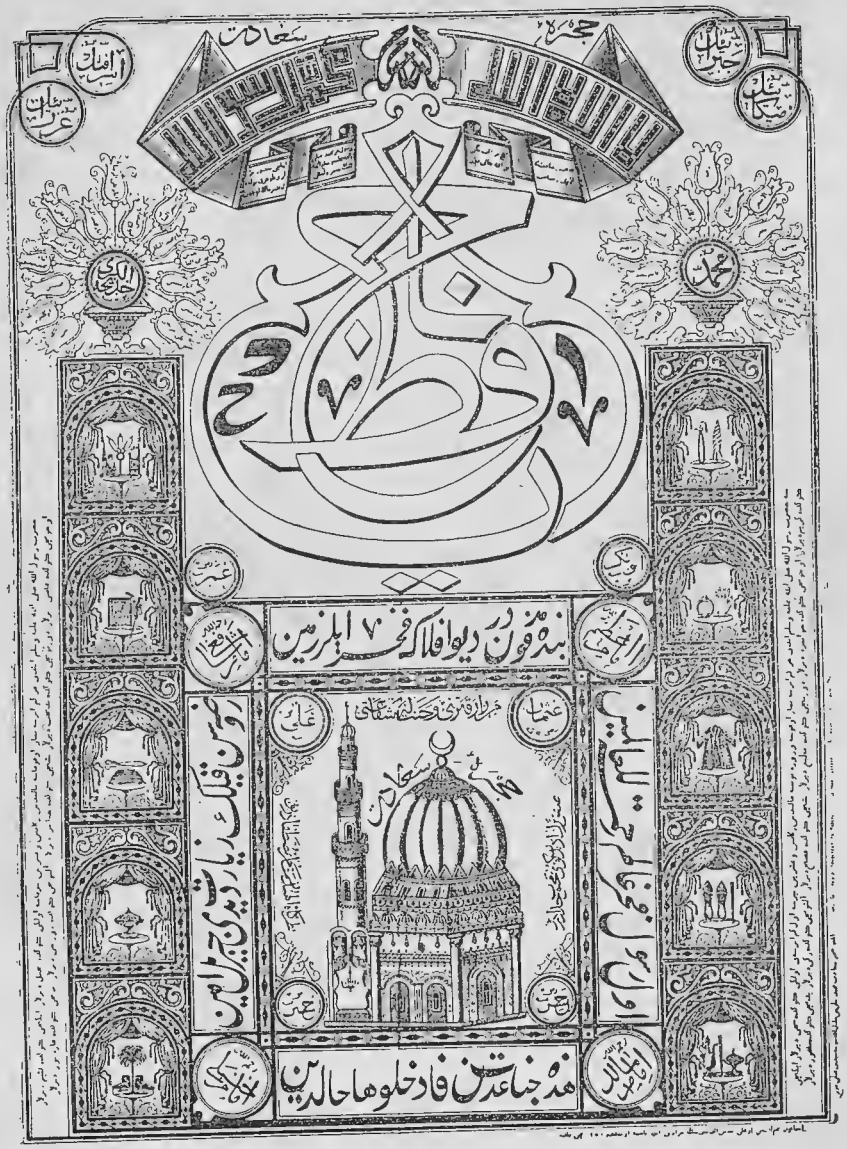

Рис. 23. Реликвии Магомета и его могила в Медине (с татарского религиозного плаката).

встречи у этого места степных кочевников. Издревле возник на этом месте алтарь небесного божества, который обходили с молитвой нагие люди. Поклонение камню и обряд хождения вокруг святилища (в особой одежде богомольца «ихрам») перешли и в ислам. Сходным образом языческие

святыни доставались по наследству и христианам. В Мекке до 317 г. мусульманской эры хранились «жезл Моисея» и «рог барана», принесенного Авраамом в жертву вместо собственного сына.

Для фетишиста дух заключен в камне. Так и по мусульманскому представлению камень Каабы при воскресении примет форму ангела и будет свидетельствовать пред богом в защиту посетивших святые места благочестивых паломников-хаджей.

Подобно тому, как христианские богомольцы набирают в бутылочки иорданской воды, и правоверные мусульмане выпивают сколько могут на месте и привозят с собою на родину в особых жестяночках воду из священного источника Каабы. Торговля этой водой приносит ежегодно громадный доход святилищу и состоящему при нем духовенству. Святая вода Зям-Зяма излечивает от всякой болезни, сказал еще Магомет. Ее можно кипятить «без конца».

Мекканские паломники привозят с собою землю и камешки с горы Гарафона, которые также служат для лечения, а кроме того кладутся в могилу с умершими.

Как любопытный образчик фетишизма, где перемешалось и древнее язычество, и христианство, и ислам надо упомянуть, что хаджи привозят с собою «волосы матери Марии»—мочалку финикового дерева («Марьям, ана чяче»), которую раздают близким людям. Эта священная мочала употребляется для шитья саванов покойникам.

Священное значение в Мекке имеют и горы, и зеленые столбы, между которыми бегают хаджи по указаниям особых наставников, руководящих неопытными богомольцами. Наиболее фанатичные раньше ослепляли себя, всматриваясь без конца в раскаленные до-бела камни. Так, религиозный культ переходит в подлинное изуверство.

«Казанские татары полагают, что хранителями их и их имущества могут быть также изображения вещей самого Мухамеда: чётки, гребень, коран, молитвенный коврик, посох, зубная ковырялка, плащ, кувшин и башмаки. Эти вещи чаще всего рисуются и выпускаются на отдельных литографированных таблицах, как и изображения разных мусульманских городов: Константинополя, Дамаска, Каира, Мекки и Медины» [1]. В разных местах мусульманского мира реликвии Магомета и его родных издавна составляли предмет благовейного почитания. Таковы «волосы Магомета», часть его бороды, лоскутья его одежды, башмаки, рубашка, копье, знамя, сосуд для вина. В одном месте 27 рамазана выносили для поклонения народу зубы Магомета, выбитые у него во время оходской битвы. В Константинополе при дворе султана существовал некогда обычай целования священного

[1] Проф. Н. Катанов. Сборник «Поволжье». Н. Новгород. 1903

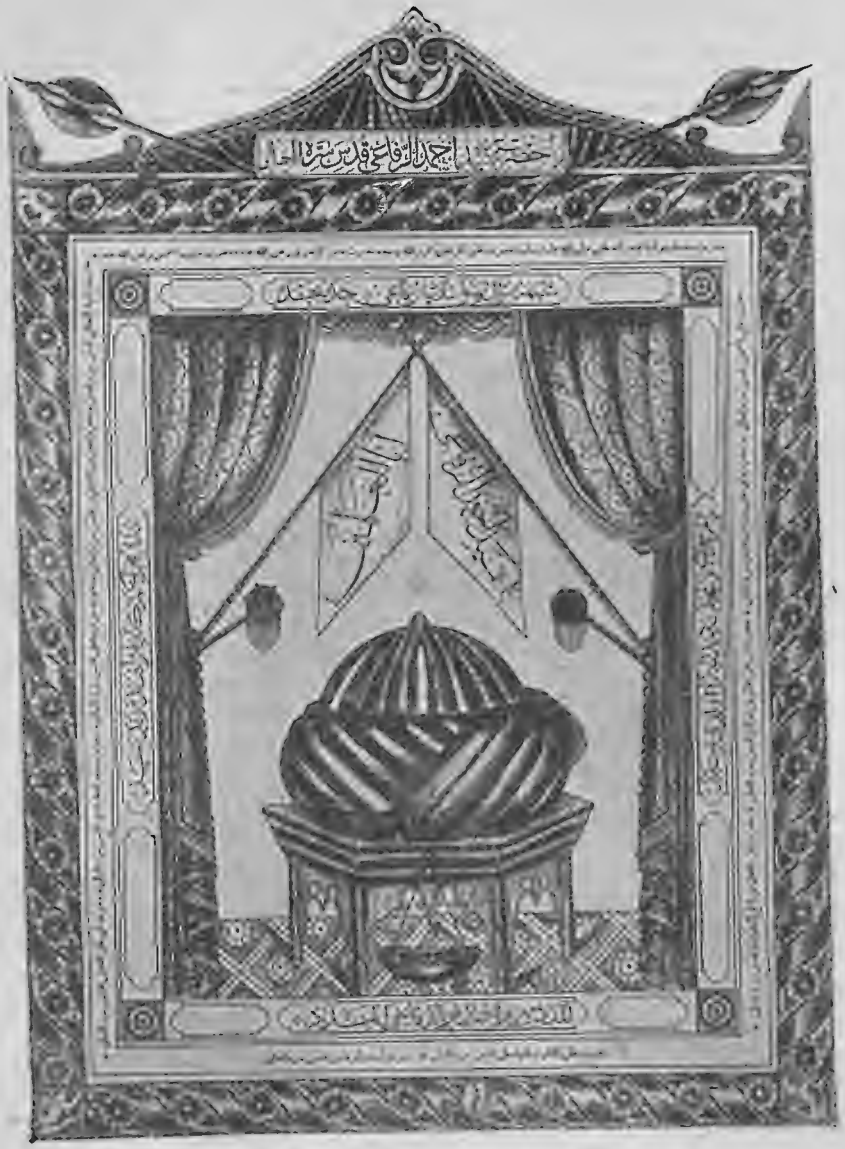

Рис. 24. Шапка Магомета (с татарского религиозного плаката).

плаща пророка, сопровождаемый раздачей св. воды. Простой же народ удовлетворялся поклонением пред грубой одеждой из верблюжьей шерсти. Если христиане чтут кое-где священные камни с «отпечатком ступни Адама» или какого-либо святого, то есть также камни и с отпечатком «ноги Магомета».

Вред, приносимый пережитками старинных суеверий многомиллионным массам исповедующих ислам народностей, ярче всего виден на примере паломничества в святые места Аравии. Богомольцы тысячами мрут там от жары, жажды, заразных болезней. В 1926 году десятки тысяч паломников унесла чума. А вот, что пишет один мусульманин из Египта, совершивший «хадж» в 1927 году. Письмо это должны прочесть все трудящиеся Татарии, в особенности те, которые еще идут на поводу у мулл. «Мы прибыли на пароход в Джедду (порт Геджаса, в 70 клм. от Мекки). Стояла невыносимая жара, доходившая до 55 градусов в тени. Толпы паломников уже заняли все жилые помещения, расположились на всех площадях и улицах. Двинулись в путь в святую Мекку. Ни одного дерева, ни одной былинки. Огненный песок жег ноги. Воздух не годен для дыхания. Он насыщен зловонием, особенно около лагерей паломников. Вода—магическое слово в этой местности. Ее здесь нет. В Геджасе нет ни одной реки. Большинство колодцев высыхает в сильную жару. Огненные, палящие лучи солнца доводят паломников до изнеможения. Несчастные задыхаются в душной атмосфере и тщетно ищут спасения в воде. Утолить жажду несметной толпы нечем. Грязный песок служит здесь для ритуала омовения и также для мытья посуды; к сожалению, он не может заменить воду. Его нельзя пить. Из Мекки я направляюсь с караваном египетских паломников к священной горе Арарат. Мы прибыли поздно вечером. Все подножие горы усеяно палатками паломников. Из-за каждого свободного места, которое, конечно, надо купить, идет настоящий бой. С раннего утра священного праздника солнце печет еще сильнее. Горе тому, кто выходит из своей палатки. Уже к полудню сотни мертвецов, пораженных солнечным ударом, устилали путь к священной горе... В этот раз Арарат стоил 2.500 жизней. Где же похоронить такую массу трупов? Правительство Геджаса об этом очень мало беспокоится. Получая огромные доходы от паломников, оно почти не обслуживает их медицинской помощью. Сами паломники должны хоронить своих собратьев по несчастью. Наконец, день кончается. Жара спадает. Как только солнце исчезает за горизонтом, мы покидаем Арарат, который оставляет у каждого из нас жуткое воспоминание и слезы о погибшем спутнике.

Мы двигаемся к долине Мока через Мяздалих, где все паломники должны совершить обряд жертвоприношения. Этот небольшой путь в несколько километров мы вынуждены итти 10—14 часов... Муттаваф (проводник)... предлагает кружку воды. — Сколько? — 80 пиастров[1], — спокойно отвечает запасливый человек. И я пью вонючую жидкость, так как не хочу умереть от жажды.

[1] На советские деньги примерно—7 р. 50 коп.

Возле мечети роют длинные рвы, в полметра глубины, куда и сваливают всех умерших. Вскоре по свежим могилам уже идут толпы паломников прославлять аллаха.

На третий день праздника мы опять вместе. Город без воды. За глоток жидкости платили пять пиастров [1]. Мы уча-

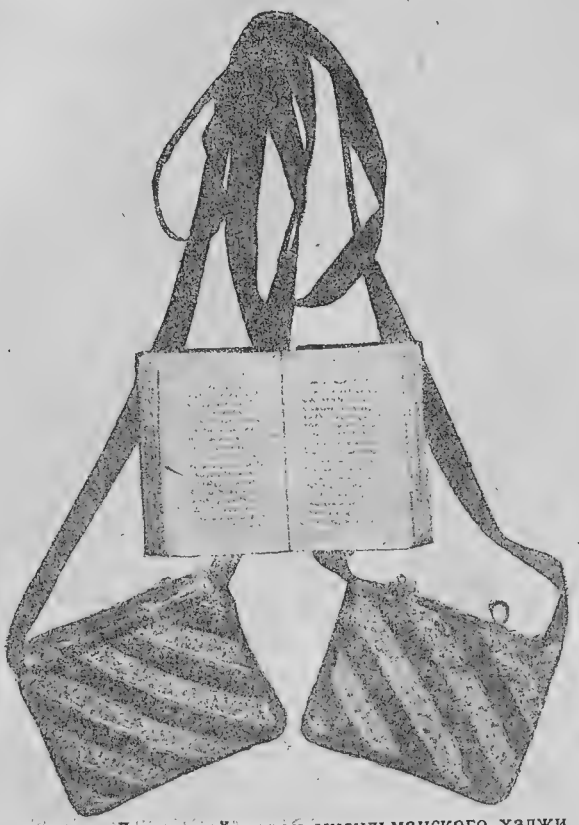

Рис. 25. Дорожный коран мусульманского хаджи.

ствуем во всех процессиях и церемониях... Сегодня об'явили об эпидемии, начавшейся среди паломников. Мы твердо решили, как можно скорее бежать из этих благословенных мест. Большинство паломников следует нашему примеру. И садясь в Джедде на пароход, хаджи говорит: «мы счастливы убраться здоровыми из этой страны ужасов» [2].

Все это написал не какой-нибудь безбожник, а верующий мусульманин. Пусть в его словах найдут урок другие, для кого еще дороги обычаи старины.

[1] Около 47 коп.

[2] См. газету «Безбожник» № 23(277) за 1928 г. «Паломничество в Мекку».

Колдовство. Магомет и шаманы.

Фетишизм неразлучно связан с колдовством. У казанских татар мы находим всевозможные амулеты и талисманы, а также зашитые в ладонку стихи из корана, молитвы. Хаджи в Мекке бросают на воздух камешки, чтобы прогнать шайтанов. Сам Магомет верил в колдовство, и особенно боялся еврейских колдунов, с которыми его разделяла упорная вражда. Историческая подоплека этой вражды заключалась, вероятно, в соперничестве арабского и еврейского купечества. Религиозная борьба была, как всегда, прикрытием политической. По мусульманским сказаниям, еврейский колдун, живший в горах, приготовил вместе со своими дочерьми маленькую восковую фигурку Магомета. Они обвили ее его волосами и воткнули в нее одиннадцать иголок. Затем они завязали на тетиве луки одиннадцать узлов, дуя на каждый узел. Этой тетивой обмотали фигурку Магомета и бросили все в колодец. Магомет стал чахнуть от непонятной, но мучительной болезни, которая не поддавалась никаким лекарствам. Архангел Гавриил в видении открыл пророку тайну его болезни. Восковую фигурку нашли, вытащили из колодца, а Магомет произнес над ней одиннадцать стихов, где просил аллаха избавить его «от опасности со стороны колдунов, завязывающих узлы и дующих на них», от злых духов и людей, занимающихся волшебством. При произнесении каждого стиха выпадали иглы и распускались узлы тетивы. Здоровье на глазах у всех возвращалось к Магомету и под конец одиннадцатого стиха он встал, полный сил, словно с него спали какие-то путы.

Перед от'ездом из Мекки хаджи стригут ногти и волосы и зарывают их затем в священную землю. Можно понимать этот обычай также как предохранительную меру против всякого колдовства.

Некоторые черты роднят самого Магомета с шаманами и древне-финскими волхвами. Сибирские шаманы бьются в припадке, когда на них «сходит дух». Некий новгородец обратился к финскому волхву. Новгородец сидел на пороге... «кудесник же лежаще оцѣпѣв, и шибе им бѣс» говорит летописное сказание. Магометом во время принятия «откровения» также овладевала сильная дрожь, он впадал в обморочное состояние, тело корчилось в судорогах, со лба струился пот даже в холодную погоду. Закрыв глаза, он лежал с пеной у рта и ревел, как молодой верблюд. Это и есть явление религиозного экстаза, в основе которого лежит нечто вроде эпилепсии. Но, конечно, было бы ненаучно и просто нелепо сводить все учение ислама к простой фантазии эпилептика. Мы отмечаем здесь только то, что Магомет, как личность, изрекал свои религиозные откровения в форме, похожей на выкликания шаманов. А содержание ислама

об'ясняется теми культурными влияниями, которые перекрещивались в тогдашней Аравии и которые коренились в ее экономическом быте.

Казанские татары унаследовали колдунов еще от доисламитского времени. Мы встречаем упоминание об этих колдунах во время взятия Казани русскими войсками, затем при «мировой язве» (чуме) в середине XVII века и по-сейчас

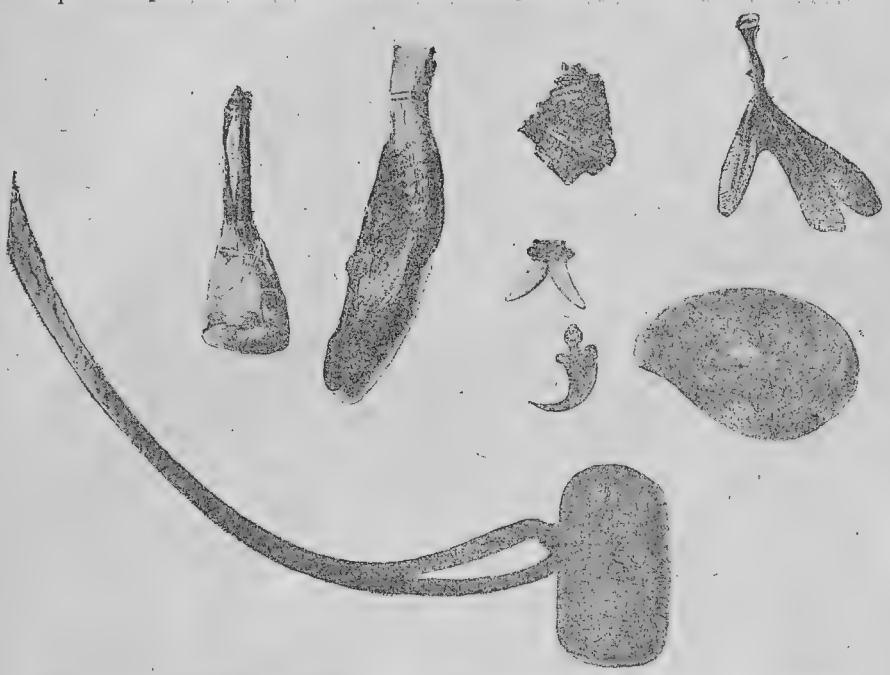

Рис. 26. Татарские амулеты (из коллекции Центрального музея АТССР). Св. земля из Мекки, корень, «кровь» Магомета (коралл), волчий зуб, медвежий коготь, лапка водяной курочки, «ухо« Магомета (раковина), ожерелье для лошади в целях защиты от лесных духов.

можно найти татарку-ворожею, которая продает «медвежий коготь». Стоит царапнуть этим когтем любимого человека, как он воспылает страстью.

В Татреспублике славится колдунья из деревни Шибарши, Спасского кантона. Она имеет своих доверенных лиц, которые заранее наводят справки о людях, обращающихся за советом. Колдунья никогда не принимает приезжающих в день приезда, а всегда на следующий день и начинает разговор сама, указывая: «ты вот за тем-то приехала». Немудрено, что она слывет «прозорливой». К колдунье в деревне Бесок, Кайбицкого района ходят и чуваши и русские. В Буинском кантоне чуваши во время пожара приглашают старого муллу и верят, что «колдун чужой веры» может остановить огонь. «Как приехал мулла—огонь сразу и потух», пе-

редают о таких случаях легенды, сложившиеся в давние времена. А вот современный факт из села Чебакса, говорящий о том, каким авторитетом пользуются татарские колдуны даже среди русских. Один крестьянин среднего достатка желал во что бы то ни стало привести «счастье» в свой дом. Нашелся коновал, татарин, «лошадиный поп», который сказал ему, что знает этот секрет. «Нужно только много богу молиться,—греха у вас ой-ой, как много». Татарин назвал нескольких святых, которым и приказал немедленно молиться. Хозяин дома, старуха и сын, женатый, бывший красноармеец, бросились на колени и стали отбивать поклоны. А коновал, вынув из-за пазухи какую-то книжицу, громко вычитывал на татарском языке, не прекращая в то-же время понукать: «молись шибче, не переставай». Помучив свои жертвы, «лошадиный поп» приказал им встать, взял с божницы первую икону и повел всех на двор. Обойдя с заклинаниями все углы двора, сараи и конюшню, процессия вернулась в дом, где опять повторилось коленопреклонение. В заключение колдун велел принести подкову, встать на нее всем правой ногой, потом взять в руки и, образовав цепь, кружиться. После этого он прибил подкову к воротам, получил червонец в награду и ушел, пожелав хозяевам счастья.

У буддистов ламаитов труд произнесения молитв «механизирован» до крайности. Молитвы начертаны на длинных бумажных свитках, намотанных на особые барабаны. Повернет лама или молящийся монгол катушку—каждый оборот будет означать одну молитву.

Механическое отношение к молитве есть и в исламе.

Магомет в беседе с богом во время своего восхождения на небо торговался из-за числа ежедневных молитв, как истинный купец, пока Аллах не уступил, и вместо 50 ежедневных молитв согласился, чтобы правоверные ежедневно воссылали лишь пять молитв, но каждая должна стоить десяти. Моисей, еще более Магомета торговый человек, посоветовал пророку вновь вернуться к Аллаху и просить еще скидки, но тому стало уже неловко.

Среди казанских татар очень распространена торговля отдельными главами корана и религиозными брошюрками, чтение которых приносит неисчислимые блага правоверным. «Кто прочитал 1-ую главу, не будучи в состоянии читать весь коран, тот все равно, что прочитал его с начала до конца или подал милостыню всем мусульманам; 36-ую главу читают по покойнике, она же помогает против всяких бед земных и загробных и, между прочим, против полового бессилия и других недугов» [1]. Чтение книжечки «Нур-Наме», где повествуется о божественном свете, из которого создан

[1] Н. Катанов. Сборник «Поволжье». Н. Новгород. 1903.

Магомет, ангелы, святые и все стихии, обещает содействие на небе 70.000 ангелов, а на земле избавление от долгов и кредиторов, спасение от жестоких людей и злых чертей, так же от укусов змеи и скорпиона.

Молитву Дуа-и-риджалю-ль-гайб, обращенную к 360 невидимым мужам, которые размещены по всем четырем странам света, надо переписать на бумажку смесью розовой воды и шафрана; она возвращает молодость старым девам и дает красивое лицо. Подобно папским отпущениям грехов у католиков (индульгенциям), эта молитва избавляет от грехов, при чем она обладает большей силой, чем даже стихи корана — так, например, она освобождает умерших от грехов, совершенных за 20 лет.

Есть еще брошюра с 1.001 именем божиим, доставленная Магомету с неба архангелом Гавриилом в то время, когда Магомет молился в Мединской мечети. «Свойств у нее столь много, что их не перечислить ни людям, ни ангелам, если бы даже все моря стали чернилами, а все деревья перьями: она помогает на земле и на небе, видимым образом и невидимым. Вот некоторые полезные свойства ее: она избавляет от болезней, умножает средства к существованию, благополучно доставляет на родину, спасает от оружия, приобретает владельцу почет, хранит от врагов и чертей, облегчает трудные роды, перелагает гнев царя и начальства на милость, застраховывает от пожара и кредиторов и т. д., и т. д., исцеляет читателя также от всех болезней: головы, глаз, плеч, крови, зубов и пр., спасает хлеб от саранчи, восстановляет супружескую любовь и прибавляет силу». Наконец, брошюра Мюгр-и-шериф с изображением священной печати с именем Аллаха, Магомета и четырех халифов, также содействует избавлению от грехов за 70 лет сразу. Кто носит эту печать всегда с собою—равносильно, как если бы он дал свободу 70 рабам, или 70 раз прочитал весь коран, или 70 раз сходил в Мекку на богомолье. «Женщина, желающая родить ребенка, должна пить воду, в которой разведена эта печать» [1]).

Кровавые жертвы. Чудеса Магомета.

Кровавые жертвы, составлявшие неизменную принадлежность языческих культов и столь хорошо знакомые нам по религиям чуваш и приволжских финнов, не изжиты и в исламе. Арабские скотоводы-кочевники приносили кровавые жертвы своим богам. Ислам воспринял этот обычай, но придал ему другой смысл. В праздник жертв, Курбан Байрам, правоверные режут скот для того, чтобы облегчить себе переход через адский мост. Коза, овца перевезут по одному человеку, а корова и верблюд—по семи. Жертвы приносятся и в Каабе хаджами во время паломничества. В былое время

1 Катанов. Там же.

в Мекке резали до миллиона голов жертвенного скота. Дорогой обычай жертвоприношений вымер бы с годами, если бы не корыстные интересы мулл, которым достается не только даровое угощение, но и шкуры всего убитого скота. Обычай приносить в жертву животных мусульмане основывают на известном рассказе об Аврааме, только вместо библейского Исаака выступает Измаил, считавшийся предком кочевых бедуинов.

Запрещение правоверным кушать свиное мясо есть остаток древнего «табу», языческих запретов, связанных с вредностью употребления свиного мяса в жарком климате. Равным образом говорит об этом и мучительный мусульманский пост «ураза» в месяц «рамазан». В этом месяце, якобы, был дан Магомету коран в божественных откровениях. Но происхождение поста, несомненно, древнеязыческое. Принятие пищи только ночью, окончание поста с новолунием свидетельствуют о возникновении уразы в те времена, когда луна была важнейшим божеством арабов и культовые обряды и пиршества в ее честь совершались по ночам.

Магометанские представления содержат и рассказы о всевозможных чудесах. По корану, Иисус действительно исцелял слепых и прокаженных, воскрешал мертвых. Он, якобы, делал птиц из глины и, вдохнув в них жизнь, заставлял летать. Магомет, как более великий пророк, с точки зрения мусульман, совершал еще большие чудеса. Первое чудо его—сам коран. Но через Магомета являлись и другие знамения Аллаха. При рождении пророка всколыхнулись небо и земля, высохло озеро Саба, на реке Тигре произошло наводнение. Мать Магомета не испытала никаких болей при рождении ребенка. Идолы всего мира упали на землю. Злые духи были свергнуты чистыми ангелами. Легенда эта, как видим, напоминает и христианские и буддийские сказания о божественных проповедниках. Десятимесячный Магомет мог стрелять из лука и проявлял необычайную мудрость. В походе Магомет сумел источить воду не из скалы, как Моисей, а... из собственных пальцев.

Перед князем корейшитов Хабибом мудрым Магомет исцелил его слепую и глухонемую дочь, покрыл полуденное небо мглою и заставил луну блуждать по небу и остановиться над святилищем Каабы. Подражая богомольцам, луна, отделившаяся от неба, семь раз обошла вокруг Каабы, затем приветствовала Магомета и остановилась перед ним подобно мечу. Не довольствуясь этим, Магомет заставил послушное светило войти в правый рукав своей одежды и выйти в левый, затем разделиться на две части, из которых одна направилась к востоку, а другая к западу. После этого обе половины вновь соединились на небосводе и луна засияла прежним блеском.

Если Иисус христиан, окончив свое земное служение, возносится на небо, то Магомет сумел побывать на всех семи небесах еще при своей жизни. Путешествие это наполнено множеством самых фантастических подробностей.

Бог сидит за семьюдесятью занавесами, но Магомет сумел к нему проникнуть. Число 7 (по числу семи планет, известных древнему миру) и кратное от него 70 необычайно часто повторяется в арабских легендах—корень их опять-таки в табличных вычислениях вавилонских звездочетов.

В еврейской легенде о даровании законодательства на горе Синае говорится, что бог изрек свои законы одновременно на 70-ти языках. Семьдесят или семьдесят семь вер, якобы, существуют на земле—это исчисление перешло и к чувашам, мари, вотякам.

Множество чудес, походящих на те, о которых мы читаем в откровении Иоанна, должно совершиться на земле и накануне страшного суда. Солнце начнет восходить с запада, свод небесный исчезнет, луна и звезды падут в море, океаны пересохнут. Словом, об астрономии, геологии и физике представления последователей Магомета не менее дики и нелепы, чем у христиан. А вместе и те и другие ничем не могут кичиться перед «язычниками»

Святые ислама. Ишанизм.

Магометане, живущие в Татреспублике и других приволжских местах, имеют, подобно христианам, своих местночтимых святых. Укажем здесь наиболее посещаемые гробницы «святых». В самой Казани у озера Кабан находится могила угодника Авлия уллы. Такова же «Билярская гора», «Шагри Булгар» — с развалинами зданий древней столицы болгарского царства, гробница святого Темир-Шейха при деревне Темиршик, Мамадышского кантона. Возле гробницы находится священный ключ. По преданию татар, и под башней Сююнбеки в Казанском Кремле похоронен мусульманский святой, из черепа которого бьет священный ключ. В дер. Терберды-Чалли Лаишевского р. находится могила св. Идриса, сына Зуль Мухаммедова. Близ дер. Никитской Чистопольского кантона стоит каменный памятник со звездой и надписью, заключенный в четыреугольный деревянный сруб. Здесь находится могила хаджи Ахрара, ученика Нуреддина из Бухары. Есть и еще кое-где «св. могилы» мусульман в пределах Татреспублики.

Магометане деревни Гордино, Балезинской волости (Вотобласти) чтут песчаниковый камень с надписью, что тут похоронен Дземирхан, житель города Булгар. Камень этот находился в разбитом виде у одного вотяка. Но магометане соединили разбитые куски и водрузили камень у ключа над горой близ мечети. Для поклонения созданной

таким образом святыне и взятия воды из ключа приходят из далеких мест, например, из Слободского уезда [1].

Глинобитные гробницы «святых» Тукли-баба и Шейха-Замана расположены вблизи Астрахани. Обычно раз в год гробницы посещаются богомольцами, при чем приносятся в жертву куры, бараны. Тут же устраиваются торговые балаганы. Постоянно присутствуют паломники из более отдаленных мест. В полуверсте от деревни Машаиково, где находятся могилы, протекает река Балды или «медовая». Она называется так потому, что святой Авлия посылал из Бухары прямо по воде кадушку меда для Шейха-Замана. Чем это хуже рассказа о Трифоне вятском, который заставил плыть по воде мельничный жернов? Суевериям мусульманским и христианским—одна цена.

Святой Тукли-баба (мохнатый дед) называется так потому, что тело его чудесно обросло защитительной шерстью, когда враги бросили его в огонь.

В священные источники татары бросают серебряные деньги. То же делают и чуваши и русские.

Святым, которого особенно чтут торговцы и попавшие под суд, является бухарский хаджа Авлия Богаутдин. Уезжающие куда-нибудь жертвуют духовенству деньги и тем обеспечивают себе заступничество святого в молитвах.

«Святые» не перестают переводиться среди татар, подобно «старцам» и прозорливым у православных. У мусульман есть свои Иваны Кронштадтские и свои Григории Распутины. «Ишаны» [2] живые святые, окружают себя «мюридами», послушными как рабы—учениками, из которых потом воспитываются будущие «ишаны». Святые лечат от разных болезней, чаще всего — женщин от бесплодия, отчитывают, видят пророческие сны. В Туркестане, в каждом городе есть по меньшей мере один ишан. Некоторые из них очень знамениты. «Зикры» женщин под руководством жен ишана очень напоминают «радения» русских «хлыстов» или прыжки и раскачивания «квакеров» и др. сходных сект. Того же типа и мистические раскачивания еврейских «хасидов». В Татреспублике ишан имеется в самой Казани. Мюриды его вербуются из кулаков и городских торговцев. Мулла Али Аскар ишанствует в деревне Темиршик, о которой мы уже упоминали. Есть очень влиятельный ишан и в Бугульминском кантоне.

Ишаны очень сильно наживаются от безграмотной массы, особенно от крестьян. Забавную историю рассказывает один татарский писатель об ишане из Коканда, к которому обращались бездетные женщины. Он заставлял их ночевать в

[1] См. «Вотяки». Книга I. Центральное Издательство Народов СССР. М. 1926. Стр. 77.

[2] «Ишан»—персидское слово и значит «они». Это простое выражение почтения.

своем доме и ожидать пришествия ангела божия, который будет целовать их и спать с ними... в образе ишана. Конечно, ангел умел выбирать самых красивых женщин.

В 1905—6 г. саратовский купец Магди Музануч провозгласил себя пророком и получил от Аллаха откровения через свою старшую жену. Каждое утро он диктовал своему секретарю и тот составлял дневник разговора с Аллахом. Эта история продолжалась до тех пор, пока секретарь не соблазнил дочери «пророка» и они оба не убежали.

Умерла в Казани одна девица... от зубной боли. Ходили слухи, что она святая. И вот, верующие, страдая зубной болью, стали посещать для молитвы двор того дома, где она жила—на Большой Мещанской улице.

Мы подошли к концу своей задачи. «Язычество» оказывается, основой и самого ислама. Если мусульмане не имеют идолов, то у них есть другие остатки фетишизма. Представления о душе, о загробной жизни, о злых духах и добрых духах, пережитки кровавых жертв, вера в чудеса, вера в святых—все это мы находим и у мусульман. Перед судом науки все современные религии являются остатками былых суеверий. Ислам, несмотря на все попытки обновить его, обречен на слом так же, как старое поволжское язычество. Очередь за «язычеством» православным, к которому мы сейчас и переходим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО».

Христианство и „язычество“ на Руси. Священные рощи и деревья. Жертвоприношения и святые. — Почитание священных источников. Магическое значение „святой“ воды.—Стихийные силы природы и православные святые. — Православное „идолопоклонство“. О „двоеверии“ у народов Волжско-Камского края.

Христианство и «язычество» на Руси. Священные рощи и деревья. Жертвоприношения и святые.

Христианство на Руси первоначально распространялось лишь в городах, среди знати, князей и бояр. Прошли века, прежде чем православие утвердилось в деревне. Оно смешалось с остатками старой славянской веры, и, поэтому, в религиозных обычаях русских много пережитков старого до-христианского язычества. Но и пришедшее из Византии на Русь православие также отличалось многими суевериями, иногда более сложными и запутанными, но такими же вздорными и нелепыми с точки зрения науки, как и те, которые духовенство с презрением назвало «языческими». Мы видели, что с «язычеством», равно, как с исламом православные священники и монахи вели жестокую борьбу. Рассмотрим поглубже, чему могли научиться от проповедников веры христовой—«нечестивые» татары, марийцы, чуваши и другие народы Волжско-Камского края.

Прежде всего, бросается в глаза, что для «истинно-православных» людей как в XVI—XVII веке, так и вплоть до XX столетия духи и божества «языческие» отнюдь не казались несуществующими. Их только об'являли дьяволами, злыми духами и злыми божествами. Также вполне серьезно монахи и попы верили в колдовство языческих жрецов или татарских ворожей. Очень хорошо выразил общий взгляд христианства на всякую магию и сношения с духами автор известного труда о сев.-америк. индейцах, иезуит Лафито

в 1724 г. «Сомневаться в истинности волшебства свойственно безбожникам; это сомнение есть результат антирелигиозного направления, распространившегося в наше время повсеместно. Оно уничтожило даже среди людей, считающих себя благочестивыми, убеждения, что существуют люди, имеющие сношения с демонами посредством чар и магии». Приведем несколько русских примеров.

В «Житии Трифона Вятского» (умер в 1612 г.) читаем о зырянах: «Обычай бяше нечестивымъ... идольскія жертвы творяще под древомъ... и врагъ дьяволъ... вселися ту и обладаше тѣм древомъ и аще кто изъ христианъ... древу тому не смѣется или что отъ приношенія ихъ нечестивого возьметъ или того древа ветвь уломитъ, таковымъ много пагуба бывша, иніи же смертію умираху».

Автор жития православного святого приписывает такую же силу духу, обитающему в дереве, как и зырянин, который приходит туда с лепешками и ленточками. Недалеко ушел отсюда и монах-миссионер сороковых годов XIX века. Архимандрит Самуил приехал в село Владимирское Козьмодемьянского уезда, населенное марийцами. Приезжих положили спать во вновь отстроенном доме. «Дело было вечером,—рассказывает Нурминский, автор статьи «Инородческие приходы» [1].—«Мне, не видавшему доселе монахов, интересно было посмотреть на гостей. Увидев меня в комнате, миссионеры (их было двое) страшно перепугались, они приняли меня за кикимору». Что же говорить о широких массах русского народа, особенно в тех местах, где славяне близко соприкоснулись с финнами? Что же говорить о временах, более ранних? Архиепископ новогородский Макарий сообщает Ивану IV, что во многих русских местах еще до сего времени держатся обычаи предков: «кланяются и молятся лесу и камню, рекам и болотам, источникам и озерам, короче говоря — всякой твари кланяются, как богу, чтут и жертвы приносят кровные бесам — волов, овец, всякий скот и птицу». В бывшем Череповецком уезде, Новгородской губернии, еще в середине 90-х годов сохранялись заповедные священные рощи и отдельные священные деревья среди обрусевшей «чуди». В этих рощах были настроены часовенки. Православие как бы изгоняло старых обитателей — духов и делало эти рощи обиталищем того или иного святого [2].

Следы почитания священных деревьев обнаруживаются и в таких фактах. В церкви села Шешмы есть икона «Страстной божией матери». Она была принесена в начале XIX века из Тамбовской губернии одним солдатом. Жена его «исцели-

[1] Православное Обозрение. 1863 г. Цит. у Можаровского. Изложение хода миссионерского дела. Стр. 197-198.

[2] Этнографическое Обозрение. кн. XXVII, 1895. № 4. М. К. Герасимов. Некоторые обычаи и верования крестьян Череповского уезда, Новгородской губернии. Стр. 124-125.

лась» от болезни и по указанию ее, икона была поставлена на вязе при часовне у ключа. Отсюда уже икона была перенесена в храм [1].

Следует отметить всеобщий обычай воздвигать христианские храмы и монастыри на месте прежних языческих мольбищ. Так возникли, например, Киево-Печерская лавра, а если взять Волжско-Камский край, то Седьмиозерная пустынь близ Казани, Кизический монастырь, Елабужский монастырь, в XIX веке черемисский Михаило-Архангельский монастырь.

«В церкви села Бальдигина чтятся иконы скорбящей божией матери и св. Николая, бывшие сначала в часовне, выстроенной на поле, в 2½ верстах от села, на месте древних вязовых деревьев, под которыми молились чуваши. Впоследствии иконы из часовни принесли в храм, а часовню сломали» [2]. Богородица «явилась» в часовне города Царевококшайска вдове Иустинии и указала на сухой вяз со словами—«Здесь любимое мое место» [3].

Издревле чтимое место, где находилась священная роща, источник, озеро было средоточием для посещения богомольцев. Здесь всего выгоднее было «обрести явленную икону» или крест, здесь всего легче было использовать в интересах православия вековую популярность языческой святыни. Особенно характерным является пример Кизического монастыря. Храм, построенный в 1688 г., находится на том месте, где приносились языческие жертвы для избавления от лихорадки, малярии—бича Поволжья. «Кизические мученики почитаются подающими исцеление от лихорадки, потому жители обращаются к ним за помощью» [4]. «Мученики» вытеснили духов избавителей от «трясавицы». Значит, на деле почитали тех же духов избавителей, но под другим именем. Кому же какое дело было в XVII столетия до самих-то кизических «мучеников»? Шли в монастырскую рощу молиться об исцелении от лихорадки.

На святых русские перенесли черты тех божеств, которые раньше подавали дождь, плодородие, исцеляли от болезней. Вместо того, чтобы приносить жертвы Перуну-громовнику или Волосу — богу скота и богатства, стали приносить их Петру, Илье, Егорию, Николе, Власию. Отсюда повелась и поговорка, что «На петров день — и барашка в лоб». В деревне Большой Золотарской Селезневской волости Вятской губернии и уезда ежегодно справлялись 20-го июня молебствия пророку Илье. За неделю до праздника верующие постились, а в день молебствия резали овец, баранов и другой

[1] Н. А. Спасский. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Казань. 1913. Стр. 293.
[2] Спасский. Стр. 294.
[3] О начале Мироносицкой пустыни. Казань. 1850. Стр. 15.
[4] Спасский. Родиноведение. Стр. 290.

скот и лучшую часть мяса — грудинку, приносили в жертву святому Илье. (К 1926 г. этот обычай исчез. См. «Безбожник» № 44 от 14/XI за 1926 г.). В селе Верховье (или Верховине) Орловского уезда находится древняя икона «преображения», известная под именем «спаса колотого». По преданию, марийцы некогда захватили эту икону и раскололи ее. Но в наказание они были поражены слепотой и бросили доски в реку Великую. Русские, как и полагается, перебили марийцев во славу божию! Части же иконы, плывя по воде, сами собою соединились. На местные праздники преображения, рождества и на первое воскресенье после покрова в Верховье собирается много богомольцев. При этом «спасу колотому» привозят так называемую «молебную скотину», т.-е. зарезанную по обещанию. «Мяса привозят столь много, что среди вятского духовенства (мясо идет в пользу духовных) сложилась даже поговорка: «кабы великорецкие деньги, в е р х о в с к о е м я с о, подрельские покосы, да чудиновский хлеб, и умирать бы не надо»[1]. Православный священник вполне заменил здесь жреца, который раньше получал долю жертвенного мяса.

Такого же происхождения и обычай приносить скот 23 июня в Мироносицкую пустынь, в городе Краснококшайске; (теперь Иошкар-ола — Красный город). Туда собиралось до 3.000 богомольцев, привозящих до 300 штук скота в дар монастырю.

Насколько христианские «просветители» края по части суеверий стояли фактически на одной доске с «жалкими творениями», как называл марийцев архиепископ казанский Филарет, показывает его собственное письмо «сотоварищу» его и «соседу» — преосвященному вятскому Кириллу. Вот что Филарет пишет в 1829 г.

«Беседа матери нашей церкви с сими малоумными чадами посредством священных наружных обрядов по опыту оказывается самой действительной и кажется иначе быть не может. Я поручил священникам так действовать, чтобы вместо их суеверных жертвоприношений стараться всевозможно приучать их к святым... церкви нашея обрядам, и даже так, чтоб не изменять, где можно ни времени, ни места для священнослужений. Например, они при начале сеяния приносят жертвы, почему же и священнику не отслужить молебна со святыми иконами на открытом поле[2]. Приведем рассказ о крещении марийки-язычницы Эбичи. Крестилась она в троицын день, в озере, в лесу, при множестве народа. Обративший ее в христианство мариец же Алехин писал в восторге: «Дивный был пенек, вместо налоя служил. Дивное было лесное озеро, вместо золотой купели служило.

[1] Д. Зеленин. Кама и Вятка. Юрьев. 1904. Стр. 121—122.
[2] Цит. у Можаровского. Стр. 183.

Дивно было зреть: вместо блестящей церкви для иконы св. троицы служил густой лес. Дерева служили вместо золотых подсвечников. Дивно было слушать, с причтом дикие птицы воспевали, кто бог велий, яко бог наш, ты еси бог, творяй чудеса и неверных обращаешь к себе [1]. В том же отчете братства упоминается сын языческого марийского жреца Эпанай, «игравший прежде на гуслях хвалы языческим богам, а теперь на тех же гуслях воздающий хвалу богу истинному».

Так «язычество» православное вытесняло «язычество» народов Поволжья.

Почитание священных источников. Магическое значение «святой воды».

Для многих народов является общим верование, что молитва духу, обитающему в священном источнике, может способствовать дождю. Примеры эти мы видим в народных религиях Волжско-Камского края. Водяные божества чтились у славян под названием «берегынь». Жертвы им делались более обильные, чем, например, домовым духам. Водяному приносили в жертву коня—этот обычай сохранялся до очень поздних времен. В «Беседе Григория Богослова о бедствии града», где сделано много вставок рукой русского переписчика, говорится о соблюдении языческих обрядов: «овъ трѣбоу сътвори на стоуденую, дъжда искы от него», т.-е. иной приносит жертву у источника, ища дождя через него. В житии св. Михаила Клопского, чтимого в Новгороде, говорится: «И посемъ бывшу бездождію в великомъ Новѣградѣ и во окрестныхъ мѣстѣхъ три лѣта: не токмо же источникомъ, но и рѣкамъ изсякнути от бездождія. И абіе помолися святый и потрясеся мѣсто и соиде источник воды неисчерпаемыя даже и доднесь. И все приходящіи людіе пріимаху отъ него воду на потребу себѣ» [2].

Едва была взята Казань, как русское духовенство обошло обагренные кровью улицы, окропляя стены города святой водою. Это было такое же магическое действо, как и те заклинания, при помощи которых татарские колдуны «насылали» дождь и ветер на русские войска во время осады [3].

В пределах бывшей Казанской епархии можно указать 10 наиболее известных «святых» источников. Назовем источник близ села Пановки б. Казанского у. Здесь «найдена «в топи» слепой девушкой, затем якобы прозревшей, икона

[1] Из отчета братства св. Гурия за 2-ой год существования. 1868-1869.

[2] Приведено у Аничкова. «Язычество и древняя Русь». СПБ. Стр. 294.

[3] «На войско христианское чары творили и великую плювию наводили», Сказания кн. Курбского. Спб. 1842. История Иоанна, гл. II. Стр. 27. Чары были разрушены лишь тогда, когда с'ездили в Москву за крестом с частицею «древа спасенного» и «по обычаю церковному освятиша им воды».

Николая Чудотворца. В пяти верстах от г. Мамадыша находится местность, называемая «святой чащей», где также на ключе в XVIII веке «найдена» икона святого Николая. При ключе же «явилась» икона божией матери в деревне Верхних Девлезерях бывшего Лаишевского уезда, а также и Билярская икона. Крестный ход на ключ бывает в селе Богородском — здесь в расщелине горы (намек на культовое значение горных возвышенностей) была «найдена» в начале XIX века «чудотворная» икона Иоанна Предтечи. У ключа же на дереве «явилась» в XVIII в. крестьянину деревни Кузнецовой Андрею и «черемисину-язычнику Антуганке» икона жен-мироносиц, признанная в 1647 г. чудотворной. На месте «явления» и был устроен монастырь. В 12 верстах от Елабуги находится «святой ключ», служивший местом поклонения, как для православных, так и для магометан [1]. Очень прозрачно и почитание в церкви пригорода Билярска иконы «живоносного источника божией матери» под именем «источницы». Этот вид икон идет еще из Византии. Богородица изображена по пояс в огромной чаще.

Билярский источник служит предметом почитания не только для русских, но и для чуваш и татар. Чуваши связывают имя его с каким-то старым племенным божеством «Валим Хузя» и приносят многочисленные жертвы по обету. Татары также приносят жертвы на этом месте, при чем обязанности жрецов исполняют «добровольцы», обматывая голову чалмой на подобие муллы. Наглядный образец смешения культов.

«Дождевою» слывет в народе икона святого Германа, находящаяся в Свияжском Успенском монастыре. «Принесение ее и молитва на полях во время бездождия сопровождается ниспосланием дождя» [1]. Известную роль в этом культе сыграло по всей вероятности, созвучие слов «Герман» и «гром».

Чувашский священник Григорий Филиппов приводит разговор крещеных и язычников в деревне Старо-Почаевой Бичуринского прихода в 1890 г. во время бездождия:

«Православные (меньшинство): Вы делаете «чюк», что же дождь не идет?».

«Язычники (большинство): А берете из церкви иконы, почему не дает бог дождя?».

Русские, живущие среди вотяков, заявляют иногда:

«Вотское моление сильнее православного молебна».

В Орловском уезде Вятской губернии около села Камешницы находится так называемая шумиха, т.-е. почитаемая в народе мельница. «На шумихе» в девятую пятницу

[1] Зеленин. Стр. 49. Теперь в бывшем имении Стахеевых находится советское хозяйство и всякое хождение на богомолье к «святому ключу» прекратилось.

[2] Спасский. Стр. 294.

после пасхи бывает много народу. «Ходят «очи править», т.-е. лечить глаза, промывая их в воде у мельницы; чтобы не болела голова, бросают в мельничный омут свои головные уборы». Подобные шумихи, по словам Д. К. Зеленина (Кама и Вятка, стр. 151) имеются в селе Мудрове, Слободского уезда и селе Шварихе Нолинского. Конечно, тут не мельница почитается, а водяной дух, которому издревле поклонялись здешние финские племена.

Водосвятие на крещение есть также пережиток древнего культа вод. В селе Новоспасском Левашевской волости Спасского кантона ежегодно рубят крест изо льда. Человек 30-40,, ежегодно, в течение нескольких дней морозят себе руки и ноги, заготовляя прорубь. То же найдем почти в каждом приходе. После освящения воды, давя друг друга, наливают целебную воду в бутылки. А вот современная картина у крещенской проруби в Бугульме. Поп, отслужив молебен, ушел домой. Старики, старухи лезут к проруби. Кто промывает больные глаза, кто купает шелудивого поросенка. А тут же крестьянка льет воду со льдом в рот больному ребенку.

Стихийные силы природы и православные святые.

Православный бог и его святые, подобно языческим богам, распоряжаются громом и молнией и другими стихийными силами. На месте ворот Седьмиозерной пустыни находился, по преданию, священный дуб, под которым совершались жертвоприношения марийцев. «Бог восхотел прославить это место чудом: однажды во время обычного языческого жертвоприношения, удар молнии сокрушил и до основания испепелил священный черемисский дуб, заставив язычников в ужасе разбежаться по домам. С той поры языческие требы Семи Озер прекратились» [1]. В селе Карланге есть старинная икона Николая Чудотворца, оставшаяся по преданию невредимою на том самом месте, где стояла в храме, в то время как самую церковь смерч поднял с земли и разбросал в разные стороны. Попы ловко выкрутились из трудного положения, — ведь разрушение церкви «язычники» могли истолковать именно, как гнев богов. А удалось все-таки истолковать и бурю в пользу православия.

Когда в 1654 году икону Смоленской божией матери хотели раньше времени унести обратно в Седьмиозерную пустынь, дважды поднималась... снежная буря. Чем это лучше чувашского представления, что в середине вихревого столба сидит шайтан?

В селе Пановке, являющемся и сейчас одним из очагов религиозного мракобесия, находится икона Казанской божией матери, принесенная в дар помещиком Угрюмовым. Икона была с ним на море и «спасла» их корабль во время

[1] Спутник по Казани. Под редакцией проф. Н. Загоскина. Казань. 1895. Стр. 235-236.

бури. Угрюмов по обету выстроил храм и поставил туда икону. Икона Николая приплыла, по преданию, в Чебоксары... на камне. «Чудотворная» Тихвинская икона божией матери в Тихвинской церкви в Казани, возле Сенного базара, прославилась, якобы, даже и среди татар «после видения ими образа богоматери на воздусех во время пожара в 1859 г. в татарской части города, вблизи церкви, когда пожар после видения св. образа над храмом прекратился» [1].

Инок Евфимий в первую же ночь пребывания своего у Семи Озер, где впоследствии возник монастырь, увидел во сне «огненный столп», восходивший от земли к небу. В этом он и усмотрел «знамение перста божия».

При «явлении» иконы казанской божией матери, дочери стрельца Данилы Онучина в 1579 г., видение испускало «лучи огненные», грозны зело, яко мнитися ей от пресветлых тех лучей сияющих сожженней быти. И глас бысть от иконы страшен к девице, глаголющ: аще убо не поведаеши глагол моих, еже от земных недр из'яти икону мою, аз убо имам инде явитися, ты же зле погибнеши». Богородица является здесь божеством огненным и грозным. Не случайно, что среди чтимых икон богородицы есть «огневидная», где она изображена в одежде красного цвета и без младенца. В 1842 г. в Казани был пожар, но церковь Николы Нисского по молитвам его не сгорела. Даже в догоравших домах погасал огонь, когда приносили туда его икону. Все это, бесспорно, отголосок почитания огня, как символа божества. Еще и теперь идут порою разговоры о священных или чудесных огоньках в церкви. А с иконой богородицы «неопалимой купины» обходят горящие здания.

Мы уже знакомы с «кизическими мучениками», специалистами по «трясавице». Повествования о «чудесах» различных икон богоматери, Николы и др. пестрят «исцелениями», среди которых встречаются «исцеления» от глазной болезни, после промывания глаз святой водою (общественное бедствие поволжской деревни — трахома), об исцелении хромых, расслабленных, бесноватых, даже слепорожденных. Чуваши и русские в селе Большое Фролово ныне Буинского кантона, где чтится святой Пантелеймон (всецелитель) возлагают для исцеления на грудь, живот или другие болящие части тела огромную икону святого, весом в 3-4 пуда. Монахи буквально придавливают этой иконой больного и когда припадочные кричат и бьются, готово об'яснение — в них «нечистый».

Однако с медицинской точки зрения знаменитее всего икона Смоленской божией матери, дважды: в 1654 и 1656 г.г. «спасшая» Казань от «моровой язвы». «Спасение», однако, пришло поздновато, в городе вымерло до 48.000 человек в первую вспышку чумы. Седьмиозерная икона выступает здесь

[1] Спасский. Стр. 289.

и соперницей «татарских волшебниц», к содействию которых прибегал отчаявшийся народ. С этого времени и совершается 24-26 июня крестный ход с этой иконой из монастыря в Казань, собиравший еще в недавние годы сотни тысяч крестьян со всей округи, в том числе много мордвы, чуваш, вотяков и др.

В Свияжском Иоанно-Предтеченском женском монастыре находится странствующая иногда по епархии икона Сергия Радонежского, чтимая и старообрядцами. От нее получают исцеления преимущественно нервно-больные.

Когда в 1928 г. я был в Свияжске монахини серьезно об'ясняли мне, что от иконы и теперь бывают «исцеления», что

Рис. 27. Богомолки у ворот монастыря.

«порченые» женщины по шести недель живут у них в монастыре и, уж конечно, к врачам не обращаются. Характерна «техника» исцеления. Больную кладут на пол и покрывают простыней. Затем начинается «осенение» больной иконою, которую по ее размерам и двоим держать нелегко. Иконой касаются различных частей тела. Сначала «порченая» кричит, потом затихает и засыпает в своеобразном трансе. «Осенение» может повторяться и по нескольку раз, принося, конечно, доход монастырю.

В пещере, где первоначально были найдены мощи Варсонофия, продавался святой песочек. Туда и теперь паломничают чуваши и вотяки. Если погрызть старый деревянный гроб Варсонофия — это «помогало» от зубной боли.

Ученый архиерей Филарет, обращаясь в 1831 году к «новокрещенным из черемис» писал: «когда в прошедшем годе

губительная болезнь-холера, по грехам нашим, свирепствовала во многих городах и деревнях, то мы молились господу богу, дабы сохранил нас от сей болезни. И господь бог, в награду за начатки обращения вашего к христианской вере, все новокрещенские приходы сохранил от сей болезни так, что ни один из новокрещенных не умер от холеры» [1]. В этом году дома многих казанцев, которые были в дружбе с гостинодворскими попами, «спас» от холеры образ «Николы Гостинодворского».

Спекуляция на «исцелениях» случается и в наши времена. В 1910 году крестьянин села Большие Кабаны Федорин в колоде для овса «нашел» маленькую икону божией матери. Кликуша Наумкина, проходя мимо его двора, упала в припадке. Икона «исцелила» слепого, затем еще кого то. В 1911 г. наехала комиссия — благочинный, исправник... врач. Чудеса «подтвердились» и икону признали «особо- чтимой». У этой иконы в 1926 г. об'явилась монашка Херувима, якобы парализованная от испуга при массовом расстреле красными монахинь в Елабуге [2]. Священник Бадяшин соборовал Херувиму, а через несколько дней она провозгласила в церкви о своем исцелении. Поп, наверное бы, прославился, не попадись ловкая монашка на другом деле. Обнаружилось, что она убила с целью ограбления одну старуху-богомолку. «Херувима» оказалась самозванкой и здоровой. Авантюристка попала в тюрьму, но поп вывернулся. Интересно, что протокола об «исцелении» он не подписал: эту задачу облегчил... председатель сельсовета, удостоверивший «чудо». Но в 1926 году «чудеса» все же не так легко устраивать, как в XVI веке.

Ослушников и богохульников божество жестоко карает. Оно знает, кого выбрать. В Цивильске есть Тихвинская икона божией матери. В 1671 г. во время осады города разинцами, она «явилась в видении» одной вдовице. Жители города для избавления обещали построить монастырь. Тогда осаждавшие: казаки, чуваши и черемисы «ослепли» — и были отбиты. Эта же икона «поразила смертию» чувашина, хулившего ее. Божия матерь, словно нарочно, наносит удары именно тем, кто ненавистен помещикам, купцам, воеводам.

Еще более контрреволюционную роль, уже «всероссийского масштаба» сыграла знаменитая икона казанской божией матери, ходившая в 1613 г. с ополчением под Москву. Отсюда и почитание ее в роде Романовых. Эта же икона, если верить духовенству, испортила весь поход и Наполеону. Недаром воздвигли в Петербурге Казанский собор.

1 Цит. у Можаровского. Стр. 261.

2 Когда запросили игуменью в Елабуге, то оказалось, что никогда там не было никакого «расстрела» монахинь и никакой «Херувимы» в монастыре не числилось.

А есть кары, насылаемые божией матерью и по другим поводам. Божество ревниво. «Священник Казанского монастыря Зотик, снедаемый завистью, дерзко говорил против чествования Седьмиозерной иконы, унижая ее перед Казанскою, за что был наказан тяжким недугом, от которого впрочем тотчас избавился, сознав свою дерзость и покаявшись в ней» [1].

Хуже пришлось соборному эконому Василию, который выхватил крест у иеромонаха, ходившего с иконой и сам стал отпускать народ. За это он был наказан смертью. Трудно угадать, какие темные дела скрывает православная церковь за этими фактами, говорящими о соперничестве икон, монастырей, черного и белого духовенства. Во время борьбы тихоновцев и обновленцев в наши дни при крестных ходах тихоновцы подстраивали так, что «чудотворная икона» вдруг останавливалась и «не желала» итти в обновленческий приход. Возбужденная толпа или прогоняла обновленческого священника или заставляла его всенародно каяться, чтобы не потерять своего места.

Православное «идолопоклонство».

Православное духовенство с презрением называло и называет представителей нехристианских религий идолопоклонниками, забывая, что ислам категорически отвергает всякие изображения божества. Однако, из перечисления «чудотворных» и чтимых икон, в пределах бывшей казанской епархии можно было убедиться, что трудно найти лучшую иллюстрацию так называемого «идолопоклонства», чем само православие. Вместе с тем, православие является на деле и религией многобожия. Для вчерашнего язычника-чувашина Никола Тора, Тора Муш, Никола бог, божья матерь—просто боги, пиши это слово с большой или с малой буквы. Я подсчитал, что из всех «чудотворных» и чтимых по казанской епархии икон 26 падает на культ божией матери, разных наименований; следующим идет Никола чудотворец, имеющий 12 чтимых изображений, затем уже «спаситель»—4, Параскева «пятница»—3, Иван предтеча—2. Сергий Радонежский — 1 и т. д. Встречаются изображения Георгия, Власия, Флора и Лавра — покровителей скота. Порядок этот не случаен. Почитание божией матери женского божества и деда Николая сменили древний культ матери сырой земли и деда — хозяина, старшего божества, украшенного сединами.

В культе божьей матери поражает его особая истеричность. Это — божество женских страданий, неутешной женской доли. Иконы божьей матери, таинственно-обретенные, по большей части, «являлись» девицам или вдовам. А вот

[1] Справочная книга для Казанской епархии. Казань. 1900. Стр. 576.

и более свежие факты из культа божьей матери. В 1925 г. в селе Елани Набережно-Челнинского кантона Татреспублики десятилетней дочери дьячка явилась богородица, в виде «косматой женщины» и повела ее в ад, а затем в рай.

Рис. 28. Икона Казанской божией матери.

В аду девочке показаны были всякие ужасы, она видела там и своего отца в котле с кипящей смолою. В раю, по словам девочки, «пение да яблоки». Видела она еще Ивана Воина, чтимого в селе Юсупкине, который пенял на малые приношения. Когда девочка «благополучно», но сильно «изнуренная» вернулась домой, дьячок выбежал на улицу и закричал возбужденно: «И откуда мне сие, да прииде матерь господа

моего ко мне». К месту встречи девочки с богородицей за селом потекли паломники, начались молебны, понес народ «посильную лепту», надеясь также увидеть богородицу. В горе вырыли пещеру. Словом возник казанский «Лурд»[1]. Всю эту историю разыграл в корыстных целях дьячок.

В селе Утякове Свияжского района, где находится Тихвинская икона божией матери, в том же году полусонная девочка забрела в церковный алтарь, откуда сторож вывел ее другим ходом. Но уже пошли слухи, распространяемые набожными старухами, что это было «видение», это богородица явилась сама в образе девочки, дабы протестовать против бывшего несколько лет назад из'ятия церковных ценностей.

Попытки «обновления» и «явления» икон были и в недавние годы, но за последние годы стали реже, благодаря широкой агитации, а также административным мерам против обманщиков.

Хорошим образчиком шарлатантства с «явлением» иконы можно считать недавнюю историю в деревне Бирю-Сарай Заинской волости Набережно-Челнинского кантона. Старик Дорофей Егоров, имевший и до революции пещеру с лампадкой на своем огороде, припадочный с юности, был нанят обществом чистить ключи в лесу. Там ему в деревянном жолобе, им самим устроенном, в сентябре 1927 года и «явилась» медная икона божьей матери, «плававшая поверх воды». От иконы и окружающих лип «исходил свет, словно бы горели свечи и лампада». Все это «подтвердили» четыре старухи, которые ходили вместе с Егоровым за иконой. Но икона не сразу «далась» им в руки — надо было молиться со слезами. Когда икону принесли в деревню, для нее дал помещение богатей Шамов, бывший урядник, женатый на дочери лесопромышленника. «Заинтересовался» иконой и священник Унгвицкий, бывший колчаковский офицер. Запросили епархиальное начальство, которое выслало духовную комиссию. Унгвицкий «счел за благо» перевестись в другой приход, но его преемник уже служил — видимо с благословения епархиальных властей — молебны пред иконой, находившейся сначала у кулака Шамова, а затем — перенесенной в церковь. Деньгами из кружки ведал будто бы только Егоров. Но на него, как на «полоумного» валили потом и попы, и Шамов, и церковный староста. Налицо картина неудавшегося «обретения» «чудотворной иконы», где на темноте крестьянской хотели нагреть руки антисоветские элементы.

Кроме икон, есть и другие реликвии в Казанской епархии. В деревне Аках царицынского прихода имеется святой

[1] Лурд — местечко в Пиренейских горах во Франции, где, якобы, в 1858 г. одной девушке в пещере «явилась» богоматерь. Ежегодно в Лурд стекается до 200.000 католических паломников. Лурд описан в романе Эмиля Зола под этим заглавием.

крест, вырытый из земли, «по видению» одного крестьянина в 1702 г. В деревне Протопоповой еще в 1925 г. выносили по окончании ярового сева на поле тридцатипудовый крест, для чего нужны были особые носилки и 20 человек добровольцев. В селе Тихом Плесе почитается икона «Положения ризы господней» с частью «св. ризы». Сравнится с этим кусочком «св. ризы» разве лишь «гвоздь от креста господня», попавший в Казань из Грузии, а затем перевезенный по распоряжению Петра I в московский Успенский собор.

Все эти реликвии, иконы, мощи, «исцеления», крестные ходы и пр. церковная бутафория были очень на руку церковникам и приносили им немалые доходы, из-за чего часто бывала, да и сейчас происходит взаимная грызня у попов.

Величайшим фабрикантом чудес, мощей и т. д. был знаменитый герой Смутного времени, вдохновитель тогдашней контрреволюции, патриарх Ермоген. Карьера его началась в Казани. Сначала послушник казанского Спасо-преображенского монастыря, затем диакон, священник и строитель казанской Николо-гостиной церкви, он выдвинулся, благодаря связям с купечеством и крупнейшими капиталистами своего времени. Ермоген был последовательно архимандритом Спасо-преображенского монастыря, затем митрополитом казанским и, наконец, всероссийским патриархом.

Масштаб Ермогена может привести в посрамление любого мелкого фальсификатора. При нем состоялось «обретение» Казанской иконы божией матери, мощей Гурия и Варсонофия, перенесение мощей Германа в Свияжск из Москвы, прославление казанских мучеников Авраамия, Иоанна, Стефана, Петра и Тимофея и многое другое. Ермоген поддерживал кандидатуру Михаила Романова на царский престол. Благодарная династия в пресловутую трехсотлетнюю свою годовщину позаботилась о причтении и самого Ермогена к лику святых: «православное язычество» времен Распутина тем узаконило еще раз все фальсификации, все подделки XVI столетия. Вековому обману был нанесен, однако, жестокий удар, когда в 1904 году специалист по церковным кражам Чайкин-Стоян выкрал «чудотворную» икону казанскую и ободрав с нее драгоценности (общей суммой на 100 тысяч рублей — в том числе золотую ризу, присланную Грозным и бриллиантовую корону с головы Екатерины II), сжег самую доску. «Чудотворная икона не сумела себя защитить. Она сгорела, как всякая другая доска. Один из духовных публицистов того времени писал: «Икона Казанской божией матери [1] есть священное знамя не только в Казани, но и по всей

[1] «Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божьей Матери». Изд. «Православный Собеседник». Казань. 1904. Стенографический отчет.

России». Надо было доказать, чтобы спасти «честь святыни», что икона не сгорела, но где-то спрятана. Находились шарлатаны из уголовных арестантов, которые брались указать, где икона. Икону искали у старообрядцев. Но розыски были тщетны, ибо икона действительно сгорела. Чайкин был отправлен на каторгу на 12 лет, но не изменил своих показаний и в 1916 г. Татары-магометане поддразнивали крещенных: «что, украли мать вашего бога» [1]. А те не знали, что им отвечать.

Мощи Гурия и Варсонофия были «обретены» вместе при перестройке зданий Спасо-Преображенского монастыря в 1595 году.

Гроб Гурия был, якобы, до краев наполнен чистым «миром», т.-е. благовонной жидкостью, исходившей от «нетленного» трупа. Каковы могут быть благовония от мертвого тела, знает всякий неученый человек. Но в «источение» мощами «мира» верили или делали вид, что верят, образованнейшие люди и в наши времена, продолжавшие обман, начатый при Ермогене. Впрочем, во время пожаров и мощи казанских угодников горели, как всякие другие бренные тела.

В наших руках подлинный акт о вскрытии 20 мая 1923 года мощей Германа, хранившихся в Митрофановской церкви Свияжского Успенского монастыря. В присутствии представителей власти, ученых, врачей, духовенства, монахов, на глазах тысячной толпы рабочих и крестьян, где было большинство верующих людей, состоялось это вскрытие. По снятии «воздухов», покрывал, облачения, была найдена фигура, в большей доле состоявшая из ваты, обмотанной бинтами. Внутри же находилось некоторое количество полуразрушенных человеческих костей и череп. Многих костей вовсе не доставало. Из раки были вынуты мелкие медные деньги, а также дензнаки 1918 года, видимо, приношения верующих. Самое вскрытие производили иеромонахи Амфилохий и Илья. Протокол и акт были подписаны представителями духовенства во главе с Казанским архиепископом Алексеем. В этот летний день случилась гроза. Разумеется монахи и свияжские мещанки стали распространять слухи, что при вскрытии мощей нашла грозовая туча и коммунистов попалила молния. Все эти россказни, рассчитанные на суеверную массу. надо связать с тем обстоятельством, что культ Германа заменял собой культ громового бога; вспомним, что икона его слывет в народе «дождевою» (см. выше).

Если в исламе мы встречаем так называемый «ишанизм», то среди православных людей довольно найдем «старцев» и «прозорливых». В этом отношении Поволжье еще дышит средневековьем.

[1] С. Чичерина. У приволжских инородцев. СПБ. 1905. Стр. 83.

В деревне Верхняя Ия не раз упоминавшейся Пановской волости Лаишевского района есть «прозорливица», хромая Арина. В 1925 году верующие соорудили для нее землянку в 1½ сажени глубины, в три комнаты с коридором. На работу затрачено было 128 поденных дней и трудились 14 человек. Верующие собрали и однорезных бревен для обкладки стен кельи. В самом Лаишеве проживает в пещере «старец» Петр, за советом к которому приходят крестьяне иногда за сотни верст. Наконец, есть в Татреспублике и «старец» Питирим, но этот уже настоящий распутник, нередко хулиганивший, уличенный в изнасиловании и в битье стекол у своих «супротивников».

О «двоеверии» у народов Волжско-Камского края.

Православное язычество по своему привилось у чуваш, марийцев, мордвы, вотяков. В одной мордовской песне Никола «делит счастье» для людей, сидя на ветвях дуба в компании с двумя старыми мордовскими богами.

Богатому мордвину — плошкою.
Скудному, бедному — чаркою.
Грешному-русаку — кончиком ложки.

Мордвин в Пензенской губернии верит, что в великий четверг христос сходит с неба и через волоковое окно проникает в каждый дом. «На это окно ставят кисель, который вечером с'едают; более обильное угощение предлагается в день вознесения, когда христос по приготовленным для него в каждом доме лестницам из теста поднимается на небо» [1].

Христа и апостолов мордвин крестьянин представляет «по образу и подобию своему», в мордовских рубахах, портах и лаптях. Таковы резные изображения на царских вратах в одной из церквей Нижегородской епархии, принадлежащие мордовским столярам. Последний факт по личным воспоминаниям сообщил мне в беседе о религиях поволжья А. М. Горький [2].

Для чувашина в Свияжске или в Казани святые, носящие то или иное имя, те же «добрые духи». Флор и Лавр для мордвина сливаются в один образ кормильца с именем «Крел-Лавер». Кузьма и Демьян у горных мари превратились в новое своеобразное божество «Кузьма-Деньга». Никола, Варсонофий и Казанская божия матерь до такой

[1] Смирнов. Мордва. Стр. 397.

[2] Совершенно логично с этой точки зрения, что католические миссионеры распространяют в Китае портреты римского папы с китайской физиономией, а в Африку посылают библии, где святые изображены черными и богородица выглядит курчавой негритянкой.

степени уподобились черемисским богам, что получили подобно этим последним и прислужников (сакче-шукшы). Культ их у некрещеных черемис совершенно тождественен с культом языческих богов: им приносят в лесах жеребят,

Рис. 29. Деревянный истукан Николы Можайского.

мясо которых с'едают, а кости и кожу сожигают» [1]. Николай чудотворец слился с образом бога неба. «В село Никола-Березовку Бирского уезда Уфимской губернии (по Каме) приносят в июле из Сарапула икону Николая чудотворца. Служить молебны этой иконе стекаются черемисы-язычники из Бирского и Елабужского уездов [2]. Березовского Николу очень чтут и вотяки. У глазовских вотяков существует даже

1 Смирнов. Черемисы. Стр. 217.
2 Смирнов. Стр. 212.

гадание с иконой Николы чудотворца. Если долго не отыскать утопленника, ставят на воду горшок с иконой и с зажженной венчальной свечой: «Горшок, говорят, останавливается над утопшим и поэтому, находить его легко»[1]. По мнению чуваш, Никола заколачивает лед на реках деревянной колотушкой. Насчет Ильи, Касьяна и прочих святых язычники заимствуют свои воззрения у русских. Марийцы примешивают сюда свои вымыслы: апостол Петр будто бы сделал соху, а Илья (Ильше-юмо, то есть Илья-бог) первый начал сеять и возделывать хлеб[2]. У чуваш деревни Масловой ильин день — «картофельный праздник». Кто в этот день начнет есть картофель, у того он уродится крупным.

У нижегородской мордвы еще в половине XIX столетия был обычай намазывать салом, жеваными пряниками и другими снедями губы наиболее чтимых икон[3]. Мордвин Тамбовской губернии, если икона чего-нибудь не исполнила по его молитве, сек ее веником и ставил вниз головой. Чуваши-язычники, насильно крещеные, выкалывали иконам глаза, словно живым существам.

Чуваши думают, что бог с иконы у соседа может «заломать» и наслать болезнь. Йомысь велит итти в таком случае к соседу. Чувашин, извинившись перед соседом, начинает молиться возле чужой иконы: «Во имя бога, чужой бог, помилуй, не оставь, пожалуйста, прости! Тебе меня ломать дела нет, у меня свой бог есть, ты меня не ломай!»[4].

Языческие моления мало-по-малу переносились на церковные праздники. Священник служил перед «моляном» православный молебен, затем уходил, получая с каждого двора приношение натурой — хлеб, яйца, мясо. Иконы оставались и возле священного дерева. Языческие трапезы приравнивались священниками к «вечерям любви», — так православие заключило компромисс со старой народной верой. До сих пор у мордвы жив обычай приносить на успеньев день жертву богородице — ночью женщины обтягивают церковь два-три раза холстом, стараясь сделать так, чтобы никто этого не видел. Холст достается церковному притчу.

В казанской епархии имелись издавна не только писаные красками на досках иконы, но и разные изображения из камня, дерева — по преимуществу Николая чудотворца. Это уже форменные идолы. Таков, например, резной образ Николая в часовне Троицкого монастыря в Чебоксарах, с мечом в правой руке, с церковью в левой. Он называется у русских «Никола пилены ноги». Этот самый идол, по преданию, и приплыл на камне. К нему приходили раньше чуваши, татары,

[1] Верещагин. Стр. 78.
[2] Смирнов. Черемисы. Стр. 212.
[3] Смирнов. Мордва. Стр. 336.
[4] Магницкий. Стр. 230.

марийцы и русские судиться, при чем виновные признавались в своих поступках. Сейчас это изображение «Николы Торы» находится в музее, но, говорят, некоторые посетители приходят и туда для поклонения.

Подобный же деревянный истукан Николая в селе Остолопове собирает к 9 мая до 1.000 богомольцев. Он был искон-

Рис. 30. Пресвятая троица—резное деревянное изображение (с фотографии Центр. Музея АТССР).

ным богом камских плотовщиков. Знаменитый образ Николы-бога в селе Ишаках (куда паломничают по обету чуваши, чающие избавления от болезней) также сделан из камня. Явление иконы в Ишаках произошло в 1740 г. По преданию, чувашин-язычник выпахал образ из земли. Дочь его взяла образ вместо игрушки, но стала видеть икону часто во сне и услышала голос, повелевающий отнести икону в церковь. По совету ворожей (йомысь) чувашин выкинул странную находку в поле, но дочь его вскоре заболела глазами; кроме того, у ней отнялись руки и ноги. Отец напрасно приносил

жертвы и, наконец, вынужден был найти вновь и отдать икону приходскому священнику. Однако и это «не помогло», пока чувашин не оставил совсем язычества.

Вся эта история подстроена, а впоследствии разукрашена духовенством, чтобы содействовать обращению чуваш в православие. Не забудем, что обретение иконы совершилось как раз в эпоху деятельности знаменитой конторы «новокрещенских дел». Маленький каменный идол (размер иконы

Рис. 31. „Истинный Христос"—деревянная скульптура из Краснококшайска (с фотогр. Н. Ф. Калинина).

23—45 милиметров), перед которым ставились свечи, в жертву бросали белый хлеб и деньги, — создал в старое время благополучие прихода — там тройной штат духовенства. Здесь же обосновалась в свое время и чувашская школа братства св. Гурия, а теперь живет чувашский архиерей — обломок чувашского буржуазного национализма под прикрытием рясы.

В Троицкой церкви Краснококшайска с 1695 г. находилось резное из дерева изображение «спасителя» в терновом венце—один из образчиков русской деревянной скульптуры. Этот образ особенно почитался среди крещеных ма-

рийцев, называвших его «истинным христом». Перед ним служили водосвятные молебны, пили освященную воду, прикладывались к ноге спасителя. Укоренился обычай надевать на изображение нитку, которую затем и увозили домой для лечения от болезней. В качестве жертвенных приношений в церкви оставлялись марийцами бутылки с водкой. Лакомая „жертва“ шла, конечно, в глотку православного духовенства.

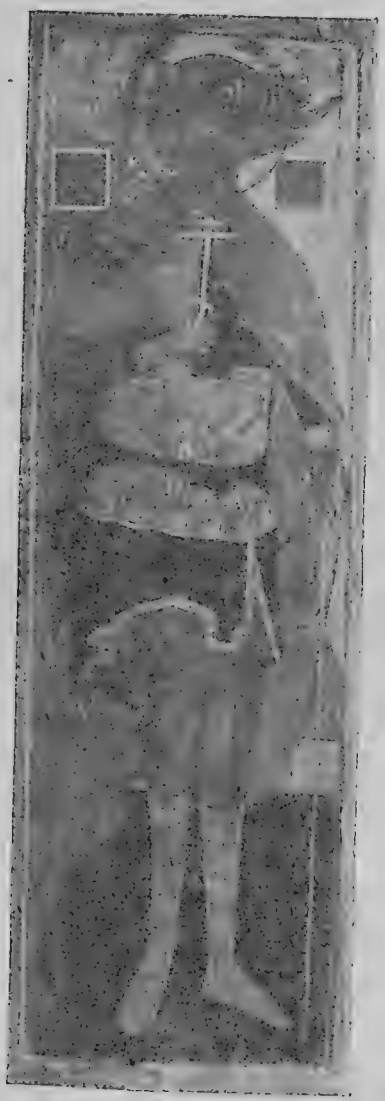

Рис. 32. Святой Христофор песьеглавый (со старинной иконы).

Весьма чтилась у чуваш и марийцев часовня с иконой Тихвинской божьей матери у крутого берега Волги в Оползине Цивильского уезда. Зимою духовенство приспособлялось к перемене обстановки. Для „удобства“ проходящих по Волге обозов на лед ставилась передвижная часовня из листового железа с той же иконой и кружкой. На берегу находилась изба, где понедельно жили две монахини и работник. Осенью монахи, кроме того, собирали у богомольцев в местах их жительства хлеб[1].

Упомянем еще Ильинскую часовню близ села Беловолжского с огромным деревянным крестом, поставленным в 1695 г. одним приказчиком в вечное поминовение родителей своих. В ильин день сюда бывает крестный ход из Беловежской церкви.

Близ города Чебоксар находится на ключе часовня. В исток ее чуваши бросают деньги и яйца. Таких часовен у ключей и при дорогах по всему Волжско-Камскому краю великое множество.

Перед нами во всех красках развернулось православное „язычество“ и то, что называют очень часто «двоеверием». Мы видели, чему могли научиться «остальные»

[1] Магницкий. Стр. 229.

язычники от своих «просветителей». Чувашин, вотяк, мариец сменяли «сивка на воронка», старых богов на Николу и божию матерь, но попрежнему для них оставались недоступной роскошью достижения науки. Поп и монах забирали яйца, холсты, баранов, которые доставались раньше кереметю. Только с победой Октября глухая чувашская или марийская деревня увидела дорогу к настоящему знанию.

Задача всех трудящихся Волжско-Камского края без различия национальностей — разоблачить «православное язычество» со всеми его суевериями, «чудесами», «исцелениями» и прочей средневековой трухой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЯЗЫЧЕСТВО, ПРАВОСЛАВИЕ И СЕКТАНТСТВО В НАШИ ДНИ.

Корни религиозности населения Волжско-Камского края.—Последствия Октябрьского переворота. Культурная революция.—„Язычество" в наши дни.—Православие в наши дни.—Православие у чуваш, кряшен и восточных финнов.—Сектантство среди народов Волжско-Камского края.

Корни религиозности населения Волжско-Камского края.

Прежде чем говорить о нынешнем состоянии различных религиозных течений в Волжско-Камском крае, нужно остановиться на причинах общего характера, которые до сих пор способствуют укоренению здесь религиозных предрассудков от язычества до сектантства включительно. Рядом с этим нужно очертить вкратце великие перспективы, которые открылись пред угнетенными ранее народами края благодаря Октябрьской революции.

Основные причины религиозной консервативности массы народонаселения на Волге и Каме кроются, безусловно, в том, что Волжско-Камский край является по преимуществу земледельческим районом. По данным ЦСУ на 1-ое января 1925 года сельское население составляло в Татреспублике 90,9%, в Вотской области 91,5%, в Марийской 96,1% и, наконец, в Чувашской республике целых 97,3%.

Города края, за исключением Казани и Ижевска, носят непромышленный характер. Население в них по преимуществу русское, мещанское, отсталое, суеверное. В Чебоксарах, нынешней столице Чувреспублики, насчитывавшей до революции менее 5.000 жителей, было 9 монастырей и 17 церквей. Город играл в Поволжьи роль центра закабаления и обрусительства под покровом христианизации. Поэтому ждать культурного воздействия на национальную деревню от городов края раньше было никак нельзя. И сейчас оно проводится только через немногочисленную прослойку

пролетариата и советской интеллигенции. В остальном же города Волжско-Камского края являются лишь торговыми и административными центрами. Конечно, значение культурных ценностей Казани с ее высшими учебными заведениями и научными учреждениями чрезвычайно велико, но к угнетенным некогда народам края Казань повернулась лицом лишь тогда, когда пролетариат совершил Октябрьскую революцию. Свою нынешнюю культурную работу Казань выполняет вопреки стихийным стремлениям всей консервативной мещанской части своего населения.

Обратимся к тем условиям, в которых ведет свое хозяйство крестьянин среднего Поволжья и Прикамья. Черноземную почву мы встречаем в южной части Татреспублики и частично в Чувреспублике (Цивильский уезд). Большую часть края покрывает суглинистая почва. В Марийской и Вотской области встречаем песчаные почвы. Разнообразием почв и неравномерностью выпадения влаги — больше на севере, в марийских и вотских лесах,—мало на юге, в степных кантонах Татреспублики — об'ясняется неравномерная урожайность. На юге края осадков меньше, а почвы сильнее выпаханы, т. к. население стремилось всегда на лучшую землю. Поэтому, несмотря на чернозем, урожайность этих районах ниже. Средние цифры урожайности главных хлебов ржи и овса перед войной в пудах с десятины были таковы:

Название области или республики	Рожь	Овес
Чувашская [1]	49,6	43, 4
Татарская [2]	47,6	37,95
Марийская [3]	44,6	42, 1
Вотская [4]	43	46

Для Волжско-Камского края характерны резкие колебания температуры. В мае случаются заморозки, гибельные для яровых хлебов, для огородных овощей и цвета на плодовых деревьях; в июле — сильные ветры и жары, последствием которых является засуха. В малоснежные зимы иногда вымерзают хлеба. Капризы климата отражаются и на колебаниях урожайности. Особенно яркую картину дают цифры урожайности по Татреспублике в последние годы

[1] Д. П. Петров. Чувашия. ГИЗ. 1926. Стр. 25.

[2] В. М. Ермолаев. Сельское хозяйство. Т. Р. Материалы по изуч. Татарстана. Вып. II. Казань, 1925. Стр. 226. Средние цифры за 1905—1912 г.г.

[3] 1917—1927 г.г. Наши достижения. Краснококшайск. Стр. 23. Средние цифры за 1905—1914 г.г.

[4] Вотская автономная область. Народное хозяйство. 1921—1926 г.г. Ижевск. Стр. 62. Средние цифры за 1905—1914 г.г.

перед войной. Для сравнения мы приведем здесь и данные об урожайности за те же годы по Бельгии и Германии, странам машинизированного и усовершенствованного сельского хозяйства. Цифры даны в пудах (с десятины).

Название хлебов	Рожь					Пшеница				
Страны \ Годы	1910	1911	1912	1913	1914	1910	1911	1912	1913	1914
Татарская республика . .	42	18	78	66	36	38	15	29	53	53
Бельгия	147	154	138	147	149	146	175	175	168	156
Германия	113	118	123	127	110	130	137	156	157	132

Цифры по Татреспублике (тогда еще по Казанской губернии) напоминают скачку по изрытому полю; цифры по западно-европейским странам дают картину разумного регулирования сельского хозяйства, согласно выводам науки. Обработка почвы при помощи сохи, косули и деревянной бороны, отсутствие сортировки семян, господство трехполья, слабое распространение сельско-хозяйственных машин — основные черты местного земледелия. В Вотской области до последнего времени встречается даже переложная система земледелия и двупольный севооборот (в лесах Глазовского уезда). Кормов не хватает, скот плохой. Постоянные опасения за исход урожая издавна заставляли крестьянина возлагать больше надежду на бога, а не на свои силы, на освященные яйца, а не на сортировку для семян, на православный молебен или языческую жертву, а не на совет агронома. Неурожай и голод 1921 года особенно сильно помогли укреплению религиозных настроений.

Расслоение крестьянства в Волжско-Камском крае не в пример слабее, чем, скажем, на Северном Кавказе, в Сибири или даже в центральных областях Советского союза. Сильнее выражены классовые различия лишь в хлебородных, хотя и засушливых южных кантонах Татреспублики. В массе же крестьянство всех национальностей, населяющих край — середняцкое, хранящее заветы старины. Фабрик и заводов в крае очень мало. Лесоразработки, бурлачество, сплав, кустарный промысел не отрывают крестьянина вовсе от его хозяйства, а поэтому кругозор его не расширяется слишком далеко за пределы деревенской околицы. «Власть земли» всего сильнее. Недаром кугусортинец, представитель самой отсталой языческой секты, при от'езде куда-либо из деревни берет с собою в ладонке родной земли. Старозаветные способы ведения сельского хозяйства отражаются и на всем

[1] Материалы по изучению Татарстана. Выпуск II, Стр. 221.

крестьянском быте. Жилище сохраняет старинную грязь, одежда приготовляется из домашней ткани, при чем посконь преобладает над холстом, ибо и лен в Волжско-Камском крае гораздо менее распространен, чем конопля.

Каков же культурный облик поволжского крестьянина? Какое наследие получили советы от царского строя в этой области? Обратимся к цифрам. Среди русских в Татреспублике грамотных на круг лишь 38,3%, а у русских в Вотской области грамотных только 26,8%, татары дают 21,8%; по середине стоят кряшены, имеющие 24,6%[1]. Грамотность женщин гораздо ниже — берем соответственно: русские — 26,79%, татарки 17,3%, кряшенки 11,4%. Грамотность чуваш гораздо ниже, чем у русских, но выше, чем у татар: среди мужчин 35 — 40%, среди женщин 13 — 14%, а в среднем 24 — 27%. Много хуже положение с культурным уровнем восточно-финских племен. Средний уровень грамотности у мари, мордвы и вотяков около 15%, а у женщин доходит до 2 — 3%. Охват школой детей школьного возраста в Волжско-Камском крае еще крайне незначителен — обычно около 30%. Ликвидация неграмотности происходит пока еще довольно медленным темпом. Недавнее «Лудорвайское дело» в Вотобласти, где в 1928 г. было перепорото 300 крестьян собственными же крестьянскими руками говорит о той же низкой степени культурности.

Исконная грязь способствует распространению социальных болезней — чесотки, трахомы, сифилиса, туберкулеза. Непосильные сельско-хозяйственные работы при отсталом способе ведения сельского хозяйства порождают всякие другие страдания — грыжу, женские болезни и проч. Среди неграмотных и больных поэтому полный простор всякому суеверию, всяким легендам о «чудесах» и «видениях», полная воля всяким знахарям, ворожеям, колдунам, ишанам. Одно цепляется за другое. Общественное бытие людей определяет и их общественное сознание.

Помимо разобранных здесь общих причин, способствующих переживанию до сих пор различных религиозных течений, нужно указать и на последствия межнациональной розни и религиозных преследований. В борьбе за лучшие земельные угодья, за более плодотворную почву, обострились отношения русских с татарами и другими народностями края. Родной язык, своя религия были для всех народов как-бы знаменем их независимости и самостоятельности. Порабощение чувашского или марийского земледельца русским помещиком и капиталистом означало забвение своего языка и своей веры, крещение и обрусение. Понятия веры и народности слились.

[1] Сведения приводятся мною по данным совнацмена НКПроса РСФСР и по местным материалам.

Креститься — значило стать русским, обуться в сапоги и одеться в русское платье; принять ислам — стать татарами, носить рубаху без пояса, широкие штаны, тюбетейку. Крещеных своих единоплеменников чуваши переставали называть чувашами, а называли их «русско-верами». Мари-язычники называли себя «чи-мари», т.-е. «истинные мари», в противоположность крещеным мари, подпавшим под влияние русских. Так цеплялись татары за ислам, а марийцы или вотяки за свои старые языческие моления. Потому то и православие в крае, связанное с великорусским национальным шовинизмом, было особенно воинствующим, особенно нетерпимым.

Последствия Октябрьского переворота. Культурная революция.

Октябрьская революция уничтожила те условия, которые давали право называть старую Россию «тюрьмой народов». Она раскрепостила отсталые племена Волжско-Камского края, выгнала помещиков, дала национальную автономию татарам, чувашам, марийцам, вотякам. Все это стало возможным благодаря победе рабочего класса. Тем самым усилились предпосылки и для культурной смычки крестьянства Поволжья с пролетариатом. Если приволжские губернии обычно кормили пролетарские центры, то в 1921 году мощная волна пролетарской помощи направилась обратно на Волгу. Тысячи беспризорных детей были спасены от голодной смерти, благодаря рабочим и государственной поддержке. Позднее в виде шефства над деревней рабочие также помогали народам Поволжья бороться с последствиями вековой отсталости. Так, в 1925 году ленинградские рабочие послали в Звениговский кантон Марийской области отряд для борьбы с трахомой, который осмотрел и вылечил тысячи больных, произвел сотни операций. Строются больницы, амбулатории. Национальное раскрепощение стало истоком культурного под'ема. Тысячи людей побывали в Красной армии, повидали пролетарские центры, выдвинулись к активной работе в советах, кооперации, профсоюзах. Разрабатывается литературный язык каждого народа, который раньше не имел другого чтения, кроме ветхого и нового завета. Выходят газеты и книги на родных языках — на этот раз не поповские, а книжки, действительно нужные национальному крестьянству, сочинения Маркса и Ленина, сельскохозяйственная и художественная литература. Появились селькоры, писатели, поэты. Сотни чуваш, марийцев и вотяков проложили себе дорогу на рабфак и в высшие школы Казани, Москвы, Ленинграда. Выковываются новые кадры советской интеллигенции, воспитанной не в иезуитской обстановке душного миссионерского закоулка, а на живой общественной работе, на практике социалистического строительства. Об'явлена война всякой религии, этому рычагу

духовного порабощения масс. Как результат земельной тесноты с одной стороны, как следствие культурного под'ема с другой, наметился и сдвиг в области сельского хозяйства, правда, пока еще слабый. Начинает вводиться травосеяние. Есть деревни, даже волости, переходящие на многополье. Возрастают посевы технических культур. Увеличилась агрономическая и ветеринарная сеть. На полях Татарии затрещали фордзоны. Растут кооперативные организации и колхозы. Наряду с предпосылками религиозных суеверий, наметились, как видим, предпосылки и для роста безбожия. Посмотрим же, в каком виде дожили до наших дней все старые религиозные течения и что нового появилось в этой области за последние годы [1].

«Язычество» в наши дни.

Такой карты, на которой были бы отмечены деревни и села чуваш и восточных финнов, где сохранилось «язычество», пока не существует. Ее нужно еще только создавать и это — неотложное дело. Но несомненно, что языческий культ вовсе не вымер окончательно, что он сохранился кое-где и в прежнем виде, например, в ряде нацменовских селений в Татреспублике, в Башкирии. Чем дальше на восток, тем языческий культ чище и сохраннее. Двадцать шесть тысяч уральских мари — сплошь некрещеные. В причудливой же смеси с православием и в виде веры в колдовство, язычество встречается повсеместно. Крепко держатся также благодаря своей связи с бытом поминальные и свадебные обряды, хороводы и сборища во время «уйав» — беременности земли — у чуваш и т. п.

Вот несколько примеров веры в колдовство у чуваш. У одного чувашина Чистопольского кантона во время молотьбы упала со скирда беременная жена. После падения, конечно, приключился выкидыш. Муж приходит к фельдшеру и говорит: «После тяжелой работы жена крепко спала и не чувствовала, как «вобыр» (злой дух) вынул ребенка и заменил мертвым».

В селе Старые Матаки, Спасского кантона, молодой чувашин привел в свой дом девушку, обещая на ней жениться, но на другой день прогнал ее. Дело было в декабре, в сильные морозы. Парень продолжал ходить на гульбища и, разгоряченный, схватил простуду, после чего слег. Дело обернулось плохо. Родители позвали попа причастить сына. А затем обратились к ворожейкам. Решили, что парня заколдовала Ирина Евстафьева, которую давно в таких вещах подозревали и из дома которой парень привел обесчещенную

[1] См. по данному вопросу очерки Заволжского «Черемисы язычники» и А. Линевского «Революция и чуваши» в сборнике «Обновленная деревня», под ред. В. Г. Богораза-Тана. ГИЗ. Ленинград. 1925.

им девушку. Причина болезни была найдена. Выход один — убить колдунью.

Йомысь у чуваш, покры (ворожеи) у мордвы, абызы [1] у вотяков пользуются по-прежнему авторитетом. Правда, ездят и в больницу, крепко верят в лекарство, но об истинных причинах всякой болезни думают, как настоящие язычники, во всем видя действие злого духа или колдовства.

После голода 1921 г. чуваши во многих местах (например, в Буинском, Чистопольском кантонах) возобновили полевые моления об урожае «уйчюк» с принесением в жертву быка. Так, устроили моление 4 деревни района Средних Савруш, с общим числом 600 дворов. Характерно, что вернулись к древнему обряду давно крещеные чуваши Буинского кантона, бывшего до революции центром поповской пропаганды. Коммунист, который мне рассказал об этом, говорит: «Мой старик (отец) был религиозный, ни одной службы не пропустит, а в позапрошлом году он был выбран «уйчюк пузэ», т.-е. «головой моления», руководителем жертвоприношения. Во многих селениях инициаторами и руководителями жертвоприношений были местные сельсоветы.

В Нижне-Чершилинской волости, Бугульминского кантона, две языческих чувашских деревни — Старое и Новое Суркино. Жители — потомки переселенцев из Буинского кантона. В Старом Суркине имеется школа, ликпункт, изба-читальня, партийная кандидатская группа. Но поминки справляются по старому обряду, а на горе за селом совершаются общественные моления, куда чуваши сходятся в белых одеждах и выбирают старейшину для жертвоприношения.

У кряшен производятся моления о дожде, приносятся жертвы кереметям и т. д. Обычаи их чрезвычайно походят на чувашские. Даже у мордвы (село Вожжи, Буинского кантона, Татреспублики), среди которой сильнее всего велась православно-обрусительная работа, где многие забыли уже свой родной язык, еще сохраняются некоторые остатки языческих обрядов, например, моление вель-озкс или «мирское моление» около Петрова дня. Скот, однако, колют заранее дома. Распоряжаются на молении старухи, а в организации его принимают участие даже члены церковного совета. От священной рощи осталась лишь одна береза. Язычество у мордвы явно вымирает. В мокшанском селе Урюме из ряда молений, которые описал в свое время М. Е. Евсевьев, ничего уже не сохранилось. Иван Петрович Исаев, последний жрец старой мордовской веры замаливал свои старые грехи хождением по святым местам — дважды посетил Новый Иерусалим, Киев и Троице-Сергиевскую Лавру.

[1] Абыз — татарское слово; для обозначения знахаря — у вотяков, живущих по соседству с татарами.

У вотяков и мари язычество гораздо крепче, но также дает трещину. Выше читатели могли видеть план вотяцкого моления. Он снят в 1927 г. в селе Старая Юмья, Мамадышского кантона Татреспублики. Эта деревня имеет и сейчас шесть «лудов», два чтимых оврага, три священных ключа, две общественных «куалы», из них одна «быдзим куала» (большая).

В окружном молении («вось») раньше участвовало 12 деревень. Происходило оно в казенном лесу, но лесничество потребовало доставки на место моления пожарных машин. Из-за неудобства вотяки перенесли моление в сад в старой Юмье и зарезали там 4 барана. Позади котлов расположены иконы. Это уже влияние христианства, типичный образчик двоеверия. В молении принимали участие лишь пожилые и вообще женатые люди. Молодежь приходила только полакомиться мясом, а остальное время проводила в гуляньи.

У вотяков Старой Юмьи происходят следующие общественные моления [1]:

1) Гуждар вось, луговое моление — примерно на пятый день православной пасхи. Это моление по поводу появления первой растительности. Обрезывают землю топором и варят мирскую кашу.

2) Моление по родовым лудам с просьбами об урожае и благополучии всего общества.

3) Ю-Курбон или вильднекон — моление в поле. Варят кашу, режут пару баранов.

4) Очырмо восяськон — происходит раз в три года, около 20 июля — обычно за день до «Казанской». Это моление носит районный характер и продолжается три дня. Жрецы добывают огонь посредством трения.

5) Моление на озимых, при котором зарывают в землю яйца, как символ плодородия.

Кроме этих молений вотяки Старой Юмьи справляют еще домашние моления — овинному духу и др.

О молении марийцев в деревне Биме, Елабужского кантона, мы уже упоминали. Приведем здесь цифры о расходах марийцев этого района на жертвоприношения при «кугукусо». Оказывается, что в 1927 году они выше, чем в 1926 году. Можно составить следующую таблицу (см. стр. 120) [2].

Как видим, марийцы не считаются с современным административным делением; в организации районного моления наряду с деревнями Елабужского кантона принимают участие и деревни Шопкэр, Сарапульского округа.

1 Сведения сообщил вотяк-студент ВПИ тов. Андреев.

2 Подсчет произведен молодым марийским работником тов. Зыкиным.

№№ по пор.	Название селения	Расходы в 1926 г.		Расходы в 1927 г.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	Шопкэр (Сарапульск. окр.) .	52	2	65	58
2	Каменный Ключ	30	40	25	85
3	Кадрэк	76	18	37	22
4	Пэлэмэш	85	—	86	37
5	Бима	116	76	119	59
6	Кулэгаш	45	25	45	25
7	Байтуганово	29	70	32	86
8	Ошбуй	25	60	33	85
9	Ст. Мадык	22	12	19	80
10	Новый Мадык и Никольский Починок	5	10	9	—
	Итого . . .	488	13	516	21

После «кугу-кусо» в каждой деревне производятся свои меньшие моления. Полных цифр о произведенных для них расходах не имеется, но можно судить по данным 1927 года о двух деревнях.

Пэлэмэш на „кугу-кюсю“ дала 86 р. 37 к.
„ „ „изи-кюсю“ „ 128 р. 80 к.
Бима „ „кугу-кюсю“ „ 119 р. 59 к.
„ „ „изи-кюсю“ „ 113 р. —

Можно думать, что общий итог расходов по отдельным деревенским молениям (изи-кюсю) процентов на 25 выше, чем на кугу-кусо. Общий же расход на летние общественные моления в данном районе исчисляется местными работниками, примерно, в сумме 1.250 рублей. Пустить эти средства на школы, на сельскохозяйственные машины, на борьбу с трахомой—какой был бы необычайный эффект! Но в Биме пока думают иначе. В 1927 году ветры испортили хлеб. Летом 1928 года решено помочь горю — устроить обязательно моление богу ветров. А в марийской же деревне Улисьял, Арского кантона, собирались летом отпраздновать «сюрэм»[1].

Насколько наивными бывают подчас языческие суеверия, показывает постановление сельского совета деревни Мари-Булярово, Мензелинского кантона. Так как старики сказали, что засуха происходит от посевов табака, то и решено было выдернуть зловредное растение начисто, чтобы избавиться от неурожая.

Дороговизна жертвоприношений, однако, начинает отпугивать некоторых марийцев. В Ильнетьском районе Татреспублики в прошлом году молений не было — никто не

[1] Для некоторой характеристики религиозно-бытовой динамики нужно отметить, что летом 1928 г. в Бименском районе расходы на общественное моление были вдвое ниже прошлогоднего, хотя в самом молении и принимало участие 400 человек.

хотел давать при сборе по гривеннику со двора. Бедняки недовольны тем, что на молитвенном пире богатым больше достается. Разорителен для многих и расход на частные моления (например, при болезни кого-либо из членов семьи), требующие и продуктов, и денег, и холста. Нужно кормить и оделять подарками многочисленных родственников и ворожей. В деревне Пехметьеве, Цивильского уезда, один мариец принес недавно в жертву по обету свою последнюю лошадь. Такие случаи далеко не столь уже редки.

В Ильнетьском районе, о котором мы сейчас упоминали, случилось градобитие. Явление это было приписано прекращению молений. Поэтому в 1928 г. в двух марийских деревнях соседнего района, где в прошлом году тоже не было моления, оно было устроено. Но как раз случился град. Это создало благоприятную почву для антирелигиозной пропаганды.

Дорого обходятся язычникам свадьбы и поминки, сопровождаемые повальным пьянством, а иногда и драками. Чтобы жениться по старому обряду, бедняк нередко запродает кулаку свой покос или закабаляет себя еще какими-либо способами.

Оказывает ли какое-либо действие на «язычников» Красная армия? Бесспорно, да — но все-таки недостаточное. Так, если взять упомянутую вотяцкую деревню «Старая Юмья, то по свидетельству местных жителей большинство демобилизованных красноармейцев продолжает придерживаться старой веры. Из вернувшихся в 1927 году 6-ти человек неверующих трое, все они из младшего комсостава. А вот факт другого порядка: в Уральской марийской деревне один из «картов» бывший красноармеец, другой — бывший секретарь сельсовета. По привычке выписывают газеты и ходят на собрания. Очень обижаются, что их лишили избирательного права, как служителей культа.

Марийских картов в Биме 3 человека. Сейчас они отказываются от исполнения обязанностей, так как их решили избирательного права. «Это несправедливо» — говорит старший «абыз» (это название принято под татарским влиянием) — «мы в 1917 г. постановили каждый год молиться за советскую власть». И действительно, в языческий ритуал введена молитва: «есть у нас старшие товарищи в Москве, дай им здоровья».

Есть карты, настроенные антисоветским образом. Хуже всего относятся они к детским организациям. За отступничество от старой веры карты пугают засухой. В руках таких жрецов-кулаков и языческая религия становится серьезной помехой социалистическому строительству в национальной деревне.

Православие в наши дни.

Православное духовенство Казанской епархии, как и следовало от него ожидать, встретило Октябрьскую революцию враждебно. В самой Казани возникло в 1918 г. «Братство защиты православной веры», где вели работу и митрополит, и профессора духовной академии, и виднейшие священники. Братство выпускало контр-революционную литературу под церковным обличием. В брошюре «Христос воскресе» состояние России после победы пролетариата изображалось в следующих красках: «Глубокая тьма покрыла нашу жизнь: как будто низложенный христом зверь открыл свою страшную всепожирающую пасть, чтобы поглотить все наши духовные, веками накопленные ценности, нашу дорогую родину и всех нас, малодушных, рассеянных сынов ее». «Умирает родина в безумной братоубийственной борьбе». То, что рабочий восстал на капиталиста и крестьянин на помещика, растленные листки церковников называли «брат восстал на брата». В одной из статей указанной брошюрки благочестивый автор, скрывшийся под буквами А. П. Ш., спрашивает верующих: «разве вы когда-нибудь слышали, чтобы христос кому-нибудь сказал: «идите и бейте буржуев»? Слыхали ли вы, чтобы христос когда-нибудь сказал: «Бедные, идите к богатым, отнимайте у них их достояние и поделите его между собой, ибо все то, что принадлежало им, теперь принадлежит вам!» Нет, христос, увещевая людей не накоплять богатств земных, а заботиться о сокровище на небесах, имел в виду лишь добровольное отречение от земных благ, а не отнятие их путем насилия и произвола». И в прозе, и в стихах защитники капитала в рясах толкали темные массы на свержение советской власти.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви был встречен духовенством «в штыки». Собирались под руководством попов родители из мещанских слоев населения, посылались протесты в центр и т. д. В летописях казанской контрреволюции характерно одно дело, в центре которого стояли знаменитая со старины Раифская «обитель». Подобно тому, как было триста лет назад, монастыри и на этот раз приняли участие в борьбе против раскрепощения трудящихся масс.

В июне 1918 г. в Казани был обнаружен белогвардейский заговор. Из артиллерийских казарм пропало два орудия. Ряд офицеров заговорщиков скрывался по монашеским кельями. Для розыска скрывшихся были посланы в Раифскую пустынь три коммуниста и четыре красногвардейца. Однако, в монастыре была произведена заблаговременно «подготовка». Еще весной по почину игумена Варсонофия монахи собирали делегатов-кулаков и зажиточных крестьян из окружающих деревень, в числе около 50 человек, и на собрании благодаря провокации со стороны монахов было

вынесено постановление в случае «нападения» на монастырь «защищаться до последней капли крови». Поэтому, едва лишь закрылись монастырские ворота за маленьким советским отрядом, как монахи сейчас же разогнали по всем окрестным селениям гонцов — прибыли, мол, «солдаты-разбойники». Крестьяне во главе с кулаками собрались в монастыре, вооруженные вилами, топорами, а также винтовками. Казначей монастыря Феодор, иеромонах Амфилохий и монах Азарий подстрекали их на расправу с советским отрядом, об'ясняя, что он прибыл не только ради обыска в монастыре, а и для грабежа зажиточных крестьян. Тут же одному члену комиссии проломили голову вилами. Раненого увел фельдшер. Остальных посадили в караулку и решили расстрелять. Вызвались для этого 15 добровольцев, которые предварительно исповедались у попа, а затем приступили к гнусной расправе. Расстреляли по одиночке всех красногвардейцев и коммунистов, в том числе и раненого. Во время расстрела монахи служили обедню. А после этого трупы были отвезены монахами и кулаками на монастырской телеге, брошены в яму с хворостом возле часовни, облиты керосином и сожжены.

Так поступили служители христа — «смиренные иноки» с защитниками рабоче-крестьянской власти.

Раифский монастырь сделался очагом контрреволюционного восстания, для подавления которого нужно было выслать уже значительный красногвардейский отряд.

А монахи-зачинщики скрылись в Сибирь, тогдашнее царство Колчака. Советский суд лишь в 1925 году смог, обнаружив оставшихся виновников кровавой расправы, наказать их достойным образом.

Появление в Казани чехо-словаков вызвало бурный «патриотический» восторг духовенства. «Смиренный» Иаков, казанский «архипастырь», встречал белогвардейцев колокольным звоном и самолично возглашал им многолетие на соборной площади. В момент натиска красных войск на Казань Иаков рассылал по всем приходам контрреволюционные воззвания, приглашая жертвовать деньгами и давать добровольцев в белогвардейские отряды. Видно, былая слава Ермогена и Ефрема не давала ему спать. Средства для белых войск должны были «направляться обычным порядком» через благочиннические советы. Церковный аппарат был целиком обращен на службу контрреволюции. Когда дело белых войск было проиграно, Иаков бежал в Симбирск (Ульяновск), оттуда — в Самару, Уфу и, наконец, в Сибирь к Колчаку, захватывая с собой по пути и всех местных архиереев.

Эпоха из'ятия церковных ценностей в пользу голодающих была также ознаменована контрреволюционной агитацией духовенства, в подавляющем большинстве настроен-

ного в духе руководящих указаний пресловутого патриарха Тихона. Дикие слухи распространялись в это время в народе. Для примера приведем одно дело, которое разбиралось в 1922 году Татарским ревтрибуналом. Священник села Алекиной Поляны, Тетюшского кантона, Андрей Зубков не только скрыл церковные ценности, но громогласно с амвона стал проклинать советскую власть, как власть антихриста, и предрекал близкую кончину мира. Себя самого Зубков провозгласил пророком, тем самым, который, согласно писанию, равен по силе пророкам Илье и Еноху. Он имел якобы откровение в виде знамения на небе — небо поколебалось и появились крестообразные облака. Зубков выражал полную готовность «пострадать» за свои взгляды, но суд после медицинской экспертизы, установившей, что Зубков — душевнобольной, направил его в больницу для умалишенных.

В 1924 году, благодаря провокации казанского духовенства, вновь была пролита кровь. Во время крестного хода для встречи Грузинской иконы божьей матери, все из той же зловещей Раифской пустыни, на окраине Казани были избиты два милиционера и один агент уголовного розыска, который от полученных ран скончался. Крестный ход шел не по разрешенному маршруту; духовенство нарушило распоряжение. Когда им было на то в вежливой форме указано, один из священников произнес слова: «Граждане, милиция запрещает нам петь». Это было сигналом для фанатиков-лавочников, самогонщиков, мещан. Они бросились бить охранителей революционного порядка. Били зонтиками, кирпичами. Торговка кидала песком в лицо упавшему милиционеру. Так соблюдена была еще раз «великая христианская заповедь о любви».

Что же реального потеряло православное духовенство в силу всех революционных мероприятий?

Прежде всего, церковные и монастырские земли, ряд домовладений в городах, средства, лежавшие в банках и государственные пайки — жалование за верную службу самодержавию. Затем духовенство лишилось доходов от преподавания закона божия во множестве учебных заведений, как в городе, так и в деревне. Оно лишилось своих собственных учебных заведений по подготовке «квалифицированного» кадра церковников. Силою вещей закрылись духовная академия, семинария и миссионерские курсы в Казани. Закрылся ряд домовых церквей (до революции их в епархии числилось 37) с крайне теплыми, много лет насиженными и доходными местечками, с казенными квартирками, с благородными прихожанами. Потеряли свои связи, дома и процентные бумаги монастыри. Наконец, был закрыт самый собор в Казанском кремле. Всенародно был разоблачен вековой обман с мощами. В пользу голодающих крестьян того же Поволжья были из'яты церковные ценности. Словом, ущерб духо-

венства был, несомненно, велик. Сильнее же всего било попов по карману распространяющееся в массах — благодаря культурной работе партии и советской власти — безбожие.

Однако, и сейчас еще духовенство в Волжско-Камском крае выкачивает из населения значительные средства. Если взять к примеру лишь Татреспублику, где насчитывается около 800 человек православного духовенства, и если положить средний месячный заработок церковников в 50 рублей, то это составит около полумиллиона рублей в год. Прибавьте сюда расход на ремонт церквей, сборы во время крестных ходов (икона Смоленской божьей матери уносила из Казани до 40 тысяч рублей) и т. д. — получится кругленькая сумма, быть может, до миллиона в год только по Татарии. Полезно произвести такой подсчет везде. На эти средства можно содержать около 50 школ второй ступени или купить 600 тракторов, или строить ежегодно десятки электростанций в сельских местностях.

Жадность духовенства доводит его порою до столкновений даже с верующей массой. Летом 1927 года в селе Русском Бурнашеве, Свияжского кантона, обсуждалось требование попа о вторичном сборе хлеба, а он уже один раз собирал рожь. Это вызвало бурное недовольство крестьян и возгласы: закрыть церковь, прогнать попа. Еле отстояли его члены церковного совета. Подобные факты знаменательны. Они показывают, что в самых религиозных районах — а Свияжский именно таков — есть уже почва для безбожия.

Кризис православной церкви коснулся и Поволжья. Здесь также появилось обновленчество. Но обновленческое движение среди казанских церковников никогда не имело глубоких корней. Оно насчитывает в своих рядах небольшое количество священников-интеллигентов и теряет один приход за другим [1]. Матерые же контрреволюционеры в рясе, в прошлом тесно связанные с помещичьими и купеческими кругами, а в деревне опиравшиеся на кулака — и сейчас держатся своей антисоветской позиции, но действуют более осторжным, более скрытым образом. После известного обращения «заместителя местоблюстителя патриаршего престола» Сергия, где он признал советскую власть, и в тихоновских церквах возносятся моления «о богохранимой державе российской» и о «властях ее». Но, конечно, молениям эти — грош цена. Все это — одно сплошное лицемерие. Классовая суть тихоновщины ясна. Для известной части духовенства бывшей Казанской епархии даже маневр Сергия представляется слишком «левым». Агитпропом тихоновщины служат, главным образом, монахини. Борьба тихоновцев и обновленцев

[1] Наши выводы подтверждаются признанием самих обновленцев, что в Казанской епархии дело обстоит „плохо". См. доклад пленуму св. синода 20/XI 1927 о деятельности администр. отдела св. синода. Вестник св. синода православных церквей в СССР № 2 (25) за 1928 г. стр. 7.

достигла очень острых форм — вплоть до драки, вытаскивания друг друга из церкви и пр. Наконец, упомянем еще об «автокефалистах», сторонниках полной церковной независимости на местах. Их немного. Они отражают, с одной стороны, ту путаницу, которая возникла в умах известной части самого духовенства, благодаря разложению господствовавшей некогда православной церкви, с другой стороны, некоторые анархические настроения мелкобуржуазной части населения, живущей по лозунгу: «моя хата с краю».

Снятие сана многими священниками в годы революции и даже в самое недавнее время является показателем известного разложения среди самого духовенства.

Каков же моральный и умственный уровень современного православного духовенства?

Сельский поп в массе своей остался таким же, каким он был и до революции. Пьянство в престольные праздники с потерей креста, евангелия, драки между попами, соперничество и скандалы из-за дележа церковных сумм — все эти явления можно отметить сотнями. Для характеристики жадности и жестокости попа приведем маленький факт из Н. Мазинской волости, Мензелинского кантона. Поп Черных, Николай Гаврилович, между прочим «обновленец», перед праздником николы заказал мастеру специальную мерку для сбора зерновых продуктов вышиной и шириной в 29 сантиметров. На гумно к этому попу забрался поросенок церковного сторожа. Взбешенный поп запорол поросенка вилами и выкинул его за ограду.

Монахи Седьмиозерной пустыни умудрились однажды передраться на клиросе во время церковной службы. Но еще лучше отличились кизические отшельники [1]. Нужно сказать, что до самого последнего времени в Казани и ее окрестностях монастыри продолжали существовать под флагом религиозных общин [2]. Совершенно случайно попали однажды ночью агенты уголовного розыска в Кизический монастырь. И в одной из келий—у иеромонаха Федота—обнаружили в гостях двух проституток. В их обществе, кроме Федота, находился еще и иеромонах Ермоген. Одна парочка была на кровати, а другая угощалась вином. Пьяные оргии устраивали в монастыре часто. Одна из них была на этот раз засвидетельствована в присутствии самого архимандрита Палладия и рабочих-понятых Никонова и Семенова. Монахи «справляли пасху» 1928 года.

На квартире одной из проституток среди грязного женского белья нашли епитрахиль и записку «за упокой». На

[1] См. газ. «Красная Татария» № 99 от 29 апр. 1928 г.

[2] Казанский женский монастырь — 360 монахинь, Федоровский — 40, Ивановский — 30, Зилантовский — 34, Седьмиозерная пустынь — 40, Раифская — 30, Кизический монастырь — 34 чел. См. газ. «Красная Татария» от 9 мая 1928 г.

обороте ее — любовное послание следующего содержания: «досточтимая Шура. Если возможно вам захватить с собой вина, я уплачу. Приходите в 6 часов». Пьянство, разврат, венерические болезни, проституция среди молодых монахинь — вот изнанка монастырской жизни. Немудрено, что Казанский городской совет (надо сказать, что довольно поздно) постановил закрыть все монастыри и выселить монахов и монахинь, а пустующие здания передать для культурных и других общественных надобностей. На смену развращенным тунеядцам и шарлатанам, вымогавшим у трудящихся деньги под покровом религии, в монастырских домах теперь будут поселены семьи рабочих и приходящие в город на летнее время строители.

Вот еще один пример, к чему приходит религиозное ханжество. В Главсуде Татреспублики разбиралось дело старика-инвалида Паракина. Придя из церкви в дом инвалидов, он принялся снова молиться. Другой инвалид Терехов стал над ним смеяться. Смеяться над чужими религиозными взглядами, конечно, не следует. Но увлеченный горячей молитвой Паракин пнул насмешника в живот ногой так, что тот мгновенно слег и вскоре скончался [1].

Можно ли говорить о росте безбожия в Волжско-Камском крае? Это — несомненный факт. Церкви посещаются гораздо меньше, чем в прежние годы. В Воскресенской церкви в Казани развалился хор, пришлось отказаться от «голосистого» протодиакона, так как в церковной кружке не хватило средств. В селе Кузайкине, Набережно-Челнинского кантона, церковь осталась недостроенной. В крестных ходах зачастую некому бывает носить тяжеловесные старинные иконы. Шествие с иконой Смоленской божией матери собирало еще недавно сотни тысяч крестьян в Казань, так как здесь главной причиной помимо верности традициям было желание побывать в большом городе. А в 1928 г. этот крестный ход и вовсе не состоялся. Во многих местах уже не принимают священника в дом. Он старается прийти за ругой в отсутствие хозяина, жена, мол, скорее отсыплет, а муж неизвестно, как посмотрит. Участились случаи гражданских похорон — так 84 летнего старика-безбожника, в селе Усадах Арского кантона, хоронили с участием пионеров, с пением революционных песен при стечении народа со многих деревень. Еще чаще встречаем красные крестины и свадьбы. Старые церковные праздники сохраняются больше в силу бытовой привычки, а полевые молебны — благодаря отсталости сельского хозяйства, о чем мы говорили выше.

В селе Галактионове, Чистопольского кантона, собрание крестьян с «шефами» продолжалось до утра — так и разошлись прямо на полевую работу. О чем же говорили? Да

[1] См. газ. «Красная Татария», № 60 от 10 марта 1928 г.

прикинули, что на церковные расходы свои — 2.000 рублей в год — могли бы поставить сельскую электрическую станцию. На этом собрании церковный староста, 64 лет от роду, отказался от своих обязанностей, послав богу сочное мужицкое проклятие. И сразу не нашлось даже ни одного охотника на его место.

О растущем безбожии ходят самые нелепые легенды. Свияжские монахини в свое время распространяли по всему району слух, как бог наказал одну коммунистку в Свияжске. «Обрядилась она на спектакле христом, и вот за это всю ее скорчило, язык вытянуло на аршин изо рта — тут же она и померла на сцене». Рассказывают еще, как пришел домой один красноармеец, отслужив свой срок. Попросил он у своей матери вытопить баню. Старуха сказала, что дров нету. Сын взял, расколол иконы и истопил баню. Вот, когда он парился, приходит старичок (а это был Николай угодник) и спрашивает: «Что сынок, паришься?» «Парюсь». «Ну, будешь двадцать пять лет париться». Захлопнулась дверь бани — и нет старика. Красноармеец хотел выйти вон, да не тут то было. Так он и посейчас парится.

Приведем еще одну легенду, рассказанную попом на камском пароходе. Любил один безбожник говорить «лопни мои глаза». Вот у него один глаз и вытек, а другой повернулся зрачком вовнутрь. Пошел безбожник к врачам, а те говорят: «не можем вас вылечить. Не иначе, как бог вас за что-либо наказал». Пошел тогда безбожник к священнику и попросил отслужить молебен. Что же вы думаете? Глаз, который вытек, так уж и остался, а другой-то повернулся на старое место и безбожник стал видеть. Ведь коммунист этот из партии вышел сразу — прибавляет рассказчик.

Нет дыма без огня. Легенды о безбожии — показатель того, что оно начинает распространяться и на берегах Волги и Камы. Это еще стихийное безбожие. Безбожники распылены, слабо связаны с культурными силами. Союзы безбожников немногочисленны. Но в борьбе даже со стихийным безбожием духовенство вынуждено приспособляться и изменять свою тактику.

Во время перевыборов советов, кооперации некоторые попы пытаются влиять на подбор кандидатов, собирая у себя кулаков за чаепитием. Порою поп домогается, чтобы его пустили в сельскохозяйственную кооперацию или сделали руководителем сельскохозяйственного кружка. В одной деревне у крестьянина «проводника», т.-е. выборного для связи с агрономом «проводника» сельскохозяйственных мероприятий в массу, был получен опрыскиватель для плодовых деревьев. Поп в отсутствии крестьянина пришел к его жене, взял опрыскиватель, использовал его в своем саду и собрав крестьян, стал говорить: «вот видите, как «они» не умеют использовать достижения науки — а вот так-то нужно

бороться с вредителями». Следовательно, поп уже стремится использовать для поддержания авторитета церкви самую агрономию. Попы пытаются привлечь на свою сторону и бедноту. В Лаишевском районе отмечены случаи, когда требы для бедняков (крестины, свадьбы, похороны) исправлялись бесплатно, при том в пасхальных ризах. Иногда даже оказывалась материальная поддержка беднякам, а во время крестных ходов раздавалась милостыня. В селе Мансурове поп проводил сбор в пользу погорельцев. В некоторых казанских церквах верующих обходят во время службы с кружкой для пожертвований на борьбу с беспризорностью.

Случаи, когда священники занимаются и простейшей медицинской помощью, также нередки, но исконная поповская жадность и здесь дает себя почувствовать. Так, за бутылочку французского скипидара один такой «святой лекарь» брал полтораста штук яиц.

Во время пасхи в последние годы церкви Казани были ярко иллюминованы, украшены хвойной зеленью. В церковной ограде жгли фейерверки. Всеми средствами православное духовенство стремится возвратить себе популярность в массах и укрепить религию. Эти методы «работы» православного духовенства надо изучать, чтобы тем вернее бороться со старинным врагом, не предаваясь чрезмерной беспечности и самоуверенности.

Рабочие и крестьяне Волжско-Камского края должны сохранять от происков духовенства и свою высшую школу. Есть случаи, когда по кумовству поп достает для сына или дочки удостоверение в целях получения советской стипендии, в качестве «бедняка». Материальную поддержку своим чадам благочестивый папаша не перестает оказывать, а сынок продолжает говеть, сдавая в то же время зачеты по политграмоте. Стремясь использовать вузы для своих детей, попы идут на всякие лицемерные проделки. В редакции «Красная Татария» получается письмо следующего содержания: «я—дочь попа, проживающего в Вотобласти. Тайно от отца я записалась в пионеры и работала в отряде три года. В настоящее время я перешла в комсомол и числюсь кандидатом ВЛКСМ уже два года. В виду расходящихся взглядов с отцом-попом, я порываю с ним всякую связь и отказываюсь иметь с ним дело, как с человеком, приносящим вред и одурманивающим людей. Живу и учусь на средства брата... Ученица Елабужской школы 2-й ступени имени В. И. Ленина, кандидатка ВЛКСМ, Мария Богомолова». По проверке оказалось, что Богомолова все время имеет материальную поддержку от попа и пыталась благодаря ложному письму освободиться от платы за учение в школе и перейти в комсомол. Местная организация комсомола исключила ее из своих рядов как чуждый элемент.

Несомненно, что вся эта история была придумана или, по крайней мере, согласована с самим попом.

В некоторых селах духовенство ведет себя очень нагло. В селе Красновидове, Теньковского района Татреспублики, общество отпустило для ремонта школы бревно. Это бревно везли в школу. Поп встречает возчика и заворачивает бревно к себе на двор. В селе Большие Отары, в 1922 году, был пожар. Погорельцам отпустили лес, но поп добился того, что лес постановлением общества отдали на ремонт церкви.

В селе Старой Тумбе, Спасского кантона, живет смешанное русское и чувашское население. Сельсовет долго не соглашался взять поповский дом под культурное учреждение. Наконец, постановление было выполнено. Но в Николин день, 9(22) мая 1928 г. толпа во главе с кулаками и бабами-самогонщицами разгромила школу и избу-читальню. Парты, столы, книги, учебные пособия были выброшены, плакаты, таблицы—изорваны. Погром прекратил учитель, с помощью подоспевших бедняков. Беднота выступила на защиту школы. Школу заперли и поставили возле нее караул. Разгром был, очевидно, следствием проповеди попа, где он жаловался верующим, что у него отобрали дом, что для него пришли тяжелые времена. Взамен арестованного попа-погромщика теперь поставлен новый священник... б. секретарь сельсовета, выгнанный за пьянство и преступления по должности. В целях «поддержания религиозного духа» в волость приезжал летом 1928 года казанский митрополит (тихоновский). Он произнес проповедь на тему: «Религия и коммунизм», где всячески поносил большевиков.

Православные священники являются и разжигателями национальной вражды. Именно из их среды идут такие разговоры: «русские церкви закрываются, а мечети строются». «Если разрешены религиозные школы для мусульман, то нужно предоставить такие же права в области преподавания вероучения и православному духовенству». «Надо добиться для русских таких же прав, как и для татар». Они представляют дело таким образом, как будто бы с исламом не ведется никакой борьбы и на этом играют. Из дальнейшего будет очевидно, насколько неверно такое мнение.

Находятся местные работники, которые дружат и бражничают с попами, иногда венчаются в церкви (при закрытых дверях, как в селе Карабаяны, Лаишевского кантона, где поп ночью венчал две пары сразу). Находятся учителя, которые не снимают у себя дома икон и ходят в церковь. В Набережно-Челнинском кантоне участковый агроном женился на дочери попа и на свадьбе в поповском доме гуляли все местные ответственные работники во главе с секретарем волкома и руководителем школы-передвижки.

В Свияжском районе некий член сельсовета, собирая семссуду, проводил одновременно и сбор зерна на содержание попа. При этом он агитировал так: «Если ты отдаешь Советской власти 2—3 пуда семссуды, то это уж не так трудно тебе для попа 5—10 фунтов отсыпать». В деревне Татарское-Бурнашево председатель сельсовета просил попа отслужить молебен о дожде. Другой председатель, после крестного хода, лично отвез попа домой на своей лошади. В селе Мансурове председатель сельсовета об'явил крестьянину, пришедшему зарегистрировать ребенка: «запись не может быть произведена, так как все равно попа нет, — он арестован, — крестить некому». А поп был арестован за агитацию против советских мероприятий по хлебозатовкам.

Все подобные случаи «смычки» с духовенством должны быть выявлены. Всякому кумовству с попами и кулаками нужно положить конец. Вновь нарастающий молодой беспартийный и комсомольский актив советской деревни, свободный уже от влияния религии, вскоре сделает случаи, вроде приведенных на этих страницах, досадным историческим воспоминанием.

Православие еще удерживает некоторые позиции в деревне Волжско-Камского края, но в конечном счете оно обречено на умирание по мере развития сельского хозяйства на новых путях коллективизации земледелия, повышения грамотности трудящихся, в первую очередь крестьянства, по мере развертывания всего нашего социалистического строительства.

Православие у чуваш, кряшен и восточных финнов.

Лишенное государственной поддержки православное духовенство прекратило свою миссионерскую деятельность. Крещение новых язычников в христианскую веру встречается лишь как единичный случай, при совершенно особых обстоятельствах. Так, крестился один чувашин в Бугульминском кантоне для того, чтобы жениться на православной. Совершенно прекратилось отпадение в ислам даже среди кряшен, что было до революции частым, а местами массовым явлением. Муллам Татреспублики уже не до пропаганды среди крещеных татар и других народов, все их заботы сосредоточены на том, чтобы удержать свою собственную паству.

Давая очерк современного состояния православия у нерусских народностей Волжско-Камского края, приведем сперва несколько примеров, рисующих в наиболее благоприятном виде положение некогда господствовавшей религии.

В Ново-Льяшевском починке, Буинского кантона, появился священник-мордвин, который ведет пропаганду среди крестьян, посещая их как бы в качестве гостя.

В середине июня 1927 г. верующие села Тоншерма, Больше-Шемякинской волости, Буинского кантона, с плачем провожали своего попа после «трогательной проповеди», а в день его от'езда сзывали народ колокольным звоном. В этом селе было полное засилье попа. Религиозные вопросы, например, о найме священника, ставились не только на сельском сходе, но даже на заседании сельсовета. Постановлением «религиозного общества», а, фактически, общего собрания граждан, постановлено было платить попу 100 пудов хлеба и наделить его землей на 4-х едоков. В этом селе Тоншерма, в 1923 году, населением построена деревянная церковь. Другой случай построения церкви можно указать в Набережно-Челнинском кантоне у кряшен, в деревне Багряж-Поповке. Третий случай встретился нам у мордвы в селе Вожжах, Буинского кантона. Наконец, в 1920 году, в деревне Ярумбал, Моркинского кантона, Марийской области, во время жнитвы «явилась богородица» и «предсказала голодный год». Место это огородили и поставили часовню.

А рядом с этим укажем факты обратного порядка. В Аликовской волости, Ядринского уезда, волостной с'езд советов постановил закрыть церковь.

В селе Крещеный Баран, Спасского кантона, крящены же закрыли церковь и обратили ее под клуб. А вотяки деревни Среднего Кумора, Мамадышского кантона, «собравшиеся в полном собрании посмотрели нижеследующие дела: у нас, в деревне, есть церковь, которая стоит без последствий, и потому, настоящий приговор даем для открытия для нашей деревни школу». Церковь обратить под школу — решили куморские вотяки 14 июня 1925 года. «Неграмотные ставят тамгу, грамотные расписываются». Подлинный протокол подписали 47 домохозяев. Другим протоколом от 4 октября было постановлено «обратить под школьные нужды поповский дом, а все ценности, какие имеются в церкви, употребить на улучшение школы. Один из церковных колоколов приспособили для пожарных тревог и созыва собраний.

Как же согласовать все эти разноречивые факты? Без классового анализа и исторических справок здесь, как и везде, не обойдешься. Что же оказывается?

Там, где чуваши построили церковь, вокруг попа скопилась кучка чувашского кулачества. Кулаки среди всех народностей Поволжья льнули к православию, дружили с попами и урядниками, чая себе от старого режима «великия и богатыя милости». Они продавали и себя и свой народ русским колонизаторам. По словам М. Е. Евсевьева, мордовские богачи раньше отшатнулись от языческих молений, так как это порочило их в глазах «начальства». Для примера кулацкой «ревности о церкви, об'ясняемой именно таким желанием «выйти в люди», расскажем один случай, бывший в 1912—1923 г. в Батыревском уезде, Чувреспублики. На рас-

стоянии 1½ верст друг от друга находятся деревни Старые и Новые Челны-Сюрбеево. В одной 150, а в другой 100 дворов. И вот в каждой из деревень благодаря соперничеству кулаков построены порядочные церкви с колоколами в 50—60 пудов. Лозунг строителей был: «не хотим подчиняться таким-то». А масса послушно шла за коноводами и жертвовала. Постройка церкви в кряшенском выселке об'ясняется сходным образом—этот выселок небольшой, кулацкого типа. Там же, где церковь у кряшен закрыта—большое село, испытавшее до революции все прелести земельной тесноты и помещичьей эксплоатации. Наконец, в вотяцком районе церковь строилась когда-то подневольно, православие навязывалось насильно, шли большие поборы, тяжело ложилась на вотяков подворная повинность. И вот, час расплаты за все эти миссионерские подвиги настал в 1925 году.

Местные работники сообщают, что кряшены после революции меньше ходят в церковь, что попы в кряшенских деревнях бывают только наездами. Из Свияжского района пишут, что «кряшены Молькеевской волости относятся пассивно к попам и к религии». Кряшенские священники бегут из своих приходов, их идеал—попасть в русский приход. Около 20 кряшенских священников и вовсе сняли сан за годы революции, перейдя за культурную или канцелярскую работу

Иного покроя оказалось чувашское духовенство. Среди них было много учеников и последователей Ильминского. Священник села Альшево, Бурундуковской волости, оказался провокатором. Священник в Бюрганах был подлинным фанатиком. В 1912 г. он разогнал полевое чувашское моление и затоптал костер ногами. Подобно чувашскому офицерству, которое вербовалось из детей кулачества, а в годы гражданской войны ушло в белую гвардию, и чувашские попы вели себя контрреволюционно. В 1918 году священник Рекеев был расстрелян за сбор средств и агитацию за белогвардейцев. С «прошлым» по этой части и священник Коколь, соучастник Рекеева, из того же Батыревского уезда; ныне он под именем епископа Германа живет в Елабуге. Но, пожалуй, всего оригинальнее Больше-Шемякинский священник в Буинском кантоне. В 1918—20 г.г. он был председателем вика в этом же селе, а затем принял сан священника. Он попрежнему считает себя полноправным гражданином и очень развязно держится с местной администрацией. В проповедях он открыто высказывался против Союза Безбожников и предрекал скорый конец «царству антихриста». Однажды, он притиснул к забору пионера и заставил ребенка насильно поцеловать крест.

Как и среди русского населения, среди нацменшинств края есть и просто попы-гуляки, пьяницы. В селе Верхний Колчур, Спасского кантона, пьяный поп на рождество потерял крест и евангелие, снял с себя ризу, разостлал ее среди

дороги и лег спать. На чувашских свадьбах, которые как раз справляются около этого времени, поп припевал гармонисту и хвастался, что в 4 дня обошел 250 домов.

Приведем теперь факты, характеризующие отрицательное отношение чуваш и мари к православному духовенству.

В Чебаевской волости, Чувреспублики, население отходит от религиозных обрядов, 35% всех браков являются только гражданскими, 15% новорожденных в 1926—27 г.г. не было окрещено, имеются случаи похорон без попа.

В Аксубаевской волости, Чистопольского кантона, в чувашском селе Кисы находится приходская церковь, священник—русский. Он стал часто ходить к некрещеным чувашам, склоняя их к православной вере. Одному местному работнику был задан тогда чувашами на сельском сходе вопрос: «можно-ли выдрать попу за это волосы и выгнать его из села?»

В марийском починке Кучук, Кукморской волости, Мамадышского кантона, состав населения по религиозному признаку очень пестрый. Крещеных 26 дворов, язычников 35 дворов, вовсе неверующих—10. За последние годы и крещеные не вызывают попа на требы. Они возвратились к старому язычеству. На пасхе в 1927 году в Починке был такой случай: поп Хрусталев ходил по домам с крестом. Как водится, выпивали самогон. В избе Терентия Никифорова произошла ссора. Поп ударил одного батрака крестом. Жалея батрака, тын Терентия, Михаил, вырвал крест у попа и бросил распятие на пол. Рука христа отломилась. Поп подал жалобу в суд и по приговору последнего мариец был оштрафован на 5 рублей за хулиганство. Это решение было встречено населением с большим недовольством: «теперь, мол, и неверующие станут верить». Конечно, следовало привлечь и попа за участие в драке.

Упадок православия наблюдается кое-где и среди мордвы, в общем наиболее крепко верующей. Попы предпочитали мордовские приходы даже русским. Тут им обеспечены были и богатые «сорокоусты», и молебны, и прочие требы. Но все же есть сдвиг и в сторону безбожия. Избач Кабановской избы-читальни, Бузулукского уезда, Самарской губернии, пишет об одном мордовском селе, которое выделяется из всей волости: «крестьяне не посещают почти церкви, мало религиозных обрядов. Но это настроение села некому направить. Мы не знаем, как приступить к работе, а потому антирелигиозную работу совершенно не ведем» [1].

Напрашивается вывод, что православие и в национальной деревне ослабевает. Взамен его кое-где возрождается

[1] В. Степанов. Антирелигиозная пропаганда в избах-читальнях. Антирелигиозник. 1928. № 1. Стр. 57.

старое язычество, но это врменный рецидив, своего рода национальная реакция. Растет, пока медленно, безбожие — и появляется новый росток религиозной жизни — сектантство

Сектантство среди народов Волжско-Камского края.

При колонизации Волжско-Камского края сюда, как и вообще на окраины, уходили и протестующие элементы русского государства. Подобно тому, как в лесах нижегородского заволжья возникли раскольничьи скиты, и в Казанском крае появились старообрядцы различных толков, приверженцы «древлего благочестия». Главным средоточием как поповщинского, так и беспоповщинского старообрядчества были Казань и Чистополь. Классовой базой раскола служило по большей части купечество, а в деревне крепкое крестьянство. У старообрядцев, приемлющих священство, в Казани издавна существовала «Коровинская часовня» или «Дом пресвятой богородицы», а беспоповцы-федосеевцы ходили молиться на, так называемый, «Стекольный», старообрядческий скит, развалины которого находятся в Казани недалеко от вокзала. У богатых купцов староверов были и свои молельни. В уездах Казанской губернии до революции имелось 9 старообрядческих храмов—в Козьмодемьянске, селе Нижнем Услоне, Дербышках и Чистополе. Кроме того, также были «моленные». В 1910-году по Казанской губернии числилось 11.069 приемлющих австрийское священство, 4.113 человек беспоповцев, признающих брак, 2.412 не признающих брака, 2.442 человека «нетовщины» или «спасова согласия», 1.756 человек «рябиновщины», 541 беспоповцев, 116 бегунов или странников, 132 хлыста и скопца, 92 чел. самокрещенцев, 16 чел. молокан, 7 чел. филипповцев, 2 субботника.

Характерна секта рябиновцев, признающих рябину священным деревом. Это не случайно для секты, основателем которой в XVIII веке был чистопольский купец. Ведь рябина—священное дерево и у чуваш и приволжских финнов Секта бегунов или странников замечательна тем, что принадлежащие к ней или скрываются сами, живут в тайниках, в подполье—или, по крайней мере, содействуют скрытникам. Во время пожаров, как передают, эти скрытники выходили из своих тайников. Есть такие сектанты и сейчас еще в самой Казани, затем в Елабужском уезде. О последних говорят, что они занимаются на дому кустарным ремеслом, но окна всегда наглухо завешаны и при встрече с посторонними сектанты стараются прятаться. Сношения с волей ведутся через уполномоченных на то членов секты. Можно полагать, что эта реакционная секта будущего никакого не имеет и при своей малочисленности в современных условиях обречена на уничтожение.

Среди старообрядцев религия держится крепче, чем у православных. На собраниях начетчики выступали кое-где против наших антирелигиозников. Это надлежит об'яснить как последствиями вековых гонений, так и социально-экономическими условиями, более высокой материальной обеспеченностью. С расслоением раскольничьей деревни начинает и в ней возрастать безбожие.

Из старых сект наибольшую приспособляемость обнаружили, как видно, хлысты. Это замечаем хотя бы из того факта, что в Шешминской волости, Чистопольского кантона, хлыстам удалось временно захватить в свои руки один сельский совет. Политически этот народ сравнительно развитой, они выписывают газеты.

Однако, гораздо важнее и опаснее для дела социалистического строительства не старые, а новые секты, представляющие из себя порождение современного капиталистического строя. Таковы евангелисты и баптисты, первые шаги которых в Волжско-Камском крае были сделаны еще до войны, но более активная деятельность развернулась лишь в наши дни. На этих двух сектах мы здесь и остановимся.

По существу между ними нет совершенно никакой разницы. Да и председатель ВСЕХ (Всероссийского союза евангельских христиан) Проханов, по образованию инженер-технолог, является одновременно вице-президентом Всемирного союза баптистов. В Советском Союзе организации баптистов и евангелистов также пытались слиться, но сохранили раздельное существование, видимо, лишь в силу соперничества руководящей верхушки. Нельзя же полагать, что серьезным поводом к такому размежеванию служит способ преломления хлеба или возложение рук на крещаемого пресвитером во время крещения, как пытаются об'яснить проповедники евангелизма.

Остановимся вкратце на общих чертах и вероучении этих сект, а затем перейдем к их деятельности в Волжско-Камском крае. Название евангельских христиан говорит само за себя. Люди хотят жить по евангелию. Никакой исторической, научной критики этой книги они не признают. Вера в бога, в искупление грехов человечества Иисусом христом, вера в воскресение его, вера в чудеса [1] — весь этот скелет христианских «истин» евангелисты сохраняют. Они выбрасывают лишь старую церковную обрядность и пышность. Но вместо попов в рясах появились елейные пресвитеры в сюртуках. Вместо крещения младенцев в купели—крещение взрослых в реках, как символ «рождения от духа». Отсюда происходит и назва-

[1] Евангельский проповедник в Казани Самоделкин рассказывал на одном собрании, как некая «сестра» по молитве других «братьев» и «сестер» «исцелилась» от рожистого воспаления без всякой помощи врачей.

ние «баптисты»—«крещенцы» в переводе с греческого. Вместо причащения—преломление хлеба и принятие красного вина по слову христа:—«сие творите в мое воспоминание». Трижды в неделю собираются евангелисты: два раза на «призывные» или открытые собрания и один раз—с участием лишь крещеных. С восторгом говорит евангелистский проповедник, что на их собрании сидит и нарядно одетая дама в шляпке, и простая женщина в платке, что они встречаются и целуются, как сестры. Умилительная картина! Примирение классов, выхолащивание классового инстинкта из рабочего и всякого трудящегося вообще—вот к чему стремятся сектанты. Однако, чувствуя, что связь с Рокфеллерами, Фордами, Ллойд-Джорджами и другими «столпами» международного баптизма является очень уж зазорной для русских баптистов и евангелистов, сектанты дают по своим местным группам указания воздерживаться от приема явно-кулацких элементов. Имея главной базой мещанские районы, они стремятся теперь забраться и в рабочие поселки, и в деревню. В июне 1927 года в Казани происходил с'езд евангелистов, который они назвали своим «духовным курортом», Торжественно крестилось в реке Казанке более 30 человек, а в преломлении хлеба приняло участие свыше 200 человек. За год евангелисты обнаружили значительный рост, примерно, с 800 до 1.200 чел. по одной Татреспублике. А они имеют свои разветвления и во всех остальных национальных областях края. Чрезвычайно характерной была самая повестка дня с'езда евангелистов. Два вопроса носили на первый взгляд чисто-религиозный характер—об отношении к другим сектантам и о будущих «днях великой скорби», «в которую будут введены все народы». Ссылаясь на евангелие, послание апостолов и откровение Иоанна, докладчик доказывал, что «все идет, как написано», «восстанут лжехристы и лжепророки», а в конце концов грянет последняя труба и умершие воскреснут. Верующие, не успевшие умереть, будут живыми взяты на небо. Вместо перспективы классовой борьбы с капиталистическим строем, вместо перспективы всемирной победы социализма, сектантский проповедник гнусит о «днях великой скорби» и обещает переселение на небо. Неудивительно, что Рокфеллер озолотил одного американского собрата наших апостолов евангелической проповеди, который с такими же поучениями об'ехал нефтяные промыслы баптиста-миллиардера. И пусть наши здешние сектанты не пеняют на такое напоминание. Ведь нынче с'езд баптистов снова созывается в Америке в канадском городе Торонто, при самой деятельной поддержке американских капиталистов. От баптистов СССР собирается там делать доклад их заведующий «Отделом благовестия», т.-е. баптистским «агитпропом» Иванов-Клышников, бывший эсэр.

На с'езде евангелистов в Казани стоял еще один чрезвычайно важный вопрос—«о методике проповеди». «Изложение методов братья и сестры внимательно прослушивали и отмечали в своих блокнотах и записных книжках». Связь между сектантскими группами поддерживают раз'ездные проповедники. Для поездок собираются особые фонды. Чтобы выделить работу среди женщин имеются специальные проповедницы. Одна такая умудрилась в Теньковском районе пробраться в делегатки и, устроив «кружок рукоделия», повела под этим флагом сектантскую работу.

Пытаются сектанты привлекать и молодежь—им это отчасти удается, главным образом, посредством хорошо поставленного хорового пения. В Свияжском районе один бывший комсомолец сделался сектантским проповедником; в Танайке, Елабужского кантона, в их ряды перешел избач, бросивший партбилет.

Всего знаменательнее, что сектанты свили себе гнезда в языческих доселе деревнях. Так, в Исенбаевской волости, где находится не раз упоминавшаяся нами деревня Бима, сектант И. И. Мартемьянов распространял евангелия на марийском языке, доставленные ему из Ижевска и Ленинграда. Его помощниками явились кулак-мариец Ишман из деревни Кадряково и вычищенный из партии Николай Гаврилов, побывавший также «язычником» и мусульманином [1]. Там, где комсомольцы делали попытки рубить священные рощи, евангелисты сумели использовать этот факт и расположить в свою пользу население.

В Старой и Верхней Юмье, Кукморской волости, во главе сектантов вотяков стоят кулаки Федотов Михаил, Матвеев Абрам. Все они известны как непримиримые враги советской власти [2].

Как ведут свою работу евангелисты среди чуваш, можно судить по деревне Ильдерякове, Аксубаевской волости, Чистопольского кантона. Сектанты устраивали художественные вечера с пением и музыкой, лекции по вопросам санитарии, гигиены и агрономического характера. К ним ходит и молодежь. В Ново-Адамской волости возник—по инициативе бывшего военнопленного в Австрии, зажиточного чувашина—сектантский поселок Васильево, который за одну зиму 1926—27 г.г. увеличил свое население с 27 до 134 человек. Чувашин вывез из Австрии вместе с сельско-хозяйственным опытом идеи баптизма. У сектантов поставлена взаимопомощь, заведены общественные молотилки, веялки, триеры. Это привлекает к сектантам и бедняков. Сектанты сами приглашали работников волкома и священника на диспут. Один сектант послан ими в Ленинград учиться на библейские

1. Безбожник, № 19 (221), 8/V—1927 г.
2. Безбожник, № 50 (252), 11/XII—1927 года.

курсы. Завелись собрания и в соседней деревне, куда раз в неделю ходит проповедник из Васильева. Большую роль в работе сектантов играет и внешность-чинность, благопристойность, чистота и проч. «добродетели» сектантов в соединении с пением, иногда и музыкой. Крестьянская масса уже хочет культурно проводить свой досуг. Если крестьянина—русского ли, чуваша ли, марийца, кое-что повидавшего на свете за годы войны и революции, не удовлетворяет ни разолоченная православная церковь, ни старая роща, и в тоже время клуб или изба-читальня порою далеки, а иногда напоминают по своему благоустройству сарай, то его легко может привлечь собрание сектантов.

Встречаются единичные случаи обращения в сектантство даже татар—правда, только в городе. Евангелисты иногда переводят свою проповедь на татарский язык. Это также знаменательный факт, показывающий как известное разложение мусульманской религии, так и гибкость сектантской пропаганды.

Как и всякая религия, сектантство различных видов пользуется тем, что в общественной жизни еще много случайного независящего от воли людей, а потому и кажущегося им божественной волей. Среди городского мещанства, торговцев и некоторой части безработных сектантство прививается в силу упадочности, душевной надломленности этих людей, чувствующих себя в советской системе лишними. Ликвидация безработицы и глубокая культурная работа в массах, наряду с разоблачением политической и классовой позиции сектантов, как агентов международного капитала среди трудящихся Советского Союза—вот пути борьбы с сектантством в ближайшие годы.

За последнее время в печати часто встречаются разоблачительные заметки о главарях сектантов. Вот пример из Елабужского кантона. Организаторами группы евангелистов в деревне Танайке являются возвратившиеся из Сибири кулаки Калакины, бывшие колчаковцы, сын торговца Вдовин и одна шинкарка. Таковы танайкинские «евангелисты».

В деревне сектанты также стремятся ловить, прежде всего, различных неудачников, иногда пострадавших во время войны или голода, с потрясенной нервной системой. Можно считать, что сектантство появляется, прежде всего, в селах, где дальше зашло, чем в других местах, расслоение крестьянства.

В Ново-Адамской волости, Чистопольского кантона, секретарь волкома в беседе с одним евангелистом-бедняком спросил, почему тот записался в секту евангелистов. Бедняк отвечает—«А что вы сделали в смысле улучшения нашего материального положения? Тут же я получаю экономическую поддержку».

Иногда эта помощь совершенно мизерна, но люди, стоящие на грани нищеты, и этому рады. В деревне Анзирка, Костеневской волости, Елабужского кантона, сектанты вербуют в секту бедняков, выдавая им по паре лаптей или обещая починить общими силами избенку. В этой деревне число сектантов за год возросло вдвое.

Вот таких людей и манит мечта о фантастическом «граде» Евангельске, который хочет устроить на Алтае, вождь евангелистов Проханов. Правильная работа среди бедноты, дешевый кредит, советские машины и семена, справедливое и скорое землеустройство, крестьянская взаимопомощь, организация колхозов различного типа и живая культурная работа—вот, что вместе с разоблачением сектантства и их политики нужно в тех сельских районах, где появились сектанты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМ В ТАТАРСТАНЕ.

Буржуазно-демократическое движение среди мусульманских народов и религиозный реформизм.—Советская власть и мусульманское духовенство в Татарстане.

Буржуазно-демократическое движение среди мусульманских народов и религиозный реформизм.

Мы ознакомились выше с теми пережитками «язычества», которые ислам впитал в себя и сохранил, подобно христианству. Однако, все, что мы ни наблюдаем в общественной жизни, изменяется. Меняется, хотя крайне медленно, многое и в религиозной жизни народов. Облик современного мусульманства, как вообще, так и в Поволжье, существенно иной, чем столетия тому назад.

Среди мусульманских народов—по мере роста национальной буржуазии не только торговой, но и промышленной, наметился сдвиг и в религиозно-бытовой области. Отзвуком русской революции 1905 года было движение « младотурок» и персидских «демократов». В последние годы провели буржуазно-демократическую революцию Турция, Афганистан, Геджас. Старые религиозные формы и бытовые условности, затворничество женщин, ношение чадры, всевластие духовенства становятся поперек дороги капиталистическому развитию. И вот Кемаль-паша высылает из Турции «халифа», духовного главу мусульман, соответствующего православному патриарху или римскому папе. Турецкое правительство заставляет мулл читать проповеди в мечетях по заранее установленным образцам. В самое последнее время турки осуществляют закон о полном отделении мечети от государства. В Персии духовенство по новому закону подлежит призыву на военную службу наравне с прочими гражданами. Партия вахабитов в Мекке вопреки старозаветному духовенству вводит новые правила в распорядок паломничества. Аманулла-хан, отменивший в Афганистане рабство,

на приеме делегации мусульман в СССР заявляет им, что нужно реформировать религию, что нужно отбросить чадру и т. п.

Рис. 33. Татарские муллы.

Буржуазно-демократическое и националистическое направление последних десятилетий захватило и татарскую интеллигенцию. Революция 1905 года дала мощный толчок пробуждению национального чувства у казанских татар. Вы-

ходят первые политические газеты на татарском языке. Возникает татарский театр, татарская художественная литература. Женщина сбрасывает чадру. Борьба между старым и новым перекидывается и в религиозную область. Появляются муллы-новаторы. В мусульманских духовных училищах вводятся гражданские предметы. Быт старого духовенства подвергается осмеянию. Появляются религиозные сочинения, в которых доказывается, что в рай может попасть не только мусульманин, но и «неверный», что в известных случаях несоблюдение поста не представляет греха и т. п. «Реформа» ислама означает его европеизацию, приспособление к условиям буржуазной культуры, подобно тому, как несколько раньше эту эволюцию проделало христианство. В церквах американской буржуазии мы встретим уже буфет с прохладительными напитками и зал для модных танцев.

Буржуазный строй не отменяет религии, он ее реформирует. подгоняет к своим требованиям и продолжает использовать профессионалов церковников для духовного закрепощения трудящихся масс. Именно на этот путь приспособления становится и современный ислам.

С возникновением советской власти среди татарских националистов, возглавляемых муллами, произошел раскол. Муллы «старомечетники», заключив трогательный союз с недавним врагом контрреволюционным православным духовенством, свернули на путь прямой поддержки Колчака, Они поднимали в 1920 году восстание против советов в Мензелинском, Белебеевском и Бугульминском уездах.

«Левые» муллы — реформисты избрали другую тактику. Они признали советскую власть и стремились всячески под нее подкраситься. Некоторые выдвинули, одно время, даже теорию о «родстве» марксизма и магометанства. Всякий декрет «центра», якобы исходит из учения ислама, советская власть признала мусульманскую веру «самой лучшей». Цели ислама «совпадают», мол, с задачами Коминтерна. В заявлении мухтасибата [1] Агрызско-Елабужского района от 19 сентября 1926 г. читаем: «Правительство должно обратить свое внимание на права и налоги, которые падают на долю мулл, также они должны быть в одинаковых правах с политработниками, так как, несмотря на давление со стороны царского правительства, все же они боролись за сохранение татарской нации».

Лозунг национального самоопределения «левые» муллы поняли не как первый шаг на пути трудящихся Татарии к социализму, а как первое условие для построения буржуазно-демократической республики. Муллы рассчитывали

[1] Мухтасибат — церковное благочиние, округ. В Татреспублике существует 25 мухтасибатов.

быть в рядах главных государственных деятелей, а вместо этого получили лишение избирательного права, как служители культа. Они никак не могли понять, что для советской

Рис. 34. Деревенская мечеть.

власти все религии чужды, что с точки зрения коммунистической партии всякая религия тормозит культурное развитие трудящихся масс, мешает социалистической работе. Вырос и новый враг ислама — безбожие, которое начало проникать в дотоле консервативную татарскую деревню.

Еще в последнее десятилетие перед революцией малоземелье и перенаселенность татарской деревни в связи с постоянными неурожаями и голодовками вызывали отход татарской бедноты на заработки в промышленные районы. Перед

войной число татарских рабочих только в Донецком бассейне доходило до 100 тысяч человек. Десятки тысяч их работали на бакинских и грозненских нефтяных промыслах. Можно было встретить рабочих татар и на заводах Урала, и в Сибири на золотых приисках, на Мурмане и Амуре на постройке железной дороги. У себя же на родине рабочие-татары сосредоточились отчасти в Казани, затем на Бондюжском химическом заводе. Много татар уходило в грузчики по водным пристаням Поволжья и Прикамья.

Отрываясь от старого привычного уклада жизни, рабочий-татарин уже не мог соблюдать многих обычаев родины. Он испытывал на себе влияние русского пролетариата. Опека религии над ним ослабевала, наконец исчезала вовсе. Нарождался новый тип татарского пролетария — безбожника. Гражданская война способствовала классовому размежеванию и в татарской деревне, что усиливало недовольство бедноты политикой контрреволюционных мулл. С созданием Татарской Автономной Социалистической Советской Республики усилилась и углубилась культурная работа советской власти на родном языке. Стала строиться татарская трудовая школа, пока еще бедная средствами, но уже завоевавшая признание населения. Среди мулл многие стали сознавать свое ложное положение и отказались от учения корана. В одной Татреспублике за годы революции сбросило сан свыше 200 мулл, что составляет 4% общего количества мусульманского духовенства в Татарии. Процесс выхода из числа служителей культа продолжается до настоящих дней. Так, в одном лишь Арском кантоне в течение 1927—1928 г. сняло сан около 20-ти мулл. Одни из них переходят целиком к занятию земледелием, другие используются в рядах школьных и кооперативных работников.

Безбожие стало перебрасываться и в татарскую деревню. Эпоха гражданской войны положила еще более резкую грань между муллами старого закала и молодым поколением. Во многих местах татары, особенно молодежь, перестали соблюдать «уразу» (мусульманский пост), перестали ходить в мечеть.

Как на яркий пример безбожной деревни укажем здесь деревню Мензеле-баш,, Набережно-Челнинского кантона, где до революции половина земли принадлежала помещикам, в том числе и татарским. Жгучая классовая ненависть воспитала и безбожников. Один мулла еще в 1917 году сбросил сан и в 1919 году вступил в партию. Теперь он работает в качестве председателя сельско-хозяйственного кредитного товарищества. Другие муллы последовали его примеру и занялись крестьянством; некоторые умерли. Из девяти мулл в деревне остался теперь только один глубокий старик, а последний мулла средних лет сбросил сан в июне

1928 года. Из трех мечетей одна закрылась сама собою, другая еще кое-как посещается, а третью общество отдало под избу-читальню .

О том же говорят и другие аналогичные факты. В деревне Татарская Амза, Старо-Альметьевской волости, Чистопольского кантона мечеть превратили в избу читальню еще в 1926 г., но в деревне еще осталось 2 мечети. В деревне Елхово, того же кантона, страховую премию, полученную после

Рис. 35. Мечеть перестраивают в клуб.

пожара одной мечети, общество отдало на постройку школы, а сейчас школа помещается в бывшем доме муллы, откуда он выселен. В деревне Алькеево, Спасского кантона, точно такой же факт. В деревне Татарская Каша соседней Ульяновской губернии, в 1928 г. сгорели все 3 мечети. Из полученных 7.500 руб. страховки общество добровольно отчислило 50% на постройку школы. В деревне Старые Адамы, Ново-Адамской волости, Чистопольского кантона, имеются 3 мечети. Из них одна, как можно видеть по рисунку, сейчас перестраивается в клуб.

Диспуты, проводившиеся во множестве по Татреспублике благодаря усилиям старого антирелигиозного работника и знатока корана тов. Хамиди способствовали также сдвигу

в татарской трудящейся массе. Для характеристики этого сдвига можно привести слова одного правоверного мусульманина, Музипа Файзулина, 40 лет, из служащих у частных торговцев пчан-базара (Казанской «сенной»). «Я был очень религиозным, уважающим мулл и бранящим безбожников. Я не спал целыми ночами, когда мне муллы поручали выступать на диспуте... Я выступал в защиту религии 11 раз. В настоящее время со мною неладно, какой-то перелом. В ум мне идет такая мысль, не является ли справедливым товарищ Хамиди, так как он знает алкоран больше, чем казанские муллы, и все его ответы на заданные мною вопросы меня вполне удовлетворяют... Некоторые мои товарищи из религиозных отказываются уже от посещения собраний на антирелигиозные темы и говорят, что от них получается только колебание и расшатывание веры»... Однако, муллы не теряют надежды на то, что советская власть уступит их требованиям.

В течение 1926—28 годов муллы в ряде кантонов Татреспублики проводят по мечетям целые агитационно-политические кампании, собирают подписи крестьян, по преимуществу кулачества и зажиточных верхов деревни—под своими прошениями центральной власти. В качестве характеристики этих «пожеланий к власти» приведем некоторые из них, принятые на районных мухтасибских с'ездах Челнинского, Бугульминского и Арского кантонов в 1926 году: «Не ограничивать вероучение только мечетью, а допускать его и в других помещениях, строить новые религиозные школы и т. д.». «Не ограничивать состав учащихся возрастной нормой».

В пожеланиях Агрызско-Елабужского района говорится: «научные учителя в трудовых школах не учили бы детей против религии». «При исполнении религиозных обрядов не устраивали бы неверующие, разными путями, насмешки над мусульманами». «Не срамили бы в печати духовных исполнителей». «Дети, которые не могли попасть в трудовую школу за неимением мест, таковым дали бы возможность учиться в религиозных школах». «Правительство дало бы разрешение на открытие религиозных школ специально для девочек». Очень важным требованием является такое: «Разрешили бы открыть курсы мулл в городах и других местностях».

Некоторые мухтасибские с'езды требовали «устранить необходимость обращения в ЗАГС», значит, передать это дело муллам. «Делить население по имущественному положению только на основании шариата»—кулаков тогда не будет ни одного, потому что на них муллы и опираются в церковных советах—«мутаваллиатах». Наконец, «уравнять мулл в правах с крестьянами». Этого «уравнения» многие муллы почему-то ждали к десятилетию Октябрьской революции.

Твердая налоговая и кооперативная политика советской власти, хлебозаготовительная кампания 1928 года, кредитование бедноты и пр., больно ударили по кулаку и нэпману. Требования мулл отразили это недовольство городской и сельской татарской буржуазии. Мы называли выше безбожную деревню Мензеле-баш. А вот, пример обратного порядка. Довольно много подписей под своими обращениями получили муллы весной 1928 года в деревне Саба, Мамадышского кантона. Про эту деревню воротилы казанского «пчанбазара», где формируется общественно-политическое и религиозное мнение татарского кулака и торговца, говорили: «Саба осталась такой, какой была и до революции». Они были отчасти правы. Крестьяне деревни Саба не знали помещиков, как это было в деревне Мензеле-баш, земли у сабинцев было много. Прирезки от революции они не получили никакой. Все их мировоззрение создавалось на «пчанбазаре», с которым они были тесно связаны. Здесь погиб от руки кулаков и смелый селькор т. Юсупов.

Мы поступили бы очень близоруко, если бы увлеклись и переоценили рост безбожия в Татреспублике. Наоборот, надо помнить, что на антирелигиозном фронте «неугомонный не дремлет враг». Муллы проявляют в своей тактике несравненно больше гибкости, чем православное духовенство. В этом отношении их можно сравнить разве лишь с сектантами.

Передовые муллы (а им сейчас принадлежит руководящая роль и в Центральном мусульманском духовном управлении, находящемся в Уфе) понимают, что сохранение полностью всех старых суеверий ислама, слепое следование букве корана и шариата будут только на руку растущему безбожию. И поэтому они за реформу. «Нам необходима реформа, тогда только мы сумеем выйти из-под критики безбожников». «Реформа поможет поддержать на некоторое время религию». Так говорят наиболее дальновидные муллы. Поэтому они заявляют, несмотря на ропот старозаветной части духовенства, что религия совместима с наукой, что вполне дозволительно обращаться и к светскому врачу за помощью, что загробный суд наступает не сразу после смерти, что адский мост Ал-серат или прекрасные гурии — выдумка. «Гушур» не должны платить крестьяне, у которых годовой сбор урожая меньше 60 пудов. Праздник «Курбан Байрам» установлен, якобы, для того, чтобы раз в год кормить мясом бедняков. Один мутаваллий [1] заявляет: «Обучаться науке и русскому языку—сорок первая обязанность ислама», сверх сорока обычных требований мусульманского вероучения.

[1] Член церковного совета.

Правильно учитывая отсталость женских трудящихся масс, муллы постарались найти в них себе опору. Наперерез лозунгу коммунистической партии о раскрепощении трудящейся женщины и жертвуя старой буквой корана и шариата, служители аллаха провозгласили равенство женщин с мужчинами и стали допускать их к посещению мечети. Муллы приобретают сепараторы и привлекают туда татарок для переработки молока на масло. Собрания женщин используются женами мулл в противовес устраиваемым партией делегатским собраниям. На своих собраниях муллихи читают и толкуют женщинам коран, а наряду с этим проводят беседы по всем вопросам, волнующим крестьянство. Обсуждается поведение мужей, особенно безбожников, толкуют о дровах, о краже снопов с гумна одной крестьянки и т. п. (Н. Чершилинская волость, Бугульминского кантона). Там, где сепараторы имеются у кооперации или в комитетах крестьянской взаимопомощи, муллы ведут агитацию против них и запугивают крестьян тем, что в советской молочной регистрируют всех, чтобы больше обложить налогом, — не надо ходить туда, иначе венчать не будем, детям молитвы не дадим. Пускаются муллы даже на устройство конкурса для поощрения более усердных посетительниц своей молочной и выдают премии — кусок дешевого туалетного мыла, платок, передник. Кооператорам волей неволей приходится продолжать конкуренцию и давать в премию платье. Наблюдались кое-где и случаи сделки между муллой и кооперативными правлениями — сепаратор передавался в кредит кулаку, который работал по всем указаниям муллы. Муллихи особенно стараются привлекать на свои собрания беднячек, чтобы обезвредить их влияние на советских собраниях. В Буинском кантоне были попытки муллих устроить свое женское собрание в то же время, когда проводится избирательное. В деревне Нижний Искубаш, Мамадышского кантона, муэдзин уговорил двух делегаток отказаться от вступления в партию. В Мензелинской волости, Арского кантона, при перебыборах кооператива муллихи подучивали женщин протестовать против ареста кооператора-расстратчика, сына муллы, под угрозой взятия обратно своих паев. В Балтинской волости муллихи повели кампанию против пионерского отряда, и комсомол был вынужден распустить его.

В Н. Чершилинской волости, Бугульминского кантона вышла из комсомола девушка-батрачка, т. к. иначе мулла и ишан отказывались читать над ней молитву при вступлении в брак.

Таковы примеры отрицательного влияния мулл на женскую часть населения. Подобных примеров можно привести очень много.

Муллы стремятся укрепить религиозность среди женщин, а между тем, кроме унижения и издевательства, мусульманская религия не приносит женщине ничего. В 1924 году в деревне «Славовые хутора», Арского кантона, у вдовы Гайнуллиной родился ребенок. Общее собрание крестьян решило посрамить великую грешницу. Гайнуллину вывели на улицу, раздели до-нага и провели по деревне. Толпа фанатиков избила ее палками и камнями. После издевательства над матерью толпа убила несчастного ребенка и зарыла его в навоз[1]. Такое варварство совершилось при прямом попустительстве мусульманского духовенства.

Во время политических кампаний муллы неоднократно проявляли свою активность, намечая заранее за чаепитием или в мечети списки нужных кандидатов из «надежных правоверных» в сельсовет или кооперацию, делая отвод комсомольцам, партийцам и т. д. Находились председатели сельсоветов, которые обращались к мулле за советом при лишении избирательного права того или иного гражданина. Муллы созывали в мечетях «предвыборные» собрания и проводили резолюции о снижении сельхозналога, о понижении вдвое ставок учителям и т. п. Один мутаваллий осмелел до того, что рядом со списком лишенных права голоса вывесил об'явление, порочащее членов избирательной комиссии. Наиболее скандальным был случай в деревне Починки Бакча, Балтасинской волости, Арского кантона, где мулла был даже... избран председателем сельского совета и сумел обратить на постройку мечети средства одной крестьянской артели. Кумовство с муллами в некоторых местах достигает невероятных размеров. В кооперативе деревни Косаево, Исенбаевской волости, Арского кантона вывешивается список неплательщиков сбора в мечеть. Получать недоимку вверяется приказчику.

Если муллы-реформисты подмазываются к советской власти и ведут дипломатическую политику, то старомечетники не стесняются прямыми выпадами контрреволюционного характера. Есть, мол, в Индостане святые, которые держат «уразу» по 4-5 месяцев. Они имеют общение с богом, им открыты все тайны. Диктатуре прелетариата скоро придет конец. При этом — трогательное совпадение — контрреволюционные муллы обращают свои взоры, подобно сектантам, на капиталистическую Америку, которая для них как бы заменяет самую Мекку.

Там, где коммунисты ведут твердую линию и бьют мулл по рукам во всей советской, хозяйственной и культурной работе, муллы стараются делать им всякие каверзы, создать такую обстановку, чтобы выжить из деревни. Жизнь селькора-безбожника в татарской деревне всегда находится

[1] Газета Безбожник, № 43. 16/XI—1924.

под угрозой со стороны шептуна-муллы. Мухтасиб Музафаров в деревне Рысяково, Мамадышского кантона косил без разрешения траву на старом кладбище. Крестком забрал покос в свой фонд. Тогда мухтасиб об'явил в мечети, что «надо кончить головой председателя крестkома». Этот же мухтасиб противодействовал решению крестьян о постройке школы на участке мечети и о бесплатном подвозе материалов для этой цели. Особенно враждебно муллы относятся к комсомолу, спектаклям и советской школе. В Елабужском кантоне был случай, когда комсомольцев по научению муллы избили за постановку спектакля. В Шемардановской волости Арского кантона мутаваллий угрожал избачу и предлагал ему убраться из деревни. Были случаи и срыва афиш — особенно перед спектаклем антирелигиозного характера. В одной деревне мулла избил прутом детей за посещение спектакля. В другом месте мулла через мутаваллиев разогнал женщин, собравшихся посмотреть на праздник Сабан-Туй.

Отношение мулл к советской школе понятно, об этом мы уже говорили выше. Один мулла устраивает занятия духовной школы в те же часы, как учитель. Другой приурочивает выпуск из духовной школы к 1-му мая, чтобы отвлечь детей и родителей от советского праздника. В Нижне-Чершилинской волости, Бугульминского кантона муллы регулярно собирали родителей, где обсуждали с ними поведение их детей, а заодно и всякие политические вопросы. Но стихийно сама масса требует уже советской школы, не удовлетворяясь одной религиозной. Сами муллы потихоньку посылают своих детей в первую и вторую ступень. Они дают лозунг овладения наукой в целях укрепления религии. Как опасный признак, следует отметить религиозные выступления некоторых школьников II ступени в самой Казани во время праздника курбан байрам в 1928 году. Обнаружен и подпольный ученический журнал религиозного содержания, издававшийся несколько лет. Статьи, помещавшиеся в нем, поражали своей грамотностью и широким кругозором, выдавая далеко не детский возраст некоторых сотрудников, всего скорее, религиозно-настроенных учителей, ведущих с муллами одинаковую линию.

Татарское учительство по своей подготовке в массе ниже русского, зачастую связано с муллами родственными узами и порою в лице отдельных своих групп попадает под влияние духовенства. Есть учителя, до сих пор соблюдающие религиозные обряды. С новыми пополнениями из педтехникумов, из рядов комсомола, учительство постепенно освежается. Курсы переподготовки также способствуют борьбе со старыми предрассудками и среди учителей. Количество религиозных школ за последние годы резко сокращается — масса бесспорно не ощущает в них потребности и муллы

искусственно раздувают свои требования, опираясь на богатую верхушку татарской деревни. Вполне назрел вопрос о полном закрытии всех религиозных школ Татреспублики, как очагов религиозного фанатизма и опорных пунктов тонкой антисоветской агитации.

Количество религиозных школ и учащихся в них в Татреспублике.

Г О Д Ы	Число школ	Число учащихся
1925—26 год.	700	30.000
1926—27 „	250	5.000
1927—28 „	52	1.000

В заключение краткого обзора современного положения и тактики ислама в Поволжьи коснемся самой организации, численности и материального положения мусульманского духовенства.

В Татарии насчитывается 2.200 приходов (и мечетей), из которых 19 падает на самую Казань. В большинстве мечетей 2 духовных лица: мулла и муэдзин (или азанча, выкликающий молитву на минарете). Но есть мечети, где служителей культа три и более. Общую численность приходского мусульманского духовенства по Татарии можно считать около 5.000 человек (из них 50 человек или 1% — в самой Казани). При наличии в Республике 1.507.504 мусульманского населения получаем в среднем около 680 человек на каждую мечеть. Это показывает на густоту религиозной сети, на большой охват ею населения.

Существует грубая татарская поговорка: «Где собака нагадила, там и мечеть». Примеры: в деревне старый Баран Спасского кантона 8 мечетей, в деревне Малая Целна Бугульманского кантона — целых 10! А деревень, где 2-3 мечети — очень много.

Мечети строились в большом количестве и после революции — в сельских местностях деревянные, а в Казани — каменные (построено после революции 2). Число новых мечетей в деревне не подсчитано, но, вероятно, не менее нескольких десятков. Подобный факт говорит сам за себя. Дремать на антирелигиозном фронте не приходится.

В каждом приходе находится мутаваллиат — церковный совет, верхушкой которого является выборная тройка. Таким образом, религиозный актив, в большинстве кулаческий (хотя в последнее время муллы стремятся втягивать в мутаваллиаты и бедноту) достигает 6.660 человек.

25 мухтасибатов (благочиний) насчитывают 75 членов. Полезно подсчитать, сколько стоит вся эта армия мусульманского духовенства. Заработок сельского муллы и муэдзина в среднем надо считать 200 руб. в год (приходы ведь много мельче православных). Это составит около 1.000.000 рублей в год. Доход городского муллы в среднем 100 руб. в месяц, что даст примерно 60.000 р. в год. Содержание мухтасибов, их заместителей и канцелярии обходится по 1.200 руб. в год на каждого, что составит 30.000 руб. Прикинем сюда расходы на самые мечети (топливо, страховые, освещение, ремонт и проч.) — в среднем по 100 руб. в год на каждую, или 222.000 рублей. Каков же общий итог. Да, около 1 миллиона 300 тысяч. Такова цена религиозного дурмана, которую уплачивают трудящиеся Кзыл-Татарстана. Мы не упомянули еще о сборах с приходов в пользу Центрального духовного управления в Уфе, фактический годовой бюджет которого не ниже 60.000 руб. в год — только 7 кадыев, членов его, при ставке 200 руб. в месяц, поглощают 16.800 руб. в год. Не забудем, что при сборе «гушура» многие муллы пугают правоверных всеми загробными ужасами, а получают они взамен весьма реальные земные блага. Так, при взимании «гушура» в одной деревне мулле досталось 3 воза хлеба, для мечети — 2, для бедных — 1. При этом снопы сваливали на земле муллы и он возил их как будто бы свой собственный хлеб. После смерти одного крестьянина мулла за совершение обрядов оттягал у вдовы корову. Другой ухитрился получить себе целую избу. В самой Казани на средства верующих в 1926—1927 годах построены дома для шести мулл. Бугульминский ишан, обложенный разными налогами на 500 рублей, посылает деньги с кем-то из своих домашних, считая ниже своего достоинства самому итти ради этого в сельсовет. Жадность татарских мулл рисуется из следующей бытовой картинки (по письму селькора). В деревне Альметьево, Черкасовской волости, Елабужского кантона у крестьянина Шарафутдинова идет домашнее торжество: нарекли имя новорожденному. За обедом почетные гости — мулла и азанча. К такому обеду татары обыкновенно пекут мясной «бялеш», весь плавающий в масле. Гости с'ели уже четыре бялеша, а каждый из них весит фунтов 15. Видя, что мулла с азанчой доедают уже последний бялеш, девушка хозяев говорит им: «доедайте, доедайте, хадрят [1], у нас есть еще бялеш, сейчас принесем». Азанча говорит — неси, сестренка. Девушка пошла для виду искать бялеш, а их уже больше нет. Женщины шепчут старику-хозяину, что бялеш весь. Мулла с азанчой встали из-за стола очень разочарованные.

[1] Обращение к почетным лицам.

Но эти старозаветные муллы, со своим старозаветным обжорством, конечно, отживают свой век. Гораздо вреднее муллы буржуазного уклада, умело использующие каждую щель для увеличения своего влияния.

Мухтасибаты имеют свои гектографы, при помощи которых и рассылают циркуляры на места. Так дается руководство по работе среди женщин и детей. Указания на места накануне тех или иных политических кампаний делаются, видимо, в устной форме. Одной из форм работы являются сборы мулл поочередно в каждом приходе как бы для приезда в гости или друг к другу, или к членам местного мутаваллиата. Среди мулл найдется немало бывших офицеров и даже бывших учителей. Самые передовые из них хорошо грамотны, следят за газетами. Есть случаи влияния мулл даже на коммунистов, которые начинали выписывать журнал «Ислам». Еще чаще встречается исполнение религиозных обрядов, например, обрезание детей. С этими явлениями нужно беспощадно бороться, потому что религия в условиях Татарии — такое же средство разложения трудящихся масс, такой же враг социализма, как и в капиталистической Англии или Америке. Под чалмой муллы скрывается такой же проводник буржуазных идей, такой же враг социализма, как и под цилиндром западно-европейского или американского проповедника.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ НАРОДОВ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО КРАЯ.

Неправильные и удачные способы борьбы с религией.— Методика антирелигиозной пропаганды. Узловые моменты.

Неправильные и удачные способы борьбы с религией.

Характеризуя современные религиозные течения Волжско-Камского края, мы начинали с того, что указывали на рост безбожия, наталкивающий духовенство различных толков на изменение своих методов работы. Сейчас мы подойдем к вопросу в обратном порядке. Мы приведем ряд случаев неправильного подхода к антирелигиозной пропаганде, а затем попытаемся набросать предварительные вехи для методической и планомерной борьбы сообразно местным условиям, с влиянием различных религий.

Очень распространенным злом среди неправильных способов борьбы с религией является нелепый административный нажим. В селе «Базарные Матаки» Спасского кантона на троицу в 1925 году избы были по обычаю украшены зеленью клена и ветлы — березок там не растет. Веток наломали в лесу, отведенном для пользования местного населения. Сам по себе это — обычай вредный, губительный для молодой лесной поросли. В два часа дня появился милиционер, который пригласил председателя сельсовета и поочередно обошел с ним все дома, украшенные зеленью. На каждого крестьянина был составлен протокол и сучья было велено убрать, при чем милиционер говорил о грозящем штрафе — до 5 руб. Никаких предупреждений раньше о том, что сучьев рубить нельзя, сделано не было.

Другой подобный пример можно привести из антирелигиозной работы среди марийцев-язычников (Исенбаевской волости, Елабужского кантона). Пропагандист Айдаров после доклада на антирелигиозную тему предложил «про-

голосовать» всей деревней за отмену всякого религиозного дурмана. Деревня проголосовала... но только против предложения. В деревне Пэлэмэш Айдаров об'явил, что всякий, кто будет совершать религиозные обряды, будет арестован и посажен в тюрьму на срок не менее двух месяцев. Но это не все «подвиги» Айдарова. В письме своем в марийскую секцию Татобкома ВКП(б) он хвастает: «Кроме того, удачно провел борьбу с суевериями и религиозным дурманом: в деревне Кулэгаш по моей и комсомольской инициативе начали комсомольцы и отчасти беспартийные рубить лесной участок «Кереметь». Кажется, что здесь не обошлось без «сражения» с беспартийными крестьянами у священной рощи».

В 1928 г. сходный случай был во время «кугу-кюсю» в деревне Мари-Буляр Мензелинского кантона. Комсомольцы, одевшись в белые одежды, решили изобразить «богов» и «явиться» во время моления. Возмущенные крестьяне схватились за топоры и дубины и легкомысленные мальчики едва не поплатились жизнью.

В марийской деревне Улисьял Арборской волости Арского кантона к жрецу (под влиянием татар он там носит название «муллы») на религиозное собрание ходило человек по 20-25. Как же реагировали на это комсомольцы? «Через сельсовет старались воздействовать предупреждением, что в случае продолжения этого явления, то те граждане, которые содействуют «мулле», будут лишены избирательного права, в силу чего сумели оторвать (!) от «муллы» население». Разбора это «донесение» не требует.

Если мы спросим себя, ослабили или укрепили религию подобные мероприятия, то ответ будет вполне ясен, — укрепили так, что после уже много труднее стало в этих местах налаживать антирелигиозную работу. А марийские комсомольцы в деревне Улисьял долго не могли взять в толк, почему же нельзя рубить священную рощу — кажется дело просто, — вырубили рощу, ну и молений совершать негде. Но религия пускает свои корни тем глубже, чем оскорбительнее подход к борьбе с ней со стороны безбожников. Особенно вредны выходки чисто хулиганского насильственного порядка. В 1928 году в селе Куренях Буинского кантона на последний день масляницы беспартийная молодежь жгла костры. Старинный обычай, как мы знаем, и опасный, надо сказать, в пожарном отношении. Иногда парни забавляются тем, что привязывают горящую солому к колодезным журавлям и пламя высоко поднимается к небу, искры по всей деревне. Куреневские комсомольцы захотели разом «искоренить» старый быт и принялись тушить костры. Вдруг налетели беспартийные ребята и пошла потасовка. Дрались кулаками, палками, кое-кто прибежал и с кинжалом. Словом,

произошел целый бой между комсомольцами и беспартийной молодежью [1].

В Акташевской волости Набережно-Челинского кантона священнику в 1924 г. молодежь проломила голову камнем. Дважды во время службы выгоняли священника из церкви. Ночью пришли к нему и заставили поповича играть на гармошке, а попа плясать. В деревне Рындино Чувреспублики был подобный же случай, когда новый священник шел рядиться с обществом верующих, молодежь встретила его за деревней и избила. В этой деревне нет попа и сейчас.

К тому же разряду надо отнести и поступок татарского комсомольца (между прочим, сына муллы), который разбил стекла в мечети, и поступок вожатого пионеров в Ядринском уезде Чувреспублики, который в пьяном виде произвел погром в молитвенном помещении сектантов. Это не умнее, чем в былом поведение семинаристов, демонстративно пивших водку из церковных лампадок. В годы гражданской войны попадались иногда горе-агитаторы, которые наступив ногою на коран, говорили с победоносным видом: «смотрите, ничего со мною не случилось». Подобное хулиганство следует клеймить повсюду, так как ничего общего с линией партии и комсомола в борьбе с религией оно не имеет. Партия говорит напротив, что нужно «заботливо оберегать чувство верующих от всякого оскорбления».

Бюрократический казенный подход может также сильно напортить в борьбе с религией. В Тетюшском кантоне был следующий случай. Активная делегатка, женщина лет 30-ти, не крестила второго своего ребенка. Заболев малярией, она обратилась в женотдел с просьбой раздобыть для нее хины, но получила формальный ответ, что нельзя, что это не их дело и т. д. И что же? Вернувшись домой, крестьянка вышла из делегаток, крестила сразу ребенка и пошла петь на клирос. Дело здесь, конечно, не в хине, а в неумении удержать и закрепить свое влияние на массу.

Упомянутый уже Айдаров слышал, что оказание первой медицинской помощи может сильно укрепить авторитет деревенского работника. Умирающему от воспаления легких он вливает насильно в рот капли датского короля. Старухе, у которой глаза были больны трахомой, он вовсе выжег их купоросной палочкой. От злосчастной купоросной палочки растаяла и вся школа-передвижка, которую вел с марийскими крестьянами Айдаров. По этому поводу «Красная Татария» справедливо писала, что «услужливый дурак опаснее врага».

Не лучше в своем роде поступили и курсанты Мензелинской совпартшколы, которые, приехав на зимние вакации в деревню, проповедывали, что крестьянин — мелкий соб-

[1] Газ. «Красная Татария» № 61 от 11/III—1928 г.

ственник, мелкий буржуа и т. д. Одним словом решили сразу излить всю свою марксистскую премудрость. Все их речи сразу же служили предметом разных кривотолков в мечети. Надо было бы заняться вместо теоретических, плохо переваренных рассуждений, практической работой, для продвижения хотя бы на несколько сантиметров социалистического строительства в своей деревне.

Неопытность, отсутствие знаний, отражаются на антирелигиозной пропаганде. Один избач в Татреспублике, отвечая на вопрос, есть ли в его районе сектанты: пишет: «если есть, то единичные случаи, а вообще по этому вопросу в избе-читальне сведений не имеется». Как будто бы ему принесет эти сведения волшебная почта! Как будто бы не нужно поосмотреться вокруг себя и изучить окружающую обстановку, чтобы узнать, где же засел твой враг! Иные татарские культурники, сидя в самом главном гнезде мусульманского религиозного движения, говорят: «да нет у нас никакого религиозного движения, все спокойно. Мухтасиб такой хороший человек, что мы хотели бы его даже иметь председателем... школьного совета». Но это, конечно, есть полное забвение всякой классовой перспективы, полное извращение наших социалистических задач. Более невинной представляется рядом с этим фактом картина из Чувреспублики (относится к 1925 г.). В Красночетаевской волости Ядринского уезда ликпункт помещался в церковной сторожке, отведенной для этой цели распоряжением вик'а». В переднем углу сторожки Николай угодник, который по будням прячется от взоров учащихся ликпункта за красным флагом, а по праздникам открывается для молящихся [1].

Погоня только за внешним эффектом также ничего полезного для уничтожения религиозных предрассудков не дает. В с. Макулове Свияжского района партиец назвал сына «Пионером». Дед-старик плачет и ходит за председателем вик'а, нельзя ли имя переменить. Жена, наконец, снесла ребенка попу — назвали Иваном. Коммунист прогнал за это жену; суд присудил с него 5 рублей в месяц алиментов, волей-неволей опять сошелся. В Б. Шемякинской волости Буинского кантона партиец устроил торжественные октябрины новорожденному сыну, назвали его КИМОМ. А через несколько дней жена без ведома мужа окрестила мальчика в церкви, назвали октябренка уже Михаилом. Так причудливо переплетаются новый и старый быт.

Наша бедность культурными силами и материальными средствами—основной тормоз и на том участке культурного фронта, где идет борьба с религией. Но посмотрим на примеры тех сел, волостей, работников, где действительно чувствуются достижения, где позиции религиозного суеверия

[1] Газ. Безбожник № 20, от 17/V—1925 года.

прорваны, обойдены, иногда и прочно заняты. Есть и такие радующие всех безбожников примеры. Мы говорили уже раньше о татарской деревне Мензеле-Баш Набережно-Челинского кантона. В том же кантоне расположена и русская деревня — Пальчиково. Эта деревня издавна была бедняцкой. Революция вывела крестьян из нужды, отдала им земли, которые принадлежали помещику Пальчикову. В 1923 году небольшая группа передовиков-крестьян организовала ячейку Союза безбожников. Вначале записалось только 28 чел. Но они повели зато энергичную работу. В результате этой работы в Пальчикове сейчас больше половины крестьян — безбожники.

На собственные средства крестьяне организовали избу-читальню. Если раньше удавалось собирать на выписку газет и журналов — 4-5 рублей в год, то теперь собирается до 80 рублей. В 1926 году крестьяне сами выносят постановление: убрать из деревни попа. Священник бывает теперь в Пальчикове лишь наездом; колокольный звон звучит там очень редко. Перед ячейкой безбожников на очереди вопрос о закрытии и самой церкви. Препятствие пока не столько в некоторой части крестьян своей деревни, сколько среди крестьян более отсталых окружающих селений. Но культурное влияние пальчиковских безбожников чувствуется и кругом. Когда по соседству была сделана попытка «обрести» икону, пальчиковцы быстро разоблачили обман и разгласили его в крестьянской массе.

Но, может-быть, без бога тяжелее живется пальчиковцам. Об этом можно судить не по словам, а по делам. В 1926 году по почину самих крестьян и при их материальной поддержке были проведены в Пальчикове сельско-хозяйственные курсы. Вся деревня перешла на улучшенные формы ведения сельского хозяйства и сейчас урожай у крестьян деревни Пальчиково в среднем выше, чем в окружающих деревнях. Расширена площадь под корнеплодами. Свекла в Пальчикове дает урожай в 14 тысяч пудов с десятины, в то время как у соседей — разве только 8. В Пальчикове имеются и свои общественные машины; устраиваются сельско-хозяйственные выставки. На волостной выставке пальчиковцы получили за свои достижения первую премию.

В Пальчикове велика и общественная активность. Сельсовет живет полной жизнью. Ячейка Союза безбожников настолько авторитетна, что на ее собраниях всегда ставятся злободневные вопросы деревенской общественности, всегда присутствуют десятки беспартийных крестьян.

С ячейки деревни Пальчиково должны брать пример все безбожники Волжско-Камского края.

В языческой деревне Мари-Буларово Мензелинского кантона с 1924 года имеется комсомольская ячейка в 23 чел. и пионерский отряд. Издается стенная газета, в которой при-

нимает участие и беспартийная молодеж . Регулярно устраиваются вечера вопросов и ответов, пр чем наибольший интерес вызывают вопросы о мироздани , о происхождении человека, возникновении религии. Такой вечер вопросов и ответов был устроен на торжественных октябринах девочки, родившейся у учительницы. Было больше 150-ти марийцев, в том числе и пожилых крестьян. В деревне, где табак сеять грешно, эти факти говорят о многом.

Побываем еще в марийской деревне Чупаево, Поисевской волости, того же Мензелинского кантона. Деревня бедняцкая, в гористой местности, на неудобной земле. Урожаи плохие. Часты градобития. В голод 1921 г. умерло здесь около 50 человек. Трахомой заражено очень много. Детская смертность велика. И однако, эта деревня — на переломе. Крестьяне проявляют большой интерес к работе совета. В революционные праздники на каждом доме вывешивается флаг из красного холста. С успехом проводился «День красного цветка» (Иокшар Пэлэдэш), который становится революционным праздником обновления марийской деревни взамен весенних языческих обрядовых молений. В этот день за деревней устраивалось сборище крестьян с играми, бегами и т. п. Вся эта работа проводится исключительно беспартийными крестьянами и учительством. В деревне нет ни одного партийца и комсомольца.

Среди вотяков пример очень удачной работы показал избач деревни Рустамяк Бугульминского кантона, который использовал весенний праздник Геры Поттон (Акаяшка) для устройства массовых спортивных состязаний и тем отвлек молодежь от старых языческих обычаев. В деревне мордовская Кармалка того же кантона активно работает мордовский кружок безбожников под руководством местного учителя коммуниста. Посещают кружок в большинстве взрослые бородачи, лет по 40 и более.

Мы приводили выше факт закрытия церкви постановлением Аликовского волостного с'езда советов в Чувреспублике. Надо отметить, что вся подготовительная работа была проделана избачем. А вот деревня Гулькино Кузайкинской волости, Набережно-Челнинского кантона. Она населена пополам русскими и чувашами, и находится всего в четырех верстах от знаменитой Старой Елани, где в 1925 году рылись пещеры богородицы. Русские крайне религиозны. Они несут попу по двугривенному каждый во время исповеди, что составит со всей деревни 100 рублей. Чуваши же не ходят к попу, не везут дров для церкви, а собирают лесной материал для сцены, выписывают газеты. Таков культурный сдвиг среди дотоле отсталых чуваш. Еще показательнее пример чувашской ячейки Союза Безбожников в Б. Шемякинской волости Буинского кантона. Собрания ячейки всегда посещал беспартийный старик 65 лет. Когда

он умер безбожники устроили ему гражданские похороны. Так же хоронили и одного коммуниста, над могилой которого водрузили красный столб. Суеверные люди стали распространять слухи, что старик выходит по ночам из могилы, а коммунист кричит: «тяжко мне, уберите этот столб». Ячейка безбожников провела тогда среди населения раз'яснительную работу по поводу нелепости всех этих слухов. Руководителем этой ячейки состоит беспартийный крестьянин чувашин, которого можно назвать «мастером на все руки». Он и пчеловод, и садовод, и кузнец, и первый устроитель радио в своей деревне. Благодаря этим способностям руководитель ячейки пользуется среди чуваш большим авторитетом.

Как много значит порою в антирелигиозной работе даже мелочь, вроде «хины», а вернее умелый индивидуальный подход — показывает следующий факт. В селе Омары Мамадышского кантона попала в делегатки одна девушка, которая пела на клиросе. Родители и поп не пускали ее на собрания. Но женорганизатору удалось все-таки залучить девушку в кружок рукоделия. Стала она ходить и в клуб. Женорганизатор, заметив ее хороший голос, стала разучивать с девушкой революционные песни и мало-по-малу так ее перевоспитала, что девушка перестала ходить в церковь, сделалась активной делегаткой и наконец подала заявление о приеме в партию.

Работа настоящего активного безбожника в деревне, конечно, нелегка. Нужно преодолевать большие трудности, косность массы, злобу кулаков и духовенства. В мордовском селе Вожжах возник кружок безбожников. Безбожники разоблачали церковные «тайны» вроде видения одной старухе во сне «скорбящей» божьей матери, говорили о ненужности хождения к Жадовской богоматери в Ульяновской губернии или к Николе чудотворцу в село Промзино Ардатовского уезда. Тогда безбожникам стал угрожать расправой некий — Фокин, бывший коммунист, а теперь зажиточный крестьянин, постоянный посетитель церкви. На своей пасеке он даже устроил часовню.

В Чувреспублике тоже отмечены подобные случаи преследования безбожников. Но волков бояться — в лес не ходить. Всякая общественная работа, в том числе и антирелигиозная, связана в наших условиях с борьбой классов. Воинствующее безбожие всегда будет встречаться с ненавистью и подвохами. Нужно брать курс на идейное завоевание основной массы крестьянства, и тогда бешенство кулацкой верхушки активистам безбожникам не будет страшно.

После того, как мы разобрали ряд отрицательных и положительных моментов в антирелигиозной работе, возможно и необходимо подвести некоторый итог, наметить методические указания для работников мест.

Методика антирелигиозной пропаганды. Узловые моменты.

В составе наших политпросветчиков,—а на них обычно ложится главная тяжесть в антирелигиозной работе — наблюдается значительная текучесть. Поэтому работники не успевают в большинстве случаев досконально ознакомиться с обслуживаемым районом. А для антирелигиозной работы изучение местных особенностей — первое условие. Исходя из этого, мы рекомендуем каждому избачу, каждому руководителю ячейки Союза безбожников прежде всего составить религиозно-бытовую карту своего района (волости). Подобный опыт уже проделывался в Ленинграде и на Украине. На этой карте должны быть изображены условными знаками православные церкви, мусульманские мечети, языческие священные рощи, священные источники, часовни, сектантские группы и т. п. Буквой «е», «б», «п» можно обозначать секты «евангелистов», «баптистов», «молокан» и пр., сохраняя, однако, для всех основной общий условный знак. В качестве образчика даем следующую схему (см. рис. 36). На той же карте можно нанести и сеть всех культурных учреждений данного района (избы-читальни, ликпункты, школы, больницы, ветпункты, агроучастки) для сопоставления и силами нашего врага—религии.

Помимо карты надо завести в каждой ячейке Союза безбожников свой учет религиозных сил, выяснить, кто стоит во главе прихода, что из себя представляют попы, муллы, сектантские руководители, языческие жрецы. Надо составить также подробный местный календарь престольных праздников, языческих молений, молебствий на источниках и т. д. Весьма полезно также вести дневник замечательных явлений в религиозной жизни.

Приводим примерный образец записей в таком дневнике.

... И ю н я. Был крестный ход и молебен в поле по случаю дарования дождя. Участвовало крестья... Крестьянок... Молодежь не ходила. Дождя не было после молебна еще 10 дней.

... И ю н я. Языческое моление о дожде в марийской деревне №... (описать подробно).

... И ю н я. Языческое моление о дожде в марийской демерному подсчету истрачено 200 рублей деньгами, 200 пудов хлеба на самогон, убит в драке крестьянин Иван Парамонов 23 лет.

... И ю л я. Посетил собрание сектантов евангелистов Присутствовало 15 чел. Был приезжий проповедник из Казани. Содержание проповеди—о блудном сыне. В хоре участвует молодежь.

... И ю л я. Гражданские похороны тов. А... Присутствовало 500 крестьян из деревень 1, 2 и т. д.

Имея религиозно-бытовую карту своего района, зная хорошо своих противников, зная религиозный календарь, и ведя учет всем важнейшим моментам религиозной жизни, можно вести антирелигиозную пропаганду уже не вслепую, а готовясь заранее и обдуманно наносить удары на том или

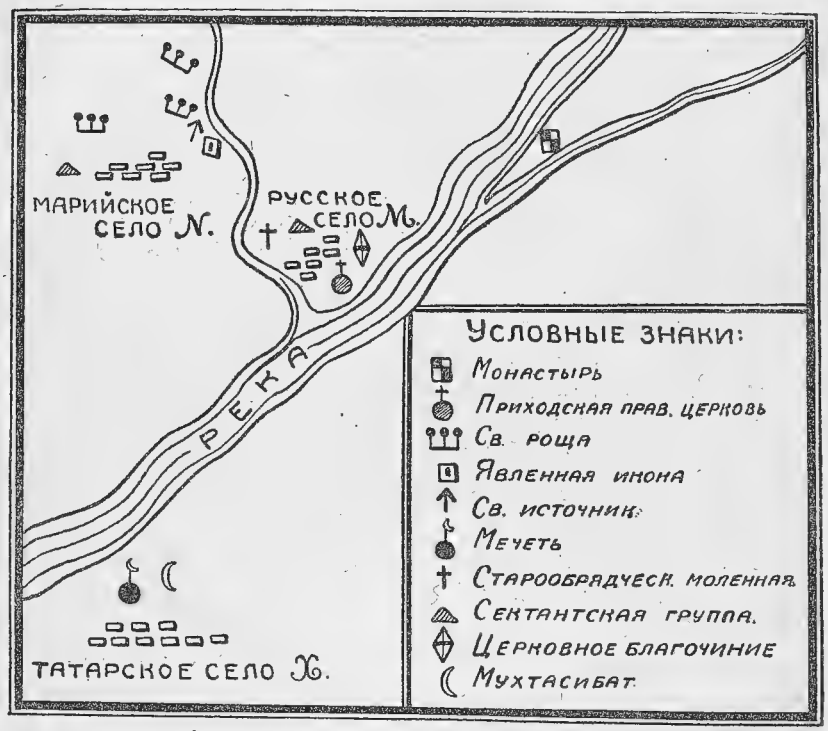

Рис. 36. Примерная схема религиозно-бытовой карты отдельного района.

ином участке религиозных суеверий. Кроме того, такой постоянный учет дает картину изменений в религиозных настроениях массы за ряд месяцев и лет и облегчит новым работникам их дело, так как и на антирелигиозном фронте создастся та преемственность, которая у нас до сих пор совершенно не имеется.

Теперь переходим непосредственно к самой методике антирелигиозной работы.

Для Волжско-Камского края с его чрезвычайно сложным религиозным переплетом надо всегда иметь в виду, что антирелигиозная пропаганда связывается с национальным вопросом. Нападки на одно православие вызовут взрыв велико-

русского шовинизма. Борьба с исламом или с язычеством, оторванная от прочей антирелигиозной работы, может вызвать недовольство коренного населения, чувство национальной обиды, может пробудить воспоминание о ненавистной миссионерской деятельности. Поэтому первое требование, которое должны пред'явить к себе антирелигиозные работники всех национальностей, — иметь равномерно-критический подход ко всем религиозным течениям, сравнивать их друг с другом, показывать их общую сердцевину, сходство в суевериях, выгоду всяких религиозных форм для эксплоататоров, для деревенского кулачества. Татары должны видеть, что идет борьба и с православием, русские — что для безбожников и мулла есть такой же враг, как и священник. Извращения в этой области могут повести к таким фактам, какой был недавно. В самой Казани подвыпивший русский рабочий разбил стекла в мечети и мотивировал тем, что православные церкви закрываются, а мечети строятся. Русские рабочие и крестьяне должны, например, знать, что проводится большая антирелигиозная работа не только накануне пасхи или рождества, но и в дни уразы, и в дни курбан-байрама.

Уже разобранные выше примеры неуместного административного нажима в борьбе с религией говорят нам, в каком направлении должен быть разрешен вопрос о месте административных мероприятий в общей системе борьбы с религией. Административные меры должны, прежде всего, пресекать чисто контрреволюционные выступления духовенства. По местным условиям могут запрещаться массовые скопления народа для крестных ходов, сопровождаемые антисанитарным целованием икон сотнями и тысячами руб. Словом, административные меры, как функция самой власти, должны применяться только ею самой и в самых необходимых исключительных случаях. Что же касается безбожников, то они должны смотреть на себя прежде всего, как на солдат культурного фронта. Эта культурная работа должна быть неразрывно связана и с экономической или организационно-хозяйственной. Наилучший пример такой работы дала нам ячейка безбожников деревни Пальчиково. Если священник берется за опрыскиватель, покупает сеялку, заводит пчел, то безбожники не должны отставать, и на перевес ему по указаниям агронома закладывать опытные участки, устраивать прокатные пункты, добывать хороших производителей для улучшения местного скота и крестьянской лошади. Пусть крестьяне убедятся, что не религия помогает земледельцу, а наука. Но убедятся не из сухих книжек, а после наглядного показа. Если ячейка Союза Безбожников сумеет еще завести барометр и получит некоторую возможность предвидеть погоду, то авторитет ее сильно вырастет в той же мере, как упадет авторитет духовенства.

В Казани был несколько лет тому назад характерный случай. Вблизи города, у дороги вдруг пробился ручеек. Вода в нем была плохая, вонючая, но крестьяне все-таки пустили молву, что источник святой. И пили из него, и глаза мыли. Источник велено было засыпать, но вновь отрыли его руками. Однако, в конце-концов родник иссяк. Чем же дело об'яснилось? Да лопнула в казармах сточная труба. Из нее и текла всякая гадость. Когда трубу починили, пропал и «родник». Разоблачение подобных фактов, так же как попыток шарлатанства с «явленными» иконами, «видениями» и пр. составляет важнейшую обязанность деревенских безбожников.

Почитание священных источников во всех религиях связано, как мы знаем, с неверным представлением о причине болезней. Безбожники должны связаться с местными медицинскими работниками, чтобы те устроили в районе священных источников лекции на тему: «может ли вода исцелять от всех болезней?» Такой способ будет в тысячу раз надежнее, чем засыпка любого источника. Ведь, когда-то и митрополит Филарет приказывал взрывать марийские священные камни. Но это не взорвало самой марийской религии.

В борьбе с экономическим влиянием мулл особенную роль должны сыграть кооперация и комитеты взаимопомощи. Нужно иметь и с ними живой контакт нашим безбожникам, чтобы кредиты, машины, семена и прочая государственная помощь направлялись, прежде всего, в те места, где больше всего чувствуется экономическое засилие духовенства. Опыт сепараторных женских кружков в Татарии надо развивать и углублять, чтобы выбить почву из под ног муллих, разлагающих психологию татарской женщины. Надо заинтересовать татарскую крестьянку не только премиями, — это дешевый способ получить быстрые эффекты, но глубокого тут нет ничего. Надо сделать так, чтобы татарке было самой интересно сидеть в кооперативной молочной. Здесь бы следовало рекомендовать чтение художественной татарской литературы, разучивание новых татарских песен.

Хоровое пение, вообще, — могучий рычаг организации масс. Церковное пение у православных, пение у сектантов, певческие кружки у финнов Ленинградской области — примеры того, как церковники умеют использовать для привлечения к себе тех людей, у которых развита любовь к изящному. Сектанты с этой же целью наводят чистоту в своих молитвенных помещениях, украшают их лозунгами, цветами. Православные любят «благолепие» в церквах. В наших избах-читальнях при ячейках безбожников должны быть во что бы то ни стало организованы хоровые кружки, должны разучиваться революционные, в том числе и безбожные

песни. Вышеприведенный пример с девушкой, которую таким путем удалось сделать безбожницей и втянуть в партию — не должен выходить у нас из головы. Вместе с организацией хора надо обращать внимание на чистоту и уют в избах-читальнях и клубах. Если избач сам плюет без разбору и кидает на пол окурки, ему трудно будет понять новый этап нашей культурной работы, в том числе и на антирелигиозном фронте. Избы-читальни можно украсить и свежей зеленью, и цветами, и вышитыми деревенскими полотенцами, которыми так богат Волжско-Камский край.

Особое место в антирелигиозной работе должна сейчас занять школа. Многие учителя до сих пор прятались за лозунг «безрелигиозного воспитания» и тем оправдывали свою пассивность в борьбе с религией. Сейчас эта пассивность должна быть уничтожена. Все учительство должно пойти за своими передовыми представителями. Во всех звеньях и группах школьной системы, во всех элементах программы должны найти себе место вопросы антирелигиозной пропаганды, увязанные и с естествознанием, и с обществоведением. В условиях Волжско-Камского края в русских, чувашских, марийских, вотяцких и мордовских школах необходимо остановиться на разоблачении «православного язычества», истории монастырей и деяний миссионеров. Среди татар надо поставить и раз'яснение старых мусульманских суеверий, и беспощадно разоблачить буржуазную классовую сущность современного реформизма. Ячейки Союза Безбожников должны быть организованы при всех школах повышенного типа и без всяких фиговых листков, предлагаемых разными соглашателями, как «кружки по изучению мифологии» или «кружки по изучению суеверий данного района».

Пример татарского Сабан-Туя, уже утерявшего свой религиозный характер, вотяцкие и марийские праздники с проведением спортивных состязаний, говорят за жизненность этой формы работы в целях изжития старых религиозных форм. Вместо бесцельных гулянок с гармошкой, молодежь может получить здоровое и полезное развлечение. Особенно важно использовать такие массовые сборища молодежи, как у чуваш во время «уйав» (беременности земли). В это время водят хороводы, поют песни. В первую неделю после троицы в Бурундуковской волости, Буинского кантона, вблизи деревни Чувашской Чекалдым, в местности, под названием Армак Ту, собирается молодежь с девяти селений, но фактически с 15—20 чувашских деревень как Буинского кантона, так и Ульяновской губернии. Такие сборища бывают в селе Отточеве, Аликовского района (в первое воскресенье после троицы), в Мало-Шатьмах Цивильского района и Малых Туванах Аликовского района (в день вознесения), в селе Кошках, Мар-Посадского района

(в день церковного праздника введения во храм богородицы). Собирается молодежь массами и в дни летних престольных праздников. Обычно гуляние сопровождается пьянством и драками.

Кряшенские комсомольцы в Чистопольском кантоне с успехом использовали такие гулянья для культурной работы, устраивая кино-сеансы передвижки.

Следовало бы проделать опыт посылки сильных лекторов антирелигиозников, да и на другие полезные темы из городов края, в пункты этих сборищ, чтобы обслужить такую редкую по большой численности крестьянскую аудиторию. Доморощенные физические состязания, кончающиеся порою увечьем или дракой, можно заменить правильной организацией. Союзы безбожников должны связываться поэтому и с физкультурниками. Хороводы с играми и песнями можно сопровождать разучиванием советских песен, новыми комсомольскими играми. И священные рощи незачем вырубать. Они все больше и больше будут служить для молодых поколений местом отдыха и гуляния, а не местом кровавых жертв, как в старину. О работе драматических кружков в антирелигиозных целях и о специальных стенных газетах я здесь не говорю, потому что формы эти уже привились раньше других. Следует лишь строже относиться к выбору пьес и отвергать наиболее пустые и легкомысленные вещи. Иногда для отвлечения от религии в праздник или под праздник полезнее даже не антирелигиозная, а просто хорошо сыгранная художественная пьеса.

Всякая массовая работа должна быть закреплена посредством организации или пополнения числа членов ячейки Союза безбожников. Ячейку нужно собирать — иначе это не ячейка, а призрак — и обсуждать не только статьи «Безбожника», но и местные очередные вопросы, как отвлечь молодежь от организации языческого моления, как добиться, чтобы средства, собранные на закупку жертвенного скота, пошли для приобретения племенного быка или общественной пожарной машины, как противодействовать поповским хождениям за ругой — не обойти ли заранее по домам крестьян и отсоветывать; как организовать общественное питание молодежи в дни уразы; как провести праздник «Иошкар Пэлэдэш» в марийской деревне или зимнего николу — в русской. Как подойти к введению многополья в данном селе. Конкретные местные вопросы, которые будет ставить перед собой ячейка, придадут ей жизненность и силу.

Работа ячейки должна выражаться не только в собраниях и читках. Руководителям ячейки нужно заниматься и индивидуальнной обработкой своих членов, а также колеблющихся, стоящих на пороге безбожия. Вспомним примеры с «хиной» и «голосом». Сила влияния сектантов и духовен-

ства заключается очень часто в умелом индивидуальном подходе. Надо это парализовать, надо почаще беседовать с единомышленниками, а особенно с вновь привлеченными. Неграмотного безбожника его товарищи должны сейчас же обучить грамоте, нуждающемуся в юридической справке — раздобыть таковую. Имеющему большую материальную нужду устроить кредит или постараться достать подсобную работу. Если другие крестьяне и рабочие увидят, что безбожники так дружны, что они готовы всегда помочь в беде товарищу, то пропадает почва для разговоров, вроде «без бога не до порога», или «без бога все убивать друг друга будут, удержу не станет». Вместо этого «удержу» и плетки божьего гнева надо поставить сознательную товарищескую связь, взаимопомощь, тесное идейное общение.

Плохо будет, если на беседу женщина придет к безбожникам, а за каплями от зубной боли побежит после к попадье. От попадьи она может и не вернуться.

В целях расширения массового охвата рабочих и крестьян ячейками Союза Безбожников можно рекомендовать еще одну форму работы. Опыт многих и религиозных, и политических, и всевозможных общественных организаций подсказывает нам, что подражание играет большую роль в их росте. Не будет ли плодотворным применение лозунга: «каждая ячейка Союза Безбожников должна организовать по соседству еще одну ячейку»? Ячейка старейшая может выделить туда для связи своего организатора, беседчика, а в дальнейшем связать новую ячейку с соответствующим советом Союза Безбожников (районным, волостным, кантонным).

Постоянное применение этого приема, который можно окрестить «почкованием», могло бы в довольно недолгий срок покрыть ячейками Союза весь Волжско-Камский край, потому что почва для безбожия есть везде.

При слабом развитии в крае фабрично-заводской промышленности большое значение приобретают массовые скопления рабочих, сезонников в Казани и отчасти других городах края. Тысячи этих полукрестьян, полурабочих в огромной степени интересуются религиозными вопросами, разнося всякий слух, правильный или неправильный, во все деревенские углы. Одни еще суеверны до крайности, другие уже отшатнулись от религии. Сюда направляют жадное внимание и сектанты. Среди сезонников нужно, не ограничиваясь лекциями, вести систематические беседы на постройках, в бараках, в воскресные дни. Центр тяжести следует положить в теме: «Помогает ли религия сельскому хозяйству». Учитывая большое распространение среди сезонников алкоголизма, необходимо связывать борьбу против духовной сивухи с пропагандой против водки. Тема «Водка и религия» должна быть включена в число лекций для сезон-

ников, помимо обычных антирелигиозных тем. Нужно использовать опыт Ленинграда и организовать среди сезонников временные ячейки Союза безбожников, бросив туда как можно больше передвижных библиотечек и газет «Безбожник».

Большое значение должны иметь и территориальные военные сборы переменников и допризывников. Особой формой работы нужно признать обслуживание Волжско-Камских пароходов и пристаней, где тысячи крестьянского люда внимают часто россказням попа и монахини в то время, как с громадным успехом могли бы вести с ними беседы местные ячейки Союза Безбожников. Советы тех городов, которые стоят на водных путях, должны включить эту работу в свои планы.

Мы подошли к концу своей задачи. Мы и не думали обрисовать все без исключения формы и методы антирелигиозной пропаганды. Наоборот, мы остановились только на тех из них, которые наиболее применимы по местным условиями. И если в процессе практической работы многие из них оправдаются делом, это будет залогом дальнейших успехов в борьбе с религией, залогом новых побед на этом участке культурной революции.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Численность чуваш, марийцев, вотяков и мордвы в РСФСР (по данным Совнацмена Наркомпроса РСФСР)

НАЗВАНИЕ НАРОДА	Чувашреспублика	Мариобласть	Вотобласть	Башреспублика	Татреспублика	Самарская губ.	Ульяновская губ.	Сибирский край	Уральская обл.	Нижегородская губ.	Вятская губ.	Пензенская губ.	Саратовская губ.	Оренбургская губ.	ИТОГО
Чуваши	740660	—	1000	74600	150000	116451	44822	29334	—	—	—	—	—	—	1210660
Мари	—	258000	2543	107894	17502	—	—	921	18366	6274	65993	—	—	—	511850
Вотяки (удмурты) .	—	2450	481392	25000	24570	—	—	2454	12907	—	40000	—	—	—	588783
Мордва	20000	—	—	58000	43000	248204	193000	150000	10000	103000	—	376000	211000	34000	1800000

2. Сведения о населении бывшей Казанской г. в 1914 г.

Народности	Язычники	Мусульмане	Крещеные	Отпавшие от православия	
Русские	—	—	1119735	—	(Адрес - календарь и справочная книжка Казанской губ. на 1916 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Казань. 1916 г. Стр. 786—787).
Татары	—	869412	45529	5105	
Мари	4047	—	143219	—	
Чуваши	9686	—	650616	—	
Мордва	—	—	32840	—	
Вотяки	2759	—	9626	—	

3. Население Татреспублики по данным всесоюзной переписи 1926 г.

Народности	Мужчин	Женщин	Всего	%%	
Татары	589076	676062	1265138	48,8	„Труд и Хозяйство", 83. №3—4, март — апрель 1928 г.
Русские	516008	602826	1118834	43,1	
Чуваши	60370	66960	127330	4,9	
Мордва	16605	18479	35084	1,4	
Вотяки	11133	12740	23873	0,9	
Мари	6174	6956	13130	0,5	
Прочие	5397	5246	10643	0,4	
Итого . . .	1204763	1389269	2544632	100,0	

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

ВВЕДЕНИЕ — Передвижение народов Волжско-Камского края вследствие русской колонизации 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ. — Православная церковь как орудие колонизации и обрусительной политики на Волге и Каме.

Монастырская колонизация. — Основание Казанской епархии и христианизация края в до-петровский период.—Миссионерская деятельность в Казанской и Вятской епархиях в XVIII веке. „Новокрещенская контора“.—Миссионерская деятельность в XIX веке. — Библейское общество в Казани.—Митрополит Филарет. „Братство св. Гурия“. „Система“ Н. И. Ильминского. . . . . 13—32

ГЛАВА ВТОРАЯ. — Древнейшие народные религии Волжско-Камского края. Чуваши. Кряшены. Вотяки. Мари. Мордва.

Представления о душе. Почитание умерших. Духи, боги, керемети. — Священные рощи. Праздники и запретные дни. Жертвоприношения. — Жрецы и знахари. Народная медицина. Классовая роль жречества. Преследование „язычников“ при царском режиме. Мултанское дело.—Внутреннее развитие „язычества“. „Кузька-бог“ у мордвы. Вотяцкие секты. Марийская секта „кугу-сорта“. . . . 33—69

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — Мусульманское „язычество“.

Классовая сущность ислама.—Представления о душе и загробной жизни.—Ангелы. Шайтаны. Джинны.—Фетишизм. Камень Каабы. Культ луны и светил. — Паломничество в Мекку.—Колдовство. Магомет и шаманы.—Кровавые жертвы. Чудеса Магомета.—Святые ислама. Ишанизм . . . . . 70—89